

ИСТОРИЯ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII – XVIII ВВ.

Хрестоматия

Министерство образования и науки Украины
Государственное учреждение
«Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»

***ИСТОРИЯ РУССКОЙ И
ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XVII – XVIII ВВ.***

**Хрестоматия
для иностранных студентов
специальности «Язык (русский и английский)
и зарубежная литература»**

Луганск
ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко»
2013

УДК 82 (091) (075.8)
ББК 83.3 (0) я 73
Ю–15

Рецензенты:

- Галич О. О.** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы и компаративистики ГУ «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».
- Дмитренко В. И.** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной литературы ГУ «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».
- Розсоха В. А.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГУ «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Ю–15 История русской и зарубежной литературы XVII – XVIII вв. : хрестоматия для иностр. студ. спец. «Язык (русский и английский) и зарубежная литература» / сост. Н. Л. Юган ; Гос. учрежд. «Луган. нац. ун-т имени Тараса Шевченко». – Луганск : Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. – 303 с.

Хрестоматия включает в себя материалы по истории русской и зарубежной литературы XVII – XVIII вв.: пересказы художественных произведений, тексты и отрывки из текстов, которые входят в учебную программу (практические занятия) курсов «История русской литературы XVIII в.» и «История зарубежной литературы XVII – XVIII вв.». Текстуальный материал сопровождается вопросами и заданиями, направленными на проверку усвоения содержания произведения и целостный анализ текста.

Хрестоматия способствует организации аудиторной и самостоятельной работы студентов стационара факультета иностранных языков, может быть интересна студентам заочного отделения и учителям.

УДК 82 (091) (075.8)
ББК 83.3 (0) я 73

*Рекомендовано к печати Учебно-методическим советом
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(протокол № 10 от 5 июня 2013 года)*

© Юган Н. Л., 2013
© ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
История русской литературы XVIII в.	
Модуль № 1. История русской литературы 1800 – 1860-х гг.	
Практическое занятие № 1. Сатиры А.Д. Кантемира.....	6
Практическое занятие № 2. Идеино-художественное своеобразие ломоносовской оды.....	16
Модуль № 2. История русской литературы 1870 – 1890-х гг.	
Практическое занятие № 1. Комедия Д.И. Фонвизина «Недоросль».....	27
Практическое занятие № 2. Традиции и новаторство в поэзии Г.Р. Державина.....	47
Практическое занятие № 3. «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева.....	59
Практическое занятие № 4. Поэзия конца XVIII века.....	95
Практическое занятие № 5. Поэтика прозы Н.М. Карамзина.....	129
История зарубежной литературы XVII – XVIII вв.	
Модуль № 1. История зарубежной литературы XVII в.	
Практическое занятие № 1. Французская классицистическая трагедия XVII в.....	153
Практическое занятие № 2. Творчество Ж.-Б. Мольера. Комедии «Мещанин во дворянстве», «Тартюф».....	176
Модуль № 2. История зарубежной литературы XVIII в.	
Практическое занятие № 1. Английская просветительская литература XVIII в. Д. Дефо, Дж. Свифт.....	211

Практическое занятие № 2. Просвещение во Франции. Философские повести Вольтера и Д. Дидро	251
Практическое занятие № 3. Идеи Просвещения в Германии. Драматургия Ф. Шиллера. Драма «Коварство и любовь»	276
Практическое занятие № 4. Немецкая просветительская литература. «Фауст» Й.-В. Гёте.....	284

ВВЕДЕНИЕ

Хрестоматия по истории русской и зарубежной литературы XVII – XVIII вв. составлена на основе учебных планов и рабочих программ кафедры всемирной литературы Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. Она адресована иностранным студентам 1 и 2 курсов специальности «Язык (русский – английский) и зарубежная литература», которые овладевают знаниями по истории русской и зарубежной литературы. Особенностью учебного процесса на данной специальности является смешанный характер групп. Они включают значительное количество иностранных студентов, только овладевающих русским языком как языком межнационального общения.

Материал хрестоматии соотносится с учебно-методическими изданиями Юган Н.Л.: «История русской литературы XVIII в. : учебно-методическое пособие». – Луганск : Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. – 97 с.; «История зарубежной литературы XVII – XVIII вв. : учебно-методическое пособие». – Луганск : Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. – 178 с.

В хрестоматию включены пересказы художественных произведений, тексты и отрывки из текстов, которые входят в учебную программу (практические занятия) курсов «История русской литературы XVIII в.» и «История зарубежной литературы XVII – XVIII вв.». Текстуальный материал сопровождается вопросами и заданиями, направленными на проверку усвоения содержания произведения и целостный анализ текста. В отдельных случаях задания ориентируют студентов на проведение компаративных сопоставлений изучаемого произведения и близких ему произведений других эпох и национальных культур.

Хрестоматия по истории русской и зарубежной литературы XVII – XVIII вв. способствует организации аудиторной и самостоятельной работы студентов стационара факультета иностранных языков, может быть интересна студентам-заочникам и учителям.

История русской литературы XVIII в.

Модуль № 1. История русской литературы 1800 – 1860-х гг.

Практическое занятие № 1 *Сатиры А.Д. Кантемира*

Задание:

1. Прочитайте сатиры А.Д. Кантемира.

А. Д. Кантемир **Сатира I. На хулящих учение. К уму своему**

1 Ум незрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав летящи дни века проводи
Можно, и славу достать, хоть творцом не слыти.
5 Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутся ноги;
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестр. Многи на нём силу потеряли,
Не дошед; нужно на нём потеть и томиться,
10 И в тех трудах всяк тебя как мору чужится,
Смеётся, гнушается. Кто над столом гнётся,
Пяля на книгу глаза, больших не добьётся
Палат, ни расцветенна мраморами саду;
Овцу не прибавит он к отцовскому стаду.
15 Правда, в нашем молодом монархе надежда
Всходит музам немала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлин славы в нём защиту
Своей не слабу почул, чтыща свою свиту
Видел его самого, и во всём обильно

20 Тщится множить жителей парнасских он сильно.
Но та беда: многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.
«Расколы и ереси науки суть дети;
Больше врёт, кому далось больше разумети;
25 Приходит в безбожие, кто над книгой тает,
Критон с чётками в руках ворчит и вздыхает,
И просит, свята душа, с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами;
Дети наши, что пред тем, тихи и покорны,
30 Праотческим шли следом к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь, к церкви соблазну, библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину;
35 Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьёшь их палкою к солёному мясу;
Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
40 Поместья и вотчины весьма не пристали».
Силван другую вину наукам находит.
«Учение, - говорит, - нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живём ныне;
45 Гораздо в невежестве больше хлеба жали
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину,
Ни связи, - должно ль о том тужить дворянину?
Довод, порядок в словах – подлых то есть дело,
50 Знатным полно подтверждать иль отрицать смело.
С ума сошёл, кто души силу и пределы
Испытает; кто в поту томится дни целы,
Чтоб строй мира и вещей выведать премену
Иль причину, - глупо он лепит горох в стену.
55 Прирастёт ли мне с того день к жизни, иль в ящик
Хотя грош? могу ль чрез то узнать, что приказчик,

Что дворецкий крадёт в год? как прибавить воду
 В мой пруд? как бочек число с винного заводу?
 Не умнее, кто глаза, полон беспокойства,
 60 Коптит, печась при огне, чтоб вызнать руд свойства,
 Ведь не теперь мы твердим, что буки, что веде
 Можно знать различие злата, серебра, меди.
 Трав, болезней знание – голы всё то враки;
 Глава ль болит – тому врач ищет в руке знаки;
 65 Всему в нас виновна кровь, буде ему веру
 Дать хочешь. Слабеем ли – кровь тихо чрезмеру
 Течёт; если спешно – жар в теле; ответ смело
 Даёт, хотя внутри никто видел живо тело.
 А пока в баснях таких время он проводит,
 70 Лучший сок из нашего мешка в его входит.
 К чему звёзд течение числить, и ни к делу,
 Ни кстати за одним ночь пятном не спать целу,
 За любопытством одним лишиться покою,
 Ища, солнце ль движется, или мы с землёю?
 75 В часовнике можно честь на всякий день года
 Число месяца и час солнечного восхода.
 Землю в четверти делить без Евклида смыслим,
 Сколько копеек в рублей – без алгебры счислим».

Силван одно знание слично людям хвалит:
 80 Что учит множить доход и расходы малит;
 Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
 Гражданству вредным весьма безумством звать смеет.
 Румяный, трожды рыгнув, Лука подпеваает:
 «Наука содружество людей разрушает;
 85 Люди мы к сообществу божия тварь стали,
 Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.
 Что же пользы иному, когда я запруся
 В чулан, для мёртвых друзей – живущих лишуся,
 Когда всё содружество, вся моя ватага
 90 Будет чернило, перо, песок да бумага?
 В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати:
 И так она недолга – на что коротати,
 Крушиться над книгою и повреждать очи?

Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
 95 Вино – дар божественный, много в нём провору:
     Дружит людей, подаёт повод к разговору,
     Веселит, все тяжкие мысли отымает,
     Скудость знает облегчать, слабых ободряет,
     Жестоких смягчит сердца, угрюмость отводит,
 100 Любовник легче вином в цель свою доходит.
     Когда по небу сохой бразды водить станут,
     А с поверхности земли звёзды уж проглянут,
     Когда будут течь к ключам своим быстры реки
     И возвратятся назад минувшие веки,
 105 Когда в пост чернец одну ешь станет вязигу,
     Тогда, оставя стакан, примуся за книгу».

Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
 На письмо, на печать книг, а ему приходит,
 Что не в чем уж завертеть завитые кудри;
 110 Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры;
 Пред Егором двух денег Виргилий не стоит;
 Рексу – не Цицерону похвала достоин.

Вот часть речей, что на всяк день звенят мне в уши;
 Вот для чего я, уме, немее быть клуши
 115 Советую. Когда нет пользы, ободряет
 К трудам хвала, - без того сердце унывает.
 Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпети!
 Трудней то, неж пьянице вина не имети,
 Нежли не славить попу святую неделю,
 120 Нежли купцу пиво пить не в три пуда хмелю.
 Знаю, что можешь, уме, смело мне представить,
 Что трудно злонравному добродетель славить,
 Что щёголь, скупец, ханжа и таким подобны
 Науку должны хулить, - да речи их злобны
 125 Умным людям не устав, плюнуть на них можно;
 Изряден, хвален твой суд; так бы то быть должно,
 Да в наш век злобных слова умными владеют.
 А к тому ж не только тех науки имеют
 Недрузей, которых я, краткости радея,
 130 Исчёл иль, правду сказать, мог исчезеть смелея.

Полно ль того? Райских врат ключари святые,
И им же Фемис вески вверила златые,
Мало любят, чуть не все, истинну украсу.
Епископом хочешь быть – уберися в рясу,
135 Сверх той тело с гордостью риза полосата
Пусть прикроет; повесь цепь на шею от злата,
Клобуком покрой главу, брюхо – бороною,
Клюку пышно повели везти пред тобою;
В карете раздувшись, когда сердце с гневу
140 Трещит, всех благословлять нудь праву и леву.
Должен архипастырем всяк тя в сих познати
Знаках, благоговейно отцом называти.
Что в науке? что с неё пользы церкви будет?
Иной, пища проповедь, выпишь позабудет,
145 Отчего доходам вред; а в них церкви права
Лучшие основаны, и вся церкви слава.
Хочешь ли судьёю стать – вздень перук с узлами,
Брани того, кто просит с пустыми руками,
Твёрдо сердце бедных пусть слезы презирает,
150 Спи на стуле, когда дьяк выписку читает.
Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
Иль естественный закон, иль народны права
Плюнь ему в рожу, скажи, что врёт околёсну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
155 Что подьячим должно лезть на бумажны горы,
А судье довольно знать крепить приговоры.
К нам не дошло время то, в коем председа
Над всем мудрость и венцы одна разделяла,
Будучи способ одна к высшему восходу.
160 Златой век до нашего не дотянул роду;
Гордость, леность, богатство – мудрость одолело,
Науку невежество местам уж посело,
Под митрой гордится то, в шитом платье ходит,
Судит за красным сукном, смело полки водит.
165 Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита;
Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбы,

Как, страдавши на море, корабельной службы.
Все кричат: «Никакой плод не видим с науки,
170 Учёных хоть голова полна – пусты руки».
Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
Танцует, на дудочке песни три играет,
Смыслит искусно прибрать в своём платье цветы,
Тому уж и в самые молодью леты
175 Всякая высша степень – мзда уж невелика,
Семи мудрецов себя достойным мнит лика.
«Нет правды в людях, - кричит безмозглый церковник,
Ещё не епископ я, а знаю часовник,
Псалтырь и послания бегло честь умею,
180 В Златоусте не запнусь, хоть не разумею».
Воин ропщет, что своим полком не владеет,
Когда уж имя своё подписать умеет.
Писец тужит, за сукном что не сидит красным,
Смысля дело набело списать письмом ясным.
185 Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,
Кому в роде семь бояр случилось имети
И две тысячи дворов за собой считает,
Хотя в прочем ни читать, ни писать не знает.
Таковы слыша слова и примеры видя,
190 Молчи, уме, не скучай, в незнати сидя.
Бесстрашно того житьё, хоть и тяжко мнится,
Кто в тихом своём углу молчалив таится;
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
195 Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждёшь, достать хулу злую.
1729.

**Сатира VII. О воспитании. К князю
Никите Юрьевичу Трубецкому
(отрывок)**

1 Если б я, видя кого, что с рук не спускает
Часовник и пятью в день в церковь побывает,
Постится, свечи кладёт и не спит с женою,
Хоть отняв у бедного ту, что за душую
5 Одну рубашку имел, нагим ходить нудит, -
Если б я, видя, сказал: «Дружок, ум твой блудит;
Тем путём не войдёшь в рай, и буде радеешь
Душу спасть, отдай назад, чем худо владеешь».
Спылав, ревность наградит мою сим ответом:
10 «Напрасно, молокосос, суёшься с советом».
И дело он говорит: ещё я тридцатый
Не видел возврат зимы, ещё черноватый
Ни один на голове волос не седеет;
Мне ли в таком возрасте поправлять довлеет
15 Седых, пожилых людей, кои чтут с очками
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнят мор в Москве и, как сего года,
Дела Чигиринского скажут похода?
Напрасно охрип бы я, доводя доводом,
20 Что ум в людях не растёт месяцем и годом;
Что хотя искус даёт разуму подпору,
И искус можно достать лише в поздно пору,
Однак как время того, кто не примечает
Причины дел, учинить искусным не знает,
25 Так прилежность сильна дать искус в малы лета.
Презренны слова мои будут без ответа,
И свет, почти весь упрям, всегда верить станет,
Что старик трёх молодых разумом потянет.
Не одно то мнение здравому разгласно
30 Видим смыслу втвержено; встречаем чточасно
Подобны и злейшие. Одни тех держаться
Любят, что полезны им и законны зрятся, -

Обман те свой чувствовать грубый не умеют;
Другие, и зная вред, бороться не смеют
35С упрямою волею, котора их нудит
Предызбрать то, что им смысл здравый вредно судит.
Буде причину того спросишь у народа,
Скажет, что с зачатия нашего природа
Слабу душу нам дала, и к обману склонну,
40 И подчинённу страстям; и что ту законну
Над нами природы власть одолеть не можно.
Испытал ли истину он в том осторожно?
Не знаю, Никито, друг! то одно я знаю,
Что если я добрую, ленив, запускаю
45 Землю свою – обрастёт худую травую;
Если прилежно вспашу, довольно покрою
Навозом песчаную – жирнее уж станет,
И довольный плод с нея трудок мой достанет.
Каково б с природы рук сердце нам ни пало,
50 Есть, есть время некое, в коем злу немало
Склонность уймём, буде всю истребить не можем,
И утвердиться в добре доброму поможем, -
Время то суть первые младенчества лета.
Чутко ухо, зорок глаз новый житель света
55 Пялит; всяка вещь ему приметна, всё ново
Будучи, всё с жадностью сердце в нём готово
Принять: что туды вскользнёт, скоро вкоренится,
Буде руки приложить повадка потщится;
На верёвке силою повадки танцуем.
60 Большу часть всего того, что в нас приписуем
Природе, если хотим исследовать зрело,
Найдём воспитания одного быть дело.
И знал то высшим умом монарх одарённый,
Пётр, отец наш, никаким трудом утомлённый,
65 Когда труды его нам в пользу были нужны.
Училища основал, где промысл услужный
В пути добродетелей имел бы наставить
Младенцев; осмелился и престол оставить
И покой; сам странствовал, чтоб подать собою

70 Пример в чужих брать краях то, что над Москвою
 Сыскать нельзя: сличные человеку нравы
 И искусства. Был тот труд корень нашей славы:
 Мужи вышли, годные к мирным и военным
 Дела, внукам памятни нашим отдалённым.
 75 Но скоро полезные презренны бывают
 Дела, кои лакомым чувствам не ласкают.
 Кучу к куче накоплять, дом построить пышной,
 Развесть сад, завесть завод, расчистить лес лишной,
 Детям уж богатое оставить наследство
 80 Печёмся, потеем в том; каково их детство
 Проходит – редко на ум двум или трём всходит;
 И у кого не одна в безделках исходит
 Тысяча – малейшего расхода жалеет
 К наставлению детей; когда же шалает
 85 Сын, в возраст пришед, отец тужит и стыдится.
 Напрасно вину свалить с плеч своих он тщится:
 Богатства сыну копил – презрел в сердце нравы
 Добры всадить. Богат сын будет, но без славы
 Проживёт, мало любим и свету презренный,
 90 Буде в петлю не вбежит плут уж совершенный.
 Главно воспитания в том состоит дело,
 Чтоб сердце, страсти изгнав, младенчее зрело
 В добрых нравах утвердить, чтоб чрез то полезен
 Сын твой был отечеству, меж людьми любезен
 95 И всегда желателен, - к тому все науки
 Концу и искусства все должны подать руки.
 Суд трудный мудро решить, исчислить приходы
 Пространна царства и им соравнить расходы
 Одним почти почерком; в безднах вод надёжный
 100 Предызбирать всегда путь; любитель прилежный
 Небес числить всякого удобно светила
 Путь и беглость и того, сколь велика сила
 Над другим; в твари всему знать исту причину –
 Мудрым зваться даст тебе и, может быть, к чину
 105 Высшему отворит вход; народ будет целый
 Искусным вождем ты звать, зря царства пределы,

Тобою расширенны, и вражии рати
И города, стёрты в прах. Но буде уняти
Не знаешь ярость твою, буде неприятен
110 К тебе доступ и тебе плач бедных невнятен,
Ежели волю твою не правит смысл правый,
Ежли развратны, одним словом, твои нравы –
Дивиться станет тебе, но любить не станет;
Хвалы нужда из его уст твои потянет,
115 Пользу свою лишь в тебе искать он потщится,
Гнушаясь тебя, и той готов отшетиться,
Только б тебя свалить с плеч. <...>

Вопросы к тексту:

1. Проанализируйте тематику и идейную специфику сатир А. Кантемира.
2. Какие актуальные проблемы современной автору действительности в них ставятся?
3. Охарактеризуйте систему персонажей произведений. Назовите положительных и отрицательных героев. Какие аргументы в пользу своей мировоззренческой позиции они приводят?
4. Какие сатирические приёмы использует автор?
5. Использует ли А. Кантемир архаизмы и церковно-славянизмы? Если да, то какова их функция в произведениях?

Практическое занятие № 2
Идейно-художественное своеобразие
лomonосовской оды

Задание:

1. Прочитайте оду М.В. Ломоносова.

М.В. Ломоносов

**Ода на день восшествия на всероссийский
престол её величества государыни
императрицы Елисаветы Петровны 1747 года**

- Царей и царств земных отрада
Возлюбленная тишина,
Блаженство сёл, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
- 10 Своё богатство по земли.
Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа её зефира тише,
- 20 И зрак прекраснее рая.
Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,

Внушив рыданий наших слух,
 Верьхи Парнасски восстенали,
 И музы воплем провождали
 100 В небесну дверь пресветлый дух.
 В толикой праведной печали
 Сомненный их смущался путь;
 И токмо шествуя желали
 На гроб и на дела взглянуть.
 Но кроткая Екатерина,
 Отрада по Петре едина,
 Приемлет щедрой их рукой.
 Ах если б жизнь её продлилась,
 Давно б Секвана постыдилась
 110 С своим искусством пред Невой!
 Какая светлость окружает
 В толикой горести Парнас?
 О коль согласно там бряцает
 Приятных струн сладчайший глас!
 Все холмы покрывают лики;
 В долинах раздаются клики:
 Великая Петрова дочь
 Щедроты отчи превышает,
 Довольство муз усугубляет
 120 И к счастью отверзает дверь.
 Великой похвалы достоин,
 Когда число своих побед
 Сравнить сраженьям может воин
 И в поле весь свой век живёт;
 Но ратники, ему подвластны,
 Всегда хвалы его причастны,
 И шум в полках со всех сторон
 Звучащу славу заглушает,
 И грому труб её мешает
 130 Плачевный побеждённых стон.
 Сия тебе единой слава,
 Монархиня, принадлежит,
 Пространная твоя держава

- О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течёт;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
140 Что щедростью твоей цветёт.
Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утверждённых рук.
Сие злату очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
150 Тобой восставленных наук.
Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мёрзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстринной,
Как Нил, народы напоет
И бреги наконец теряет,
160 Сравнившись морю шириной.
Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
170 Поющих птиц не устрашал.

Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца восход и где Амур
В зелёных берегах крутится,
Желая паки возвратиться
180 В твою державу от Манжур.
Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы
190 Твои щедроты возвестить.
Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевою одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежных весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
200 Не знают строгия зимы.
И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски копием;
Сребро и золото истекает
Во всём наследии твоём.
Плутон в расселинах мятётся,
Что россам в руки предаётся
Драгой его металл из гор,

Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
210 Он мрачный отвращает взор.
О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовёт от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
220 Российская земля рождать.
Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
230 В покое сладки и в труде.
Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнёт,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
240 С числом щедрот твоих сравнит.
Конец 1747.

Вопросы и задания к тексту:

1. Что вы можете сказать об авторе произведения?
2. Какое место в его творчестве занимает данное стихотворение?
3. Каковы тема и идея текста?
4. В каком жанре он создан?
5. Охарактеризуйте лирического героя произведения.
6. Какие исторические события, детали национального быта и т.п. отражены в тексте?
7. Какой образ Елизаветы Петровны создаёт М. Ломоносов? Какие похвалы ей воздаёт одописец?
8. Что вы можете сказать о стилистике произведения.
9. Проанализируйте стихотворение в единстве формы и содержания. Выделите черты, которые характеризуют принадлежность творчества поэта к одному из основных литературных направлений XVIII в. (укажите к какому).
10. Прочитайте приведённые ниже оды М. Ломоносова.

Утреннее размышление о Божием величестве

Уже прекрасное светило
Простёрло блеск свой по земли
И божия дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков зиждитель сам!
Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бrenно наше око
Могло, приблизившись, возреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.
Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,

Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.
Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна.
О коль пресветлая лампада
Тобою, боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!
От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполненны твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
Велик зиждитель наш господь!
Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор твой в бездну проникает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Лиётся радость твари всей.
Творец! покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред тобою
И всегда творити научи,
И на твою смотря тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь.

1743(?)

Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния

Лице своё скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы чорна тень;
Лучи от нас склонились прочь;

Открылась бездна звёзд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.
Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублён,
Теряюсь, мысльми утомлён!
Уста премудрых нам гласят
Там разных множество светов;
Несчётны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.
Но где ж, натура, твой закон?
С полных стран встаёт заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се холодный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!
О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет;
Скажите, что нас так мятет?
Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мёрзлый пар
Среди зимы рождал пожар?
Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,

И гладки волны бьют в эфир.
Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?
1743.

Вопросы и задания к тексту:

1. Какое место в творчестве М. Ломоносова занимают данные стихотворения?
2. Каковы их тема и идея? В каком жанре они созданы?
3. Какие исторические события, детали национального быта и т.п. отражены в тексте?
4. Какое место занимает в текстах образ природы?
5. Что вы можете сказать о стилистике произведения.

Модуль № 2. История русской литературы 1870 – 1890-х гг.

Практическое занятие № 1 *Комедия Д.И. Фонвизина «Недоросль»*

Задание:

1. Прочитайте краткое содержание комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль».

Д.И. Фонвизин **Недоросль (1781)** **Комедия в пяти действиях** **(краткое содержание)**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Простаков.

Гж. Простакова, жена его.

Митрофан, сын их, недоросль.

Еремеевна, мамка Митрофана.

Правдин.

Стародум.

Софья, племянница Стародума.

Милон.

Г-н Скотинин, брат гж. Простаковой.

Кутейкин, семинарист.

Цыфиркин, отставной сержант.

Вральман, учитель.

Тришка, портной.

Слуга Простакова.

Камердинер Стародума.

Действие в деревне Простаковых.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Гж. Простакова, рассматривая новый кафтан Митрофана, ругает Тришку за то, что тот обузил и испортил вещь. Она отправляет Еремеевну за портным, а Митрофана – за отцом.

ЯВЛЕНИЕ II

Простакова, называя Тришку «скотом» и «воровской харей», ругает его за испорченный кафтан. Тришка оправдывается: он самоучка. На это Простакова отвечает, что первый портной тоже ни у кого не учился. На что Тришка возражает: «Да первый портной, может быть, шил хуже и моего».

ЯВЛЕНИЕ III

Простакова ругает мужа, что он от неё скрывается, и просит решить спор о кафтане. Простакову кажется, что кафтан мешковат. Простакова бранит мужа, а тот отвечает: «При твоих глазах, мои ничего не видят». Простакова сетует, что Бог дал мужа-глупца.

ЯВЛЕНИЕ IV

Появляется Скотинин и спрашивает, кого хочет наказать сестра в день его сговора? В другой день он сам поможет наказать любого: «Не будь я Тарас Скотинин, если у меня не всякая вина виновата». Разглядывая кафтан Митрофана, Скотинин говорит, что он шит «изряднёхонько». Простакова велит Еремеевне накормить Митрофана, ибо скоро учителя придут. Еремеевна отвечает, что он уже пять булок съел, а до этого всю ночь промаялся от обжорства. Митрофан рассказывает, что его мучали кошмары: матушка была батюшку. Митрофан жалеет, что мать устала от драки. Гж. Простакова называет сына «моё утешение» и отправляет его порезвиться.

ЯВЛЕНИЕ V

Простакова и Скотинин беседуют о Софье. Скотинин предлагает: не грех бы ей узнать о сговоре. Простакова отвечает, что нечего ей докладываться. И вспоминает, как она хорошо относится к сироте. Простаков же уточняет, что вместе с Софьей взяли мы надзирать и за её деревенькой. Жена резко

обрывает его. Скотинину не терпится жениться, чтобы объединить земли и разводить свиней, до которых у него «смертная охота». Простакова утверждает, что Митрофан весь в дядю, тоже обожает свиней.

ЯВЛЕНИЕ VI

Входит Софья с письмом, но ни Скотинин, ни Простакова его прочесть не могут и кичатся тем, что в их роду сроду не было грамотеев.

ЯВЛЕНИЕ VII

Входит Правдин, Простакова просит его прочесть письмо, но Правдин сначала спрашивает разрешения у Софьи, объясняя, что чужих писем не читает. Из письма выясняется, что Софья – «наследница дохода с десяти тысяч». Скотинин и Простакова ошеломлены. Простакова кидается обнимать Софью. Скотинин понимает, что его сговору уже не быть.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Слуга объявляет Простакову, что в село вошли солдаты с офицером. Простакова пугается, но муж её успокаивает, что офицер не допустит беспорядка.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Милон неожиданно встречается с давним приятелем Правдиным и говорит, что спешно едет в Москву, горюет, что не знает ничего о своей возлюбленной, может быть, подвергающейся жестокости. На что Правдин рассказывает, что и в данном семействе жестокая жена и глупый муж. Он же, Правдин, надеется положить конец «злобе жены и глупости мужа». Милон доволен, что его друг имеет на то полномочия. Входит Софья.

ЯВЛЕНИЕ II

Милон счастлив от встречи с возлюбленной, а Софья жалуется на притеснения, которые пришлось ей пережить в доме Простаковых. Софья удивлена сегодняшней переменой к ней Простаковой. Милон ревнует, но Софья обрисовывает тупость Митрофана, и Милон успокаивается. Софья уверена,

что её судьба в руках дяди, который скоро приедет. Появляется Скотинин.

ЯВЛЕНИЕ III

Скотинин жалуется, что сестра, вызвавшая его из именина на сговор, резко изменила своё намерение. Он говорит Софье, что её у него никто не отнимет. Милон возмущён такой дерзостью. Скотинин грозит отомстить Митрофану, переходящему ему путь.

ЯВЛЕНИЕ IV

Еремеевна уговаривает Митрофана поучиться, а он её обзывает «старой хрычовкой». Вошедший Скотинин грозит Митрофану расправой. Еремеевна кидается на защиту своего питомца. Скотинин отступает.

ЯВЛЕНИЕ V

Простакова заискивает перед Милоном и Софьей, говорит, что ждёт её дядюшку, а затем начинает рассказывать, как она любит Митрофана и заботится о нём, лишь бы его в люди вывести. Появляются учителя, не бог весть какие, зато дешёвые. Цыфиркин жалуется, что третий год не может обучить Митрофана действию с дробями. Правдин и Милон убеждаются, что учителя никудышные, и уходят, чтобы не мешать занятиям Митрофана.

ЯВЛЕНИЕ VI

Простакова просит Митрофана повторить пройденное с учителями. А сын жалуется ей на дядю, который чуть не убил его. Простакова накинулась на Еремеевну, почему та не заступилась за «ребёнка». Потом она велит мамке накормить учителей и продолжить учение. Уходя, учителя жалуется на свою несчастную долю.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Правдин и Стародум, беседуя, вспоминают Петровскую эпоху, когда людей ценили по уму, а не по чинам и богатству. Они рассуждают о достоинствах традиционного воспитания, когда воспитывали не только ум, но и душу. Стародум рассказывает случай, когда он познакомился с недостойным

человеком, но не сразу это распознал. Стародум служил отечеству, воевал и получил раны, но узнал, что молодой человек, благодаря близости отца ко двору, обошёл его по службе, не проявив ни малейшего рвения к делам, тогда Стародум покинул государственную службу, ушёл в отставку. Попад ко двору, Стародум удивлялся, что там никто не ходит по прямой дороге, а всё крюками, лишь бы обойти друг друга. Всё это ему не понравилось, и он предпочёл удалиться. Не получив ни чинов, ни деревень, он сохранил «душу, честь и правила». Стародум выносит приговор царствующему дому: «Тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится».

ЯВЛЕНИЕ II

Радостно и сердечно встречаются Стародум и Софья. Софья говорит, что очень переживала, куда он пропал на столько лет. Стародум успокаивает её, что нажил достаточно денег в Сибири, чтобы хорошо её выдать замуж. Софья выражает ему свое почтение и признательность. До них доносится страшный шум.

ЯВЛЕНИЕ III

Милон разнимает дерущихся Простакову и Скотинина. Скотинин изрядно потрёпан. Если бы не Милон, ему пришлось бы совсем худо. Софья глазами показывает Милону на Стародума, Милон её понимает.

ЯВЛЕНИЕ IV

Простакова бранит Еремеевну, что кроме неё никого из дворни не видит. Еремеевна говорит, что Палашка заболела и бредит, «как благородная». Простакова удивляется. Она велит позвать мужа и сына, чтобы представить их дядюшке Софьи.

ЯВЛЕНИЕ V

Стародум, едва вырвавшись из объятий Простаковой, сразу попадает к Скотинину. Затем знакомится с Милоном. А уж его за руки хватают Митрофан и Простаков. Митрофан намеревается поцеловать руку Стародуму, лебезит перед ним под диктовку матери. Простакова говорит Стародуму, что сроду она ни с кем не ругается, т.к. нрава тихого. Стародум язвительно отвечает, что успел это заметить. Правдин добавляет, что уже

три дня наблюдает баталии. Стародум говорит, что не любитель подобных зрелищ, поэтому завтра же уедет с Софьей в Москву. Простакова буквально плачет, что не переживёт отъезда Софьи. Стародум говорит, что едет выдать Софью замуж за достойного человека. Простакова вспоминает своих родителей, у которых было 18 детей, а выжили лишь двое: она да брат. Отец её всегда говорил, что проклянёт своего сына, если тот будет учиться. А ныне век другой, вот она своего сына кое-чему учит. Простакова хвалится Митрофаном и хочет, чтобы Стародум оценил его успехи. Стародум отказывается, говоря, что он плохой судья в том.

ЯВЛЕНИЕ VI

Кутейкин и Цыфиркин возмущаются, что приходится каждый раз подолгу ждать своего ученика. Кутейкин сочувствует местной челяди, говоря, что он служивый человек, бывал в баталиях, но здесь пострашнее. Цыфиркин жалеет, что нельзя как следует наказать Митрофана за глупость и лень.

ЯВЛЕНИЕ VII

Митрофан соглашается ради матери поучиться последний раз, но чтобы уж и сговор был сегодня: «Не хочу учиться, а хочу жениться». Митрофан повторяет с учителями пройденное, но не может решить простейшую задачу. Мать постоянно вмешивается, учит сына ни с кем не делиться. Знать географию незачем, на то извозчики есть.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Учитель Вральман говорит с сильным иностранным акцентом, его едва можно понять. Он уверен, что не следует забивать голову ребенка науками, лишь бы здоровье было. Он ругает русских учителей, губящих здоровье Митрофанушки. Простакова с ним полностью согласна. Она уходит приглядеть за сыном, чтобы он не разгневал как-нибудь невзначай Стародума.

ЯВЛЕНИЕ IX

Кутейкин и Цыфиркин нападают на Вральмана, тот убегает, чтобы ему не намяли бока.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Софья читает книгу и ждёт дядю.

ЯВЛЕНИЕ II

Стародум видит книгу Софьи и говорит, что автор «Телемака» не может написать плохую книгу. Он верит, что Софья читает отличную книгу. Они беседуют о хороших и дурных людях. Софья уверяет, что счастье – это знатность и богатство. Стародум соглашается с ней, говоря, что у него свой расчёт. Знатность он ценит по числу дел, совершённых человеком для пользы Отечества, а богатство видит не в том, чтобы копить деньги в сундуках, а в том, чтобы отдавать лишнее нуждающимся. Софья с ним согласна. Стародум рассуждает о человеке вообще. Он говорит о семье, в которой муж и жена ненавидят друг друга, – это несчастье для них и окружающих, дети в такой семье брошены и несчастнейшие создания. И всё оттого, что люди не советуются со своим сердцем. Софья счастлива, что у неё появился такой мудрый наставник.

ЯВЛЕНИЕ III

Камердинер приносит Стародуму письмо. Софья идёт за очками для дяди.

ЯВЛЕНИЕ IV

Стародум размышляет о Милоне. Хочет сосватать за него Софью.

ЯВЛЕНИЕ V

Софья признаётся Стародуму в любви к Милону.

ЯВЛЕНИЕ VI

Правдин представляет Стародуму Милона. Софья говорит, что её мать любила его, как родного сына. Милон высказывает свои взгляды на службу и человека, близкие взглядам Стародума. Милон показывает себя образованным и рассудительным молодым человеком. Он нравится Стародуму, и тот благословляет Софью и Милона на брак.

ЯВЛЕНИЕ VII

Появляется Скотинин и просит благословить его и Софью. Он показывает себя абсолютным глупцом. Стародум смеётся.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Гж. Простакова интересуется, не помешал ли кто отдыхать Стародуму; она всех заставляла ходить на цыпочках, чтобы не потревожить такого дорогого гостя. Простакова опять просит Стародума проэкзаменовать Митрофана. Митрофан показывает абсолютное незнание элементарных вещей. Мать, защищая сына, говорит, что век люди жили без наук, и он благополучно проживёт.

ЯВЛЕНИЕ IX

Простакова интересуется, узнал ли Стародум её сына. Тот отвечает, что узнал обоих как нельзя лучше. На вопрос Митрофана он отвечает, что Софье не бывать за ним, она уже сговорена за другого. Простакова бежит в злобе по комнате и строит планы: украсть Софью в шесть утра, до того, как она уедет с дядей.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Правдин и Стародум беседуют о том, как можно положить конец злонравию Простаковой. Правдину поручено взять имение в опеку. Правдин и Стародум рассуждают о добродетелях царя, которому доверены жизни подданных, сколь велик душой он должен быть. Далее они переходят к рассуждению о дворянах, «кои должны быть благодетельны».

ЯВЛЕНИЕ II

Милон со шпагой в руках отбивает Софью от Еремеевны и людей Простаковой, которые насильно тащили девушку в карету и хотели везти в церковь венчаться с Митрофаном.

ЯВЛЕНИЕ III

Правдин уверен, что это преступление даёт повод дяде и жениху обратиться к правительству, чтобы наказать преступников. Простакова на коленях молит о пощаде.

ЯВЛЕНИЕ IV

Но Стародум с Милоном отказываются жаловаться на Простаковых, которые жалки и противны в своём унижении. Скотинин ничего не понимает в происходящем. Простакова встаёт с колен, когда понимает, что прощена, и тут же собирается чинить расправу над своими людьми, которые «выпустили Софью из рук». Она говорит, что вольна перепороть всех, если захочет. Тут Правдин достаёт бумагу об опеке над помещьем. Скотинин, боясь, что и до него доберутся, предпочитает удалиться.

ЯВЛЕНИЕ V

Простакова просит Правдина помиловать или дать отсрочку, хотя бы на три дня. Он и трёх часов не даёт.

ЯВЛЕНИЕ VI

Стародум признаёт во Вральмане своего бывшего кучера. Кутейкин требует за свою работу деньги, а Простакова говорит, что он ничему Митрофана не научил. Тот возражает, что не его в том вина. Цыфиркин отказывается от денег, т.к. за три года Митрофан ничего не усвоил путного. Правдин стыдит Кутейкина и награждает Цыфиркина за добрую душу. Милон также даёт ему денег. Вральман просится к Стародуму кучером.

ЯВЛЕНИЕ VII

Карета Стародума подана, и Вральман готов занять место кучера: Стародум берёт его к себе на службу.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Стародум, Софья, Милон прощаются с Правдиным. Простакова кидается к Митрофану, её последней надежде, а Митрофан отвечает: «Да отвяжись, матушка, как навязалась...» Простакова убита «предательством сына». Даже Софья кидается её утешать. Правдин решает отдать Митрофана в службу. Стародум говорит, указывая на Простакову: «Вот злонравия достойные плоды».

Вопросы и задания к тексту:

1. Перечислите героев комедии.
2. Сколько действий в пьесе?
3. Перескажите сюжет. Определите кульминацию.

4. Каков финал произведения?
5. Прочитайте отрывки из комедии.

(отрывки)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ. ЯВЛЕНИЕ I
Стародум и Правдин.

Правдин.

Лишь только из-за стола встали, и я, подошед к окну, увидел вашу карету, то, не сказав никому, выбежал к вам навстречу обнять вас от всего сердца. Моё к вам душевное почтение...

Стародум.

Оно мне драгоценно. Поверь мне.

Правдин.

Ваша ко мне дружба тем лестнее, что вы не можете иметь её к другим, кроме таких...

Стародум.

Каков ты. Я говорю без чинов. Начинаются чины – перестаёт искренность.

Правдин.

Пиши обхождение...

Стародум.

Ему многие смеются. Я это знаю. Быть так. Отец мой воспитал меня по-тогдашнему, а я не нашёл и нужды себя перевоспитывать. Служил он Петру Великому. Тогда один человек назывался *ты*, а не *вы*. Тогда не знали ещё заражать людей столько, чтоб всякий считал себя за многих. Зато нынче многие не стоят одного. Отец мой у двора Петра Великого...

Правдин.

А я слышал, что он в военной службе...

Стародум.

В тогдашнем веке придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитание дано мне было отцом моим по тому веку наилучшее. В то время к научению мало было способов, да и не умели ещё чужим умом набивать пустую голову.

Правдин.

Тогдашнее воспитание действительно состояло в нескольких правилах...

Стародум.

В одном. Отец мой непрестанно мне твердил одно и то же: имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время. На всё прочее мода: на умы мода, на знания мода, как ни пряжки, на пуговицы.

Правдин.

Вы говорите истину. Прямое достоинство о человеке есть душа...

Стародум.

Без неё просвещёнейшая умница – жалкая тварь. *(С чувством.)* Невежда без души – зверь. Самый мелкий подвиг ведёт его во всякое преступление. Между тем, что он делает, и тем, для чего он делает, никаких весков у него нет. От таких-то животных пришёл я свободить...

Правдин.

Вашу племянницу. Я это знаю. Она здесь. Пойдём...

Стародум.

Постой. Сердце моё кипит еще негодованием на недостойный поступок здешних хозяев. Побудем здесь несколько минут. У меня правило: в первом движении ничего не начинать.

Правдин.

Редкие правило ваше наблюдать умеют.

Стародум.

Опыты жизни моей меня к тому приучили. О, если б я ранее умел владеть собою, я имел бы удовольствие служить долее отечеству.

Правдин.

Каким же образом? Происшествии с человеком ваших качеств никому равнодушны быть не могут. Вы меня крайне одолжите, если расскажете...

Стародум.

Я ни от кого их не таю для того, чтоб другие в подобном положении нашлись меня умнее. Вошел в военную службу, познакомился я с молодым графом, которого имени я и

вспомнить не хочу. Он был по службе меня моложе, сын случайного отца, воспитан в большом свете и имел особый случай научиться тому, что в наше воспитание ещё и не входило. Я все силы употребил снискать его дружбу, чтоб всегдашним с ним обхождением наградить недостатки моего воспитания. В самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его с радостью. «Любезный граф! вот случай нам отличить себя. Пойдём тотчас в армию и сделаемся достойными звания дворянина, которое нам дала порода». Вдруг мой граф сильно наморщился и, обняв меня, сухо: «Счастливым тебе путь, – сказал мне, – а я ласкаюсь, что батюшка не захочет со мною расстаться». Ни с чем нельзя сравнить презрения, которое ощутил я к нему в ту ж минуту. Тут увидел я, что между людьми случайными и людьми почтенными бывает иногда неизмеримая разница, что в большом свете водятся премелкие души и что с великим просвещением можно быть великому скареду.

Правдин.

Сущя истина.

Стародум.

Оставя его, поехал я немедленно, куда звала меня должность. Многие случаи имел я отличить себя. Раны мои доказывают, что я их и не пропускал. Доброе мнение обо мне начальников и войска было лестною наградою службы моей, как вдруг получил я известие, что граф, прежний мой знакомец, о котором я гнушался вспоминать, произведён чином, а обойдён я, я, лежавший тогда от ран в тяжкой болезни. Такое неправосудие растерзало моё сердце, и я тотчас взял отставку.

Правдин.

Что ж бы иное и делать надлежало?

Стародум.

Надлежало образумиться. Не умел я остеречься от первых движений раздражённого моего любочестия. Горячность не допустила меня тогда рассудить, что прямо любочестивый человек ревнует к делам, а не к чинам; что чины нередко выпрашиваются, а истинное почтение необходимо

заслуживается; что гораздо честнее быть без вины обойдён, нежели без заслуг пожаловану.

Правдин.

Но разве дворянину не позволено взять отставки ни в каком уже случае?

Стародум.

В одном только: когда он внутренно удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит. А! тогда поди.

Правдин. Вы даёте чувствовать истинное существо должности дворянина.

Стародум.

Взяв отставку, приехал я в Петербург. Тут слепой случай завёл меня в такую сторону, о которой мне отроду и в голову не приходило.

Правдин.

Куда же?

Стародум.

Ко двору. Меня взяли ко двору. А? Как ты об этом думаешь?

Правдин.

Как же вам эта сторона показалась?

Стародум.

Любопытна. Первое показалось мне странно, что в этой стороне по большой прямой дороге никто почти не ездит, а все объезжают крюком, надеясь доехать поскорее.

Правдин.

Хоть крюком, да просторна ли дорога?

Стародум.

А такова-то просторна, что двое, встретясь, разойтись не могут. Один другого сваливает, и тот, кто на ногах, не поднимает уже никогда того, кто на земли.

Правдин.

Так поэтому тут самолюбие...

Стародум.

Тут не самолюбие, а, так назвать, себялюбие. Тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем чаше суетятся. Ты не поверишь. Я видел тут множество людей,

которым во все случаи их жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правдин.

Но те достойные люди, которые у двора служат государству...

Стародум.

О! те не оставляют двора для того, что они двору полезны, а прочие для того, что двор им полезен. Я не был в числе первых и не хотел быть в числе последних.

Правдин.

Вас, конечно, у двора не узнали?

Стародум.

Тем для меня лучше. Я успел убраться без хлопот, а то бы выжили ж меня одним из двух манеров.

Правдин.

Каких?

Стародум.

От двора, мой друг, выживают двумя манерами. Либо на тебя рассердятся, либо тебя рассердят. Я не стал дожидаться ни того, ни другого. Рассудил, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели в чужой передней.

Правдин.

Итак, вы отошли от двора ни с чем? *(Открывает свою табакерку.)*

Стародум *(берёт у Правдина табак).*

Как ни с чем? Табакерке цена пятьсот рублёв. Пришли к купцу двое. Один, заплатя деньги, принёс домой табакерку. Другой пришёл домой без табакерки. И ты думаешь, что другой пришёл домой ни с чем? Ошибаешься. Он принес назад свои пятьсот рублёв целы. Я отошёл от двора без деревень, без ленты, без чинов, да моё принёс домой неповреждённо, мою душу, мою честь, мои правила.

Правдин.

С вашими правилами людей не отпускать от двора, а ко двору призывать надобно.

Стародум.

Призывать? А зачем?

Правдин.

Затем, зачем к больным врача призывают.

Стародум.

Мой друг! Ошибаешься. Тщетно знать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится.

ЯВЛЕНИЕ VII

Кутейкин и Цыфиркин, г-жа Простакова и Митрофан.

Г-жа Простакова.

Пока он отдыхает, друг мой, ты хоть для виду поучись, чтоб дошло до ушей его, как ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофан.

Ну! А там что?

Г-жа Простакова.

А там и женись.

Митрофан.

Слушай, матушка. Я те потешу. Поучусь; только чтоб это был последний раз и чтоб сегодня ж быть сговору.

Г-жа Простакова.

Придёт час воли божией!

Митрофан.

Час моей воли пришёл. Не хочу учиться, хочу жениться. Ты ж меня взманила, пеняй на себя. Вот я сел.

Цыфиркин очинивает грифель.

Г-жа Простакова.

А я тут же присяду. Кошелёк повяжу для тебя, друг мой! Софьюшкины денежки было б куды класть.

Митрофан.

Ну! Давай доску, гарнизонна крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркин.

Ваше благородие, всегда без дела лаяться изволите.

Г-жа Простакова (*работая*).

Ах, господи боже мой! Уж робёнок не смей и избранить Пафнутьича! Уж и разгневался!

Цыфиркин.

За что разгневаться, ваше благородие? У нас российская поговорка: собака лает, ветер носит.

Митрофан.

Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркин.

Всё зады, ваше благородие. Вить с задами-то век назад останесся.

Г-жа Простакова.

Не твоё дело, Пафнутьич. Мне очень мило, что Митрофанушка вперёд шагать не любит. С его умом, да залететь далеко, да и боже избави!

Цыфиркин.

Задача. Изволил ты, на приклад, идти по дороге со мною. Ну, хоть возьмём с собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофан *(тишеет)*.

Трое.

Цыфиркин.

На дороге, на приклад же, триста рублёв.

Митрофан *(тишеет)*.

Триста.

Цыфиркин.

Дошло дело до дележа. Смекни-тко, по чему на брата?

Митрофан *(вычисляя, шепчет)*.

Единожды три – три. Единожды ноль – ноль. Единожды ноль – ноль.

Г-жа Простакова.

Что, что до дележа?

Митрофан.

Вишь, триста рублёв, что нашли, троим разделить.

Г-жа Простакова.

Врёт он, друг мой сердечный! Нашёл деньги, ни с кем не делись. Всё себе возьми, Митрофанушка. Не учись этой дурацкой науке.

Митрофан.

Слышь, Пафнутьич, задавай другую.

Цыфиркин.

Пиши, ваше благородие. За ученье жалуете мне в год десять рублей.

Митрофан.

Десять.

Цыфиркин.

Теперь, правда, не за что, а кабы ты, барин, что-нибудь у меня перенял, не грех бы тогда было и ещё прибавить десять.

Митрофан (*пишет*).

Ну, ну, десять.

Цыфиркин.

Сколько ж бы на год?

Митрофан (*вычисляя, шепчет*).

Нуль да нуль – нуль. Один да один... (*Задумался.*)

Г-жа Простакова.

Не трудись по-пустому, друг мой! Гроша не прибавлю; да и не за что. Наука не такая. Лишь тебе мученье, а всё, вижу, пустота. Денег нет – что считать? Деньги есть – сочтём и без Пафнутьича хорошоохонько.

Кутейкин.

Шабашь, право, Пафнутьич. Две задачи решены. Вить на поверку приводить не станут.

Митрофан.

Не бось, брат. Матушка тут сама не ошибётся. Ступай-ка ты теперь, Кутейкин, проучи вчерашнее.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Вральман.

Вральман.

Ай! ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умарит хатят репёнка! Матушка ты мая! Сшалься нат сфаей утропой, катора тефять месесоф таскала, – так скасать, асмое тифа ф сфете. Тай фолю этим преклятым слатеям. Ис такой калафы толго ль палфан? Уш диспозисион,¹ уш фсё есть.

---

¹ Предрасположение.

Г-жа Простакова.

Правда. Правда твоя, Адам Адамыч! Митрофанушка, друг мой, коли ученье так опасно для твоей головушки, так по мне перестань.

Митрофан.

А по мне и подавно.

Кутейник (*затворяя часослов*).

Конец и богу слава.

Вральман.

Матушка мая! Што тебе надопно? Што? Сынок, какоф ест, да тал бог старовье, или сынок премудрый, так скасать, Аристотелис, да в могилу.

Г-жа Простакова.

Ах, какая страсть, Адам Адамыч! Он же и так вчера небережно поужинал.

Вральман.

Рассути ш, мать мая, напил прюхо лишне: педа. А фить калоушка-то у нефо караздо слане прюха; напить её лишне да и захрани поже!

Г-жа Простакова.

Правда твоя, Адам Адамыч; да что ты станешь делать? Робенок, не выучась, поезжай-ка в тот же Петербург; скажут, дурак. Умниц-то ныне завелось много. Их-то я боюсь.

Вральман.

Чефо паяться, мая матушка? Расумнай шеловек никахта ефо не сатерёт, никахта з ним не саспорит; а он с умными лютьми не сфясыфайся, так и пудет плаготенствие пожие!

Г-жа Простакова.

Вот как надобно тебе на свете жить, Митрофанушка!

Митрофан.

Я и сам, матушка, до умниц-то не охотник. Свой брат завсегда лучше.

Вральман.

Сфая кампания то ли тело!

Г-жа Простакова.

Адам Адамыч! Да из кого ж ты её выберешь?

Вральман.

Не крушинься, мая матушка, не крушинься; какоф тфой тражайший сын, таких на сфете миллионы, миллионы. Как ему не фыпрать сепе компаний?

Г-жа Простакова.

То даром, что мой сын. Малый острый, проворный.

Вральман.

То ли пы тело, капы не самарили ефо на ушенье! Россиска крамат! Арихметика! Ах, хоспоти поже мой, как туша ф теле остаёса! Как путто пы россиски тфорянин уш и не мог ф сфете аванзировать пез россиской крамат!

Кутейкин *(в сторону).*

Под язык бы тебе труд и болезнь.

Вральман.

Как путто пы до арихметики пыли люти тураки несчётные!

Цыфиркин *(в сторону).*

Я те рёбра-то пересчитаю. Попадёсса ко мне.

Вральман.

Ему потрепно снать, как шить ф сфете. Я снаю сфет наизусть. Я сам тёрта калашь.

Г-жа Простакова.

Как тебе не знать большого свету, Адам Адамыч? Я чай, и в одном Петербурге ты всего нагляделся.

Вральман.

Тафольно, мая матушка, тафольно. Я сафсегда ахотник пыл смотреть публик. Пыфало, о праснике съетутца в Катрингоф кареты с хоспотам. Я фсё на них сматру. Пыфало, не сойту ни на минуто с косёл.

Г-жа Простакова.

С каких козёл?

Вральман *(в сторону).*

Ай! ай! ай! ай! Што я зафрал! *(Вслух.)* Ты, матушка, снаешь, што сматреть фсегта лофче зповыши. Так я, пыфало, на снакому карету и сасел, та и сматру польшой сфет с косел.

Г-жа Простакова.

Конечно, виднее. Умный человек знает, куда взлезть.

Вральман.

Ваш трашайший сын также на сфете как-нипудь фсмаститца, лютей пасматреть и сепя покасать. Уталец!

Митрофан, стоя на месте, перевёртывается.

Вральман.

Уталец! Не постоит на месте, как тикой конь пез усды. Ступай! Форт!

Митрофан убегает.

Г-жа Простакова (*усмехаясь радостно*).

Робёнок, право, хоть и жених. Пойти за ним, однако ж, чтоб он с резвости без умыслу чем-нибудь гостя не прогневал.

Вральман.

Поти, мая матушка! Салётна птиса! С ним тфои гласа натопно.

Г-жа Простакова.

Прощай же, Адам Адамыч! (*Отходит.*)

Вопросы к тексту:

1. Какое место в пьесе занимают приведённые отрывки?
2. Как в нём отражается конфликт комедии?
3. Какими качествами наделены герои? Как они проявляются в их речи?
4. Проанализируйте диалог Стародума и Правдина. Как отражены в нём исторические реалии Российского государства?
5. Каковы убеждения и жизненный опыт Стародума и Правдина? Как они соотносятся с мировоззрением г-жи Простаковой, Скотинина и Митрофана?
6. Как разные герои комедии относятся к учёбе?
7. Кто на самом деле люди, выдающие себя за учителей?
8. На чём основан комический эффект эпизодов?

Практическое занятие № 2
Традиции и новаторство в поэзии
Г.Р. Державина

Задание:

1. Прочитайте оду Г. Державина.

Г.Р. Державин
Фелица

Богородица царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоко гору,
Где роза без шипов растёт,
Где добродетель обитает,-
Она мой дух и ум пленяет,
Поддай найти её совет.

Поддай, Фелица! наставленья:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мяжась житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;

Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады,
А в клуб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнаска не седлаешь,
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток;
Но кротости ходя стезёю,
Благотворящею душою,
Полезных дней проводишь ток.

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и златом,
Где тысячи различных блюд:
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю;

И всё на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.

Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где всё мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь;
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом
В карете английской, златой,
С собакой, шутом или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить мёду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к преме,не,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне.

Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над невскими берегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищущая;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
Нашёл кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Нашёл, - но лъзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сём пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам учёные невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесть живёт,
Пашей всех роскошь угнетает. –
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растёт?

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;

Из разногласия согласие
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревуший,
Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхождением правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, -
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаёшь ты честь,
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад:
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Слух идёт о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Ещё же говорят неложно,

Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всём, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слёз приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирной,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здоровье царей не пить.

Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить,
Или портрет неосторожно
Её на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щёлкают в усы вельмож;
Князя насадками не клохчут,
Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож.

Ты ведаешь, Фелица! правы
И человеков и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновенны
Ты пишешь в сказках поученьи
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотворишь».

Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их лить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтися мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как бог?

Фелицы слава, слава бога,
Который брани умирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.

Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;

Который воду разрешает
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить;

Которого закон, десница
Дают и милости и суд. –
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличён от честных плут?

Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют? –
У трона разве твоего!

Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветёшь?
В Багдаде? Смирне? Кашемире? –
Послушай, где ты ни живёшь, -
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья наслажусь!
Небесные прошу я силы,
Да, их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят

От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звёзды, возблестят.
1782.

Вопросы и задания к тексту:

1. Что вы можете сказать об авторе произведения?
2. Какое место в его творчестве занимает данное стихотворение?
3. Каковы тема и идея текста?
4. В каком жанре он создан?
5. Кто такая Фелица? Почему к ней обращается поэт? Как он её характеризует?
6. Какие исторические события, детали национального быта и т.п. отражены в тексте?
7. Что вы можете сказать о стилистике произведения.
8. В чём отличие жанра оды в творчестве М. Ломоносова и Г. Державина?
9. Проанализируйте стихотворение в единстве формы и содержания. Выделите черты, которые характеризуют принадлежность творчества поэта к одному из основных литературных направлений XVIII в. (укажите к какому).
10. Прочитайте стихотворение Г. Державина «Властителям и судиям».

Властителям и судиям

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасти от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят – и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падёте,
Как с древ увядший лист падёт!
И вы подобно так умрёте,
Как ваш последний раб умрёт!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!

1780(?)

Вопросы и задания к тексту:

1. Какие обязанности Г. Державин приписывает властителям и судьям?
2. Что он видит в действительности? Выполняют ли властители и судьи свои обязанности?
3. К чему призывает Г. Державин в финале произведения?
4. Каковы жанрово-стилевые особенности стихотворения?
5. Прочитайте «Памятник» Г. Державина.

Памятник

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов твёрже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полёт его не сокрушит.

Так! – весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастёт моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдёт обо мне от Белых вод до Чёрных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льёт Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчётных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринуждённою рукой неторопливой
Чело твоё зарёй бессмертия венчай.

1795.

Вопросы и задания к тексту:

1. Какое место стихотворение занимает в творчестве Г. Державина?
2. Каковы тема и идея текста?
3. В каком жанре он создан?
4. Какие исторические события, детали национального быта и т.п. отражены в произведении?
5. Охарактеризуйте лирического героя.
6. Что вы можете сказать о стилистике стихотворения.

7. Сопоставьте «Памятник» Г. Державина с соответствующими текстами Горация, Овидия, М. Ломоносова, А. Пушкина, В. Брюсова.
8. Прочитайте стихотворени Г. Державина «Снегирь».

Снегирь

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снегирь?
С кем мы пойдём войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью россиян всё побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом;
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом,
Скиптры давая, зваться рабом;
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снегирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсяду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! – что воевать?

Май 1800.

Вопросы и задания к тексту:

1. Какое место стихотворение занимает в творчестве Г. Державина?
2. Каковы его тема и идея?
3. Кому посвящено произведение?
4. Какие исторические события, детали национального быта и т.п. отражены в тексте?
5. Как описан в стихотворении герой русского оружия?
6. Каков жанр текста?
7. Что вы можете сказать о стилистике произведения.

Практическое занятие № 3
«Путешествие из Петербурга в Москву»
А.Н. Радищева

Задание:

1. Прочитайте краткое содержание произведения А. Радищева.

А.Н. Радищев
Путешествие из Петербурга в Москву (1790)
(краткое содержание)

Отправившись в Москву после ужина с друзьями, герой проснулся только на следующей почтовой станции – София. С трудом разбудив смотрителя, он потребовал лошадей, но получил отказ из-за ночного времени. Пришлось дать на водку ямщикам, они запрягли, и путешествие продолжилось.

В Тосне герой знакомится со стряпчим, который занимался тем, что сочинял древние родословные молодым дворянам. На пути из Тосны в Любань путешественник видит крестьянина, который пахал «с великим тщанием», несмотря на

то что было воскресенье. Пахарь рассказал, что шесть дней в неделю его семья обрабатывает барскую землю и, чтобы не умереть с голоду, он вынужден работать в праздник, хоть это и грех. Герой размышляет о жестокости помещиков и в то же время упрекает себя в том, что и у него есть слуга, над которым он имеет власть.

В Чудове героя нагоняет его приятель Ч. и рассказывает, почему он должен был спешно покинуть Петербург. Ч., развлечения ради, поплыл на двенадцативесельной лодке из Кронштадта в Систербек. По пути разыгралась буря, и бушующими волнами шлюпку зажало между двумя камнями. Она наполнялась водой, и, казалось, гибель была неизбежна. Но двое отважных гребцов сделали попытку по камням и вплавь добраться до берега, который был в полутора верстах. Одному это удалось, и, выбравшись на берег, он побежал в дом местного начальника, чтобы тот срочно отрядил лодки для спасения оставшихся. Но начальник изволил почивать, и сержант, его подчиненный, не посмел будить его. Когда же, стараниями других, несчастные были все же спасены, Ч. пытался усовестить начальника, но тот сказал: «Не моя то должность». Возмущившись, Ч. «плюнул почти что ему в рожу и вышел вон». Не найдя сочувствия своему поступку у петербургских знакомых, он решил навсегда покинуть этот город.

По дороге из Чудова в Спасскую Полесь к герою подсаживается попутчик и рассказывает ему свою печальную повесть. Доверившись компаньону в делах по откупам, он оказался обманутым, лишился всего состояния и был подведен под уголовный суд. Жена его, переживая случившееся, родила раньше срока и через три дня умерла, умер и недоношенный ребёнок. Друзья, увидев, что его пришли брать под стражу, усадили несчастного в кибитку и велели ехать «куда глаза глядят». Героя тронуло рассказанное попутчиком, и он размышляет о том, как бы довести этот случай до слуха верховной власти, «ибо она лишь может быть беспристрастна». Понимая, что ничем не в силах помочь несчастному, герой воображает себя верховным правителем, государство которого как будто бы процветает, и ему все поют хвалу. Но вот

странница Прямовзора снимает бельма с глаз правителя, и он видит, что царствование его было несправедно, что щедроты изливались на богатых, льстецов, предателей, людей недостойных. Он понимает, что власть есть обязанность блюсти закон и право. Но всё это оказалось только сном.

На станции Подберезье герой знакомится с семинаристом, который жалуется на современное обучение. Герой размышляет о науке и труде писателя, задачей которого видит просвещение и восхваление добродетели.

Прибыв в Новгород, герой вспоминает, что этот город в древности имел народное правление, и подвергает сомнению право Ивана Грозного присоединить Новгород. «Но на что право, когда действует сила?» - вопрошает он. Отвлечшись от размышлений, герой идет обедать к приятелю Карпу Дементьевичу, прежде купцу, а ныне именитому гражданину. Заходит разговор о торговых делах, и путешественник понимает, что введённая вексельная система не гарантирует честности, а, наоборот, способствует лёгкому обогащению и воровству.

В Зайцеве на почтовом дворе герой встречает давнишнего приятеля г. Крестьянкина, служившего в уголовной палате. Он вышел в отставку, поняв, что в этой должности не может принести пользы отечеству. Он видел лишь жестокость, издоимство, несправедливость. Крестьянкин рассказал историю о жестоком помещике, сын которого изнасиловал молодую крестьянку. Жених девушки, защищая невесту, проломил насильнику голову. Вместе с женихом были ещё несколько крестьян, и всех их по уложению уголовной палаты рассказчик должен был приговорить к смертной казни или пожизненной каторге. Он пытался оправдать крестьян, но никто из местных дворян не поддержал его, и он был вынужден подать в отставку.

В Крестцах герой становится свидетелем расставания отца с детьми, отправляющимися в службу. Отец читает им наставление о жизненных правилах, призывает быть добродетельными, выполнять предписания закона, сдерживать страсти, ни перед кем не раболепствовать. Герой разделяет мысли отца о том, что власть родителей над детьми ничтожна,

что союз между родителями и детьми должен быть «на нежных чувствованиях сердца основан» и нельзя отцу видеть в сыне раба своего.

В Яжелбицах, проезжая мимо кладбища, герой видит, что там совершается погребение. У могилы рыдает отец покойника, говоря, что он – убийца своего сына, так как «излил яд в начало его». Герою кажется, что он слышит своё осуждение. Он, в молодости предаваясь любострастию, переболел «смердной болезнью» и боится, не перейдет ли она на его детей. Размышляя о том, кто является причиной распространения «смердной болезни», путешественник обвиняет в этом государство, которое открывает путь порокам, защищает публичных женщин.

В Валдае герой вспоминает легенду о монахе Иверского монастыря, влюбившемся в дочь одного валдайского жителя. Как Леандр переплывал Геллеспонт, так этот монах переплывал Валдайское озеро для встречи со своей возлюбленной. Но однажды поднялся ветер, разбушевались волны, и утром тело монаха нашли на отдалённом берегу.

В Едрове герой знакомится с молодой крестьянской девушкой Анютой, разговаривает с ней о её семье, женихе. Он удивляется, сколько благородства в образе мыслей сельских жителей. Желая помочь Анюте выйти замуж, он предлагает её жениху деньги на обзаведение. Но Иван отказывается их взять, говоря: «У меня, барин, есть две руки, я ими дом и заведу». Герой размышляет о браке, осуждая существующие ещё обычаи, когда восемнадцатилетнюю девушку могли повенчать с десятилетним ребенком. Равенство – вот основа семейной жизни, считает он.

По дороге в Хотилово героя посещают мысли о несправедливости крепостного права. То, что один человек может поработать другого, он называет «зверским обычаем»: «порабощение есть преступление», - говорит он. Только тот, кто обрабатывает землю, имеет на неё права. И не может государство, где две трети граждан лишены гражданского звания, «называться блаженным». Герой А.Н. Радищева понимает, что работа по принуждению даёт меньше плодов, а

это препятствует «размножению народа». Перед почтовой станцией он поднимает бумагу, в которой выражены те же мысли, и узнаёт у почтальона, что последним из проезжавших был один из его друзей. Тот, видимо, забыл свои сочинения на почтовой станции, и герой за некоторое вознаграждение берёт забытые бумаги. В них определена целая программа освобождения крестьян от крепостной зависимости, а также содержится положение об уничтожении придворных чинов.

В Торжке герою встречается человек, отправляющий в Петербург прошение о дозволении завести в городе книгопечатание, свободное от цензуры. Они рассуждают о вредности цензуры, которая «словно нянька, водит ребенка на помочах», и этот «ребенок», то есть читатель, никогда не научится ходить (мыслить) самостоятельно. Цензурой должно служить само общество: оно либо признаёт писателя, либо отвергает, так же как театральному спектаклю признание обеспечивает публика, а не директор театра. Здесь же автор, ссылаясь на тетрадку, полученную героем от встреченного им человека, рассказывает об истории возникновения цензуры.

По дороге в Медное путешественник продолжает читать бумаги своего знакомого. Там рассказывается о торгах, которые происходят, если разоряется какой-либо помещик. И среди прочего имущества с торгов идут люди. Старик семидесяти пяти лет, дядька молодого барина, старуха восьмидесяти, его жена, кормилица, вдова сорока лет, молодлица восемнадцати, дочь её и внучка стариков, её младенец – все они не знают, какая судьба их ждёт, в чьи руки они попадут.

Беседа о российском стихосложении, которую герой ведёт с приятелем за столом трактира, возвращает их к теме вольности. Приятель читает отрывки из своей оды с таким названием.

В деревне Городня происходит рекрутский набор, ставший причиной рыданий толпящегося народа. Плачут матери, жены, невесты. Но не все рекруты недовольны своей судьбой. Один «господский человек», наоборот, рад избавиться от власти своих хозяев. Он был воспитан добрым баринком вместе с его сыном, побывал с ним за границей. Но старый

барин умер, а молодой женился, и новая барыня поставила холопа на место.

В Пешках герой обзирает крестьянскую избу и удивляется бедности, здесь царящей. Хозяйка просит у него кусочек сахара для ребёнка. Автор в лирическом отступлении обращается к помещику с осуждающей речью: «Жестокосердый помещик! посмотри на детей крестьян, тебе подвластных. Они почти наги». Он сулит ему Божью кару, так как видит, что на земле праведного суда нет.

Заканчивается «Путешествие из Петербурга в Москву» «Словом о Ломоносове». Герой ссылается на то, что эти записки дал ему «парнасский судья», с которым он обедал в Твери. Основное внимание автор уделяет роли Ломоносова в развитии русской литературы, называя его «первым в стезе российской словесности».

Вопросы и задания к тексту:

1. Перескажите сюжет. Назовите основные пункты путешествия повествователя. Обозначьте их на современной карте России.
2. Каков финал произведения?
3. Какие просветительские идеи провозглашает А.Н. Радищев?
4. Прочитайте отрывки из «Путешествия...».

(отрывки)

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя».
«Тилемахида», том II, кн. XVIII. стих 514².

Любани

Зимою ли я ехал или летом, для вас, думаю, равно. Может быть, и зимою и летом. Нередко то бывает с путешественниками: поедут на санях, а возвращаются на телегах. Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я

---

² Обло – тучно; озорно – нагло, пакостливо; лайя – лающее. Эпиграф –слегка изменённый стих поэмы В.К. Тредиаковского «Тилемахида» (1766). Приводя слова, которыми поэт описывал одного из царей, злоупотреблявших властью, А.Н. Радищев бросает вызов деспотическому русскому самодержавию.

вылез из кибитки и пошёл пешком. Лёжа в кибитке, мысли мои обращены были в неизмеримость мира. Отделялся душевно от земли, казалось мне, что удары кибиточные были для меня легче. Но упражнения духовные не всегда нас от телесности отвлекают; и для сохранения боков моих пошёл я пешком. В нескольких шагах от дороги увидел я пашущего ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы. Первого сорок минут. Я выехал в субботу. Сегодня праздник. Пашущий крестьянин принадлежит, конечно, помещику, который оброку с него не берёт. Крестьянин пашет с великим тщанием. Нива, конечно, не господская. Соху поворачивает с удивительною легкостью.

- Бог в помощь, - сказал я, подошед к пахарю, который, не останавливаясь, доканчивал зачатую борозду. - Бог в помощь, - повторил я.

- Спасибо, барин, - говорил мне пахарь, отряхая сошник и перенося соху на новую борозду.

- Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям?

- Нет, барин, я прямым крестом крещусь, - сказал он, показывая мне сложенные три перста. - А бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья.

- Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да ещё и в самый жар?

- В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечером возим вставшее в лесу сено на господский двор, коли погода хороша; а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай бог, - крестясь, - чтоб под вечер сегодня дождик пошёл. Барин, коли есть у тебя свои мужички, так они того же у господ молят.

- У меня, мой друг, мужиков нет, и для того никто меня не клянёт. Велика ли у тебя семья?

- Три сына и три дочки. Первинькому-то десятый годок.

- Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным?

- Не одни праздники, и ночь наша. Не ленись наш брат,

то с голоду не умрёт. Видишь ли, одна лошадь отдыхает; а как эта устанет, возьмусь за другую; дело-то и споро.

- Так ли ты работаешь на господина своего?

- Нет, барин, грешно бы было так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов, сам ты счёт знаешь. Да хотя растянишь на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит. То ли житьё нашему брату, как где барин оброк берёт с крестьянина, да ещё без приказчика. Правда, что иногда и добрые господа берут более трёх рублей с души; но всё лучше барщины. Ныне ещё поверье заводится отдавать деревни, как то называется, на аренду. А мы называем это отдавать головой. Голый наёмник дерёт с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет. Зимой не пускает в извоз, ни в работу в город; всё работай на него, для того что он подушные платит за нас. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а на наёмника кому?

- Друг мой, ты ошибаешься, мучить людей законы запрещают.

- Мучить? Правда; но небось, барин, не захочешь в мою кожу. – Между тем пахарь запряг другую лошадь в соху и, начав новую борозду, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей. Первое представилось мне неравенство крестьянского состояния. Сравнил я крестьян казённых с крестьянами помещичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин хочет. Одни судятся своими равными; а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным. Член общества становится только тогда известен правительству, его охраняющему, когда нарушает союз общественный, когда становится злодей! Сия мысль всю кровь во мне воспалила.

- Страхись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твоё осуждение.

Углублённый в сих размышлениях, я нечаянно обратил взор мой на моего слугу, который, сидя на кибитке передо мной,

качался из стороны в сторону. Вдруг почувствовал я быстрый, протекающий кровь мою, и, прогоняя жар к вершинам, нудил его распространяться по лицу. Мне так стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакал.

- Ты во гневе твоём, - говорил я сам себе, - устремляешься на гордого господина, изнуряющего крестьянина своего на ниве своей; а сам не то же ли или ещё хуже того делаешь? Какое преступление сделал бедный твой Петрушка, что ты ему воспрещает пользоваться усладителем наших бедствий, величайшим даром природы несчастному – сном? Он получает плату, сыт, одет, никогда я его не секу ни плетью, ни батождём (о умеренный человек!) – и ты думаешь, что кусок хлеба и лоскут сукна тебе дают право поступать с подобным тебе существом как с кубарем, и тем ты только хвастаешь, что не часто подсекаешь его в его вертении. Ведаешь ли, что в первенственном уложении, в сердце каждого написано? Если я кого ударю, тот и меня ударить может. Вспомни тот день, когда Петрушка пьян был и не успел тебя одеть. Вспомни о его пощёчине. О, если бы он тогда, хотя пьяный, опомнился и тебе отвечал бы соразмерно твоему вопросу!

- А кто тебе дал власть над ним?

- Закон.

- Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя? Несчастный!.. - Слезы потекли из глаз моих; и в таком положении почтовые клячи дотащили меня до следующего стана.

Хотиллов. Пробег в будущем

Доведя постепенно любезное отечество наше до цветущего состояния, в котором оно ныне находится; видя науки, художества и рукоделия, возведённые до высочайшия совершенства степени, до коей человеку достигнути дозволяется; видя в областях наших, что разум человеческий, вольно распростирая своё крылие, беспрепятственно и незаблужденно возносится везде к величию и надёжным ныне стал стражею, общественных законоположений, - под

державным его покровом свободно и сердце наше в молитвах, ко всевышнему творцу воссылаемых, с неизреченным радованием сказати может, что отечество наше есть приятное божеству обиталище; ибо сложение его не на предрассудках и суевериях основано, но на внутреннем нашем чувствовании щедрот отца всех. Неизвестны нам вражды, столь часто людей разделявшие за их исповедание, неизвестно нам в оном и принуждение. Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями друг друга почитаем, единому принадлежа семейству, единого имея отца, бога.

Светильник науки, носяся над законоположением нашим, отличает ныне его от многих земных законоположений. Равновесие во властях, равенство в имуществях отъемлют корень даже гражданских несогласий. Умеренность в наказаниях, заставляя почитать законы верховной власти яко веления нежных родителей к своим чадам, предупреждает даже и бесхитростные злодеяния. Ясность в положениях о приобретении и сохранении имений не позволяет возродиться семейным распрям. Межа, отделяющая гражданина в его владении от другого, глубока и всеми зрима и всеми свято почитаема. Оскорбления частные между нами редки и дружелюбно-примиряются. Воспитание народное пеклося о том, да кротки будем, да будем граждане миролюбивы, но прежде всего да будем человеки.

Наслаждался внутреннюю тишиною, внешних врагов не имея, доведя общество до высшего блаженства гражданского сожития, неужели толико чужды будем ощущению человечества, чужды движениям жалости, чужды нежности благородных сердец, любви чужды братния и оставим в глазах наших на всегдашнюю нам укоризну, на поношение дальнейшего потомства треть целую общников наших, сограждан нам равных, братии возлюбленных в естестве, в тяжких узах рабства и неволи? Зверский обычай поработать себе подобного человека, возродившийся в знойных полосах Ассии обычай, диким народам приличный, обычай, знаменующий сердце окаменелое и души отсутствие совершенное, простёрся на лице земли быстротечно, широко и

далеко. И мы, сыны славы, мы, именем и делами словуты в коленах земнородных, поражённые невежества мраком, восприяли обычай сей; и ко стыду нашему, ко стыду прошедших веков, ко стыду всего разумного времяточия сохранили его нерушимо даже до сего дня.

Известно вам из деяний отцов ваших, известно всем из наших летописей, что мудрые правители нашего народа, истинным подвизаемы человеколюбием, дознав естественную связь общественного союза, старались положить предел стоглавному сему злу. Но державные их подвиги утщетились известным тогда гордыми своими преимуществами в государстве нашем чиновостоянием, но ныне обветшалым и в презрение впавшим дворянством наследственным. Державные предки наши среди могущества сил скипетра своего немощны были на разрушение оков гражданский неволи. Не токмо они не могли исполнить своих благих намерений, но ухищрением помянутого в государстве чиновостояния подвигнуты стали на противные рассудку их и сердцу правила. Отцы наши зрели губителей сих, со слезами, может быть, сердечными, сожимающих узы и отягчающих оковы наиполезнейших в обществе сочленов. Земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаём сограждан нам равных, забыли в них человека. О возлюбленные наши сограждане! О истинные сыны отечества! Воззрите окрест вас и познайте заблуждение ваше. Служители божества предвечного, подвизаемые ко благу общества и ко блаженству человека, единомыслием с нами изъясняли вам в поучениях своих во имя всещедрого бога, ими проповедуемого, колико мудрости его и любви противно властвовать над ближним своим самопроизвольно. Старались они доводами, в природе и сердце нашем почёрпнутыми, доказать вам жестокость вашу, неправду и грех. Ещё глас их торжественно во храмах живого бога вопиёт громко: опомнитесь, заблудшие, смягчитесь, жестокосердые; разрушьте оковы братии вашей, отверзьте темницу неволи и дайте подобным вам вкусити сладости общежития, к нему же всещедрым уготованы, яко же и вы. Они благодетельными лучами солнца равно с вами наслаждаются, одинаковые с вами у

них члены и чувства, и право в употреблении оных должно быть одинаково.

Но если служители божества представили взорам вашим неправоту порабощения в отношении человека, за долг наш вменяем мы показать вам вред оной в обществе и неправильность одного в отношении гражданина. Излишне, казалось бы, при возникшем столь уже давно духе любомудрия изыскивать или поновлять доводы о существенном человеков, а потому и граждан равенстве. Возросшему под покровом свободы, исполненному чувствами благородства, а не предрассуждениями доказательства о первенственном равенстве суть движения его сердца обыкновенные. Но сё несчастье смертного на земли: заблуждати среди света и не зрети того, что прямо взорам его предстоит.

В училищах, юным вам сушим, преподали вам основания права естественного и права гражданского. Право естественное показало вам человеков, мысленно вне общества, приавших одинаковое от природы сложение и потому имеющих одинаковые права, следственно, равных во всём между собою и единые другим не подвластных. Право гражданское показало вам человеков, променявших беспредельную свободу на мирное оныя употребление. Но если все они положили свободе своей предел и правило деяниям своим, то все равны от чрева материя в природной свободе, равны должны быть и в ограничении оной. Следственно, и тут один другому не подвластен. Властитель первый в обществе есть закон: ибо он для всех один. Но какое было побуждение вступати в общество и полагати произвольных пределы деяниям? Рассудок скажет: собственное благо; сердце скажет: собственное благо; нерастленный закон гражданский скажет: собственное благо. Мы в обществе живём, уже многие степени усовершенствования протекшем, и потому запамятовали мы начальное одного положение. Но воззрите да все новые народы и на все общества естества, если так сказать можно. Во-первых, порабощение есть преступление; во-вторых, един злодей или неприятель испытует тягость неволи. Соблюдая сии понятия, познаём мы, колико удалилися мы от цели общественной, колико отстоим ещё вершины блаженства

общественного далеко. Всё сказанное нами вам есть обычно, и правила таковые иссосали вы со млеком матерним. Един предрассудок мгновения, единая корысть (да не уязвитесь нашими изречениями), единая корысть отъемлет у нас взор и в темноте беснующим нас уподобляет.

Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! Кормилец наша тощеты, насытителъ нашего глада, тот, кто даёт нам здравие, кто житие наше продолжает, не имея права распорядити ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит. Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель её? Представим себе мысленно мужей, пришедших в пустыню для сооружения общества. Помышляя о прокормлении своём, они делят поросшую злаком землю. Кто жребий на уделе получает? Не тот ли, кто её вспахать возможет; не тот ли, кто силы и желание к тому имеет достаточные? Младенцу или старцу, расслабленному, немощному и нерадивому удел будет бесполезен. Она пребудет в запустении, и ветер класов на ней не взвеет. Если она бесполезна делателю её, то бесполезна и обществу; ибо избытка своего делатель обществу не отдаст, не имея нужного. Следственно, в начале общества тот, кто ниву обработать может, тот имел на владение ею право, и обрабатывающий её пользуется ею исключительно. Но колико удалилися мы от первоначального общественного положения относительно владения. У нас тот, кто естественное имеет к оному право, не токмо от того исключён совершенно, но, работая ниву чуждую, зрит пропитание своё зависящее от власти другого! Просвещённым вашим разумами истины сии не могут быть непонятны, но деяния ваши в исполнении сих истин препинаемы, сказали уже мы, предрассуждением и корыстию. Неужели сердца ваши, любовию человечества полные, предпочтут корысть чувствованиям, сердце улаждающим? Но какая в том корысть ваша? Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частию в законе мертвы, назваться блаженным? Можно ли назвать блаженным гражданское положение крестьянина в России? Ненасытец кровей один скажет, что он блажен, ибо не имеет понятия о

лучшем состоянии.

Мы постараемся опровергнуть теперь сии зверские властителей правила, яко же их опровергали некогда предшественники наши деяниями своими неуспешно.

Блаженство гражданское в различных видах представиться может. Блаженно государство, говорят, если в нём царствует тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы в нём не пустеют и во градех гордые воздымаются здания. Блаженно называют его, когда далеко простирает власть оружия своего и властвует оно вне себя не токмо силою своею, но и словом своим над мнением других. Но все сии блаженства можно назвать внешними, мгновенными, переходящими, частными и мысленными.

Воззрим на предлежащую взорам нашим долину. Что видим мы? Пространный воинский стан. Царствует в нём тишина повсюду. Все ратники стоят в своём месте. Наивеличайший строй зрится в рядах их. Единое веление, единое руки мановение начальника движет весь стан, и движет его стройно. Но можем ли назвать воинов блаженными? Превращённые точноию воинского повиновения в куклы, отъемлется у них даже движение, воля, толико живым веществам свойственная. Они знают только веление начальника, мыслят, что он хочет, и стремятся, куда направляет. Толико всесилен жезл над могущественнейшею силою государства. Совокупны возмогут вся, но разделенны и на едине пасутся, яко скоты; амо же пастырь пожелает. Устройство, на счёт свободы столь же противно блаженству нашему, как и самые узы. Сто невольников, пригвождённых ко скамьям корабля, веслами двигаемого в пути своём, живут в тишине и устройстве; но загляни в их сердце и душу. Терзание, скорбь, отчаяние. Желали бы они нередко променять жизнь на кончину; но и ту им оспоривают. Конец страдания их есть блаженство; а блаженство неволе не сродно, и потому они живы. И так да не ослепимся внешним спокойствием государства и его устройством и для сих только причин да не почтём оное блаженным. Смотри всегда на сердца сограждан. Если в них найдёшь спокойствие и мир, тогда сказать можешь воистину: се блаженны.

Европейцы, опустошив Америку, утучнив нивы её кровию природных её жителей, положили конец убийствам своим новою корыстию. Запустелые нивы сего обновлённого сильными природы потрясениями полукружия почувствовали соху, недра их раздирающую. Злак, на тучных лугах выроставший и иссыхавший бесплодно, почувствовал былие своё острием косы подсекаемо. Валяются на горах гордые деревья, издревле вершины их осенявшие. Леса бесплодные и горные дебри претворяются в нивы плодоносные и покрываются стовидными произращениями, единой Америке свойственными или удачно в оную переселёнными. Тучные луга потаптываются многочисленным скотом, на яству и работу человеком определяемым. Везде видна строящая рука делателя, везде кажется вид благосостояния и внешний знак устройства. Но кто же столь мощною рукою нудит скупую, ленивую природу давать плоды свои в толиком обилии? Заклав индейцев единовременно, злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладкровное убийство порабощения приобретением невольников куплею. Сии-то несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенагала, отринутые своих домов и семейств, преселённые в неведомые им страны, под тяжким железом благоустройства вздирают обильные нивы Америки, трудов их гнушающей. И мы страну опустошения назовём блаженною для того, что поля её не поросли тернием и нивы их обилуют произращениями разновидными. Назовём блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надёжного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова. О, дабы опустети паки обильным сим странам! Дабы терние и волнец, простирая корень свой глубоко, истребил все драгие Америки произведения! Вострепещите, о возлюбленные мои, да не скажут о вас: «премени имя, повесть о тебе вещает».

Мы дивимся и ныне ещё огромности египетских зданий. Неуподобительные пирамиды чрез долгое время доказывать будут смелое в созидании египтян зодчество. Но для чего сии столь нелепые кучи камней были уготованы? На погребение

надменных фараонов. Кичливые сии властители, жажда бессмертия, и по кончине хотели отличиваться внешностью своею от народа своего. И так огромность зданий, бесполезных обществу, суть явные доказательства его порабощения. В остатках погибших градов, где общее блаженство некогда водворялось, обрящем развалины училищ, больниц, гостиниц, водоводов, позорищ и тому подобных зданий; во градах же, где известнее было я, а не мы, находим остатки великолепных царских чертогов, пространных конюшен, жилища зверей. Сравните то и другое; выбор наш не будет затруднителен.

Но что обретаем в самой славе завоеваний? Звук, гремление, надутость и истощение. Я таковую славу применю к шарам, в 18-м столетии изобретённым; из шёлковой ткани сложенные, наполняются они мгновенно горючим воздухом и взлетают с быстротою звука до выпретенных пределов эфира, горе; и то, что месяцы целые сооружалось со трудом, тщанием и иждивением, едва часов несколько может веселить взоры зрителей.

Но вопросы, чего жаждет завоеватель; чего он ищет, опустошая страны населённые или покоряя пустыни своей державе? Ответ получим мы от яростнейшего из всех, от Александра, Великим названного; но велик поистине не в делах своих, но в силах душевных и разорениях. «О афиняне! - вещал он. – Колико стоит мне быть хвалиму вами». Несмысленный, возри на шествие твоё. Крутой вихрь твоего полёта, преносся чрез твою область, затаскивает в вертение свое жителей её и, влача силу государства во своём стремлении, за собою оставляет пустыню и мёртвое пространство. Не рассуждаешь ты, о ярый вепрь, что, опустошая землю свою победою, в завоёванной ничего не обрящешь, тебя улаждающего. Если приобрёл пустыню, то она соделается могилою для твоих сограждан, в коей они сокрыватися будут; населяя новую пустыню, превратишь страну обильную в бесплодную. Какая же прибыль, что из пустыни соделал селитьбы, если другие населения тем сделал пустыми? Если же приобрёл населённую страну, то исчисли убийства твои и ужаснися. Искоренить долженствуешь ты все сердца, тебя в громоносности твоей

возненавидевшие; не мни убо что любити можно, его же бояться нудятся. По истреблении мужественных граждан останутся и будут подвластны тебе робкие души, рабства иго восприяти готовые; но и в них ненависть к подавляющей твоей победе укоренится глубоко. Плод твоего завоевания будет – не лъсти себе – убийство и ненависть. Мучитель пребудешь на памяти потомков; казниться будешь, ведая, что мерзят тебя новые рабы твои и от тебя кончины твоя просят.

Но, нисходя к ближайшим о состоянии земледельцев понятиям, колико вредным его находим мы для общества.

Вредно оно в размножении произрастаний и народа, вредно примером своим и опасно в беспокойствии своём. Человек, в начинаниях своих двигаемый корыстию, предприимлет то, что ему служить может на пользу, ближайшую или дальнюю, и удаляется того, в чём он не обретает пользы, ближайшей или дальновидной. Следуя сему естественному побуждению, всё начинаемое для себя, всё, что делаем без принуждения, делаем с прилежанием, рачением, хорошо. Напротив того, всё то, на что несвободно подвизаемся, всё то, что не для своей совершаем пользы, делаем оплошно, лениво, косо и криво. Таковых находим мы земледельцев в государстве нашем. Нива у них чуждая, плод оныя им не принадлежит. И для того обрабатывают её лениво; и не радуют о том, не запустеет ли среди делания. Сравни сию ниву с данною надменным владельцем на тощее прокормление делателю. Не жалеет сей о трудах своих, её ради предпринимаемых. Ничто не отвлекает его от делания. Жестокость времени он одолевает бодрственно; часы, на упокоение определённые, проводит в трудах; во дни, на веселие определённые, оного чуждается. Зане рачит о себе, работает для себя, делает про себя. И так нива его даст ему плод сугубый; и так все плоды трудов земледельцев мертвеют или паче не возрождаются, они же родились бы и были живы на насыщение граждан, если бы делание нив было рачительно, если бы было свободно.

Но если принуждённая работа даёт меньше плода, то не достигающие своя цели земные произведения толико же препятствуют размножению народа. Где есть нечего, там хотя

бы и было кому есть, не будет; умрут от истощения. Тако нива рабства, неполный давая плод, мертвит граждан, им же определены были природою избытки её. Но сим ли одним препятствуется в рабстве многоплодие? К недостатку прокормления и одежд присовокупили работу до изнеможения. Умножь оскорбления надменности и уязвления силы, даже в любезнейших человека чувствованиях; тогда со ужасом узришь возникшее губительство неволи, которое тем только различествуется от побед и завоеваний, что не даёт тому родиться, что победа посекает. Но от неё вреда больше. Легко всяк усмотрит, что одна опустошает случайно, мгновенно; другая губит долговременно и всегда; одна, когда прейдёт полёт её, скончаеает своё свирепство; другая там только начнётся, где сия кончится, и примениться не может, разве опасным всегда потрясением всяя внуренности.

Но нет ничего вреднее, как всегдашнее на предметы рабства воззрение. С одной стороны родится надменность, а с другой робость. Тут никакой не можно быть связи, разве насилие. И сие, собирався в малую среду, властнодержавное своё действие простирает всюду тяжко. Но поборники неволи, власть и острие в руках имеющих, сами ключимые во узах, наияростнейшие оныя бывают проповедники. Кажется, что дух свободы толико в рабах иссякает, что не токмо не желают скончать своего страдания, но тягостно им зрети, что другие свободствуют. Оковы свои возлюбляют, если возможно человеку любити свою пагубу. Мне мнится в них зрети змию, совершившую падение первого человека. Примеры властвования суть заразительны. Мы сами, признаться должно, мы, ополчённые палицею мужества и природы на сокрушение стоглавного чудовища, иссосоающего пищу общественную, уготованную на прокормление граждан, мы поползнулися, может быть, на действия самовластия, и хотя намерения наши были всегда благи и к блаженству целого стремились, но поступок наш державный полезностию своею оправдаться не может. И так ныне молим вас отпущения нашего неумышленного дерзновения.

Не ведаете ли, любезные наши сограждане, коликая нам

предстоит гибель, в колыкой мы вращаемся опасности. Загрубелые все чувства рабов, и благим свободы мановением в движение не приходящие, тем укрепят и усовершенствуют внутреннее чувствование. Поток, заграждённый в стремлении своём, тем сильнее становится, чем твёрже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможет. Таковы суть братия наша, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своём. Приведите себе на память прежние повествования. Даже обольщение колыко яростных сотворило рабов на погубление господ своих! Прельщённые грубым самозванцем, текут ему вослед и ничего толыко не желают, как освободиться от ига своих властителей; в невежестве своём другого средства к тому не умыслили, как их умерщвление. Не щадили они ни пола, ни возраста. Они искали паче веселие мщения, нежели пользу сотрясения уз.

Вот что нам предстоит, вот чего нам ожидать должно. Гибель возносится горе постепенно, и опасность уже вращается над главами нашими. Уже время, вознёсши косу, ждёт часа удобства, и первый льстец или любитель человечества, возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах. Блюдитесь.

Но если ужас гибели и опасность потрясения стяжаний подвигнуть может слабого из вас, неужели не будем мы толыко мужественны в победении наших предрассуждений, - в поправки нашего корыстолюбия и не освободим братию нашу из оков рабства и не восстановим природное всех равенство? Ведая сердец ваших расположение, приятнее им убедиться доводами, в человеческом сердце почёрпнутыми, нежели в исчислениях корыстолюбивого благоразумия, а менее ещё в опасности. Идите, возлюбленные мои, идите в жилища братии вашей, возвестите о премене их жребия. Вещайте с ощущением сердечным: подвигнутые на жалость вашу участию,

соболезнующая о подобных нам, дознав ваше равенство с нами и убеждённые общемою пользою, пришли мы, да лобзаем братию нашу. Оставили мы гордое различие, нас толико времени от вас отделявшее, забыли мы существовавшее между нами неравенство, восторжествуем ныне о победе нашей, и сей день, в он же сокрушаются оковы сограждан нам любезных, да будет знаменитейший в летописях наших. Забудьте наше прежнее злодейство на вас, и да возлюбим друг друга искренне.

Се будет глагол ваш; се слышится он уже во внутренности сердец ваших. Не медлите, возлюбленные мои. Время летит; дни наши преходят в недействии. Да не скончаем жизни нашей, возымев только мысль благую и не возмогши её исполнить. Да не воспользуется тем потомство наше, да не пожнёт венца нашего и с презрением о нас да не скажет: они были.

Вот что я прочёл в замаранной грязню бумаге, которую поднял я перед почтовою избою, вылезая из кибитки моей.

Вошед в избу, я спрашивал, кто были проезжие незадолго передо мною.

- Последний из проезжающих, - говорил мне почталион, - был человек лет пятидесяти; едет по подорожной в Петербург. Он у нас забыл связку бумаг, которую я теперь за ним вслед посылаю.

Я попросил почталиона, чтобы он дал мне сии бумаги посмотреть, и, развернув их, узнал, что найденная мною к ним же принадлежала. Уговорил я его, чтобы он бумаги сии отдал мне, дав ему за то награждение. Рассматривая их, узнал, что они принадлежали искреннему моему другу, а потому не почёл я их приобретение кражею. Он их от меня доселе не требовал, а оставил мне на волю, что я из них сделать захочу.

Между тем как лошадей моих перепрягали, я любопытствовал, рассматривая доставшиеся мне бумаги. Множество нашёл я подобных той, которую читал. Везде я обретал расположения человеколюбивого сердца, везде видел гражданина будущих времён. Более всего видно было, что друг мой поражён был несоразмерностию гражданских чиновосостояний. Целая связка бумаг и начертаний законоположений

относилась к уничтожению рабства в России. Но друг мой, ведая, что высшая власть недостаточна в силах своих на претворение мнений мгновенно, начертал путь по временным законоположениям к постепенному освобождению земледельцев в России. Я здесь покажу шествие его мыслей. Первое положение относится к разделению сельского рабства и рабства домашнего. Сие последнее уничтожается прежде всего, и запрещается поселян и всех, по деревням в ревизии написанных, брать в дома. Буде помещик возьмёт земледельца в дом свой для услуг или работы, то земледелец становится свободен. Дозволить крестьянам вступать в супружество, не требуя на то согласия своего господина. Запретить брать выводные деньги. Второе положение относится к собственности и защите земледельцев. Удел в земле, ими обрабатываемый, должны они иметь собственностию; ибо платят сами подушную подать. Приобретённое крестьянином имение ему принадлежать долженствует; никто его оного да не лишит самопроизвольно. Восстановление земледельца во звание гражданина. Надлежит ему судиму быть ему равными, то есть в расправах, в кои выбирать и из помещичьих крестьян. Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имение, то есть покупать землю. Дозволить невозбранное приобретение вольности, платя господину за отпускную известную сумму. Запретить произвольное наказание без суда. — Исчезли варварское обыкновение, разрушья власть тигров! — вещает нам законодатель... За сим следует совершенное уничтожение рабства.

Между многими постановлениями, относящимися к восстановлению по возможности равенства во гражданах, нашёл я табель о рангах. Сколь она была некстати нынешним временам и оным несоразмерна, всяк сам может вообразить. Но теперь дуга коренной лошади звенит уже в колокольчик и зовёт меня к отъезду; и для того я за благо положил лучше рассуждать о том, что выгоднее для едущего на почте, чтобы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднее для почтовой клячи, быть иноходцем или скакуном? — нежели заниматься тем, что не существует.

Медное

«Во поле берёза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли...» Хоровод молодых баб и девок; пляшут; подойдём поближе, - говорил я сам себе, развертывая найденные бумаги моего приятеля. Но я читал следующее. Не мог дойти до хоровода. Уши мои задёрнулись печалию, и радостный глас нехитростного веселия до сердца моего не проник. О мой друг! Где бы ты ни был, внемли и суди.

Каждую неделю два раза вся Российская империя извещается, что Н. Н. или Б. Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял, или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про... или раздарено, потеряно в огне или воде, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошёл в долг или под взыскание. То и другое наравне в ведомостях приемлется. Публикуется: «Сего... дня полуночи в 10 часов, по определению уездного суда или городского магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г... недвижимое имение, дом, состоящий в... части, под э., и при нём шесть душ мужеского и женского полу; продажа будет при оном доме. Желающие могут осмотреть заблаговременно».

На дешёвое охотников всегда много. Наступил день и час продажи. Покупщики съезжаются. В зале, где она производится, стоят неподвижны на продажу осуждённые.

Старик лет в 75, опершись на вязовой дубинке, жаждет угадать, кому судьба его отдаст в руки, кто закроет его глаза. С отцом господина своего он был в Крымском походе, при фельдмаршале Минихе; в Франкфуртскую баталию он раненого своего господина унёс на плечах из строю. Возвратясь домой, был дядкою своего молодого барина. Во младенчестве он спас его от утопления, бросаясь за ним в реку, куда сей упал, переезжая на пароме, и с опасностью своей жизни спас его. В юношестве выкупил его из тюрьмы, куда посажен был за долги в бытность свою в гвардии унтер-офицером.

Старуха 80 лет, жена его, была кормилицею матери своего молодого барина; его была нянькою и имела надзирание

за домом до самого того часа, как выведена на сие торжище. Во всё время службы своя ничего у господ своих не утратила, ничем не покорывалась, никогда не лгала, а если иногда им досадила, то разве своим праводушием.

Женщина лет в 40, вдова, кормилица молодого своего барина. И доднесь чувствует она ещё к нему некоторую нежность. В жилах его льётся её кровь. Она ему вторая мать, и ей он более животом своим обязан, нежели своей природной матери. Сия зачала его в веселии, о младенчестве его не радела. Кормилица и нянька его были воспитанницы. Они с ним расстаются, как с сыном.

Молодица 18 лет, дочь её и внучка стариков. Зверь лютый, чудовище, изверг! Посмотри на неё, посмотри на румяные её ланиты, на слёзы, лиющиеся из её прелестных очей. Не ты ли, не возмогши прельщением и обещаниями уловить её невинности, ни утратить её непоколебимости угрозами и казнию, наконец употребил обман, обвенчав её за спутника твоих мерзостей, и в виде его наслаждался веселием, которого она делить с тобой гнушалась. Она узнала обман твой. Венчанный с нею не коснулся более её ложа, и ты, лишён став твоя утехи, употребил насилие. Четыре злодея, исполнители твоя воли, держа руки её и ноги... но сего не окончаем. На челе её скорбь, в глазах отчаяние. Она держит младенца, плачевный плод обмана или насилия, но живой слепок прелюбодейного его отца. Родив его, позабыла отцово зверство, и сердце начало чувствовать к нему нежность. Она боится, чтобы не попасть в руки ему подобного.

Младенец... Твой сын, варвар, твоя кровь. Иль думаешь, что где не было обряда церковного, тут нет и обязанности? Иль думаешь, что данное по приказанию твоему благословение наёмным извещателем слова божия сочтено их утвердило, иль думаешь, что насильственное венчание во храме божиим может назваться союзом? Всесильный мерзит принуждением, он услаждается желаниями сердечными. Они одни непорочны. О! колико между нами прелюбодейств и растления совершается во имя отца радостей и утешителя скорбей, при его свидетелях, недостойных своего сана.

Детина лет в 25, венчанный её муж, спутник и наперсник. Зверство и мщение в его глазах. Раскаивается о своих к господину своему угождениях. В кармане его нож, он его схватил крепко; мысль его отгадать нетрудно... Бесплодное рвение. Достанешься другому. Рука господина твоего, носящаяся над главою раба непрестанно, согнёт выю твою на всякое угождение. Глад, стужа, зной, казнь, всё будет против тебя. Твой разум чужд благородных мыслей. Ты умереть не умеешь. Ты склонись и будешь раб духом, как и состоянием. А если бы восхотел противиться, умрёшь в оковах томною смертию. Судии между вами нет. Не захочет мучитель твой сам тебя наказывать. Он будет твой обвинитель. Отдаст тебя градскому правосудию. – Правосудие! – где обвиняемый не имеет почти власти оправдаться. – Пройдём мимо других несчастных, выведенных на торжище.

Едва ужасоносный молот испустил тупой свой звук и четверо несчастных узнали свою участь, - слёзы, рыдание, стон пронзили уши всего собрания. Наитвердейшие были тронуты. Окаменелые сердца! Почто бесплодное соболезнование? О квакеры! Если бы мы имели вашу душу, мы бы сложились и, купив сих несчастных, даровали бы им свободу. Жив многие лета в объятиях один другого, несчастные сии к поносной продаже восчувствуют тоску разлуки. Но если закон иль, лучше сказать, обычай варварский, ибо в законе того не писано, дозволяет толикое человечеству посмеяние, какое право имеете продавать сего младенца? Он незаконнорожденный. Закон его освобождает. Пойдите, я буду доноситель; я избавлю его. Если бы с ним мог спасти и других! О счастье! Почто ты так обидело меня в твоём разделе? Днесь жажду вкусити прелестного твоего взора, впервые ощущать начинаю страсть к богатству. – Сердце моё столь было стеснено, что, выскочив из среды собрания и отдав несчастным последнюю гривну из кошелька, побежал вон. На лестнице встретился мне один чужестранец, мой друг.

- Что тебе сделалось? Ты плачешь?

- Возвратись, - сказал я ему, - не будь свидетелем срамного позорища. Ты проклинал некогда обычай варварский в продаже чёрных невольников в отдалённых селениях твоего

отечества; возвратись, - повторил я, - не будь свидетелем нашего затмения и да не возвестиши стыда нашего твоим согражданам, беседея с ними о наших нравах.

- Не могу сему я верить, - сказал мне мой друг, - невозможно, чтобы там, где мыслить и верить дозволяется всякому кто как хочет, столь постыдное существовало обыкновение.

- Не дивись, - сказал я ему, - установление свободы в исповедании обидит одних попов и чернецов, да и те скорее пожелают приобрести себе овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения.

Городня

Въезжая в сию деревню, не стихотворческим пением слух мой был ударяем, но пронзающим сердца воплем жён, детей и старцев. Встав из моей кибитки, отпустил я её к почтовому двору, любопытствуя узнать причину приметного на улице смятения.

Подошед к одной куче, узнал я, что рекрутский набор был причиною рыдания и слёз многих толпящихся. Из многих селений казённых и помещичьих сошлись отправляемые на отдачу рекруты.

В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, вопила:

- Любезное мое дитяtko, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительский? Поля наши порастут травою, мохом – наша хижина. Я, бедная престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет её от зноя? Кто напоит меня и накормит? Да всё то не столь сердцу тягостно; кто закроет мои очи при издыхании? Кто примет моё родительское благословение? Кто тело предаст общей нашей матери, сырой земле? Кто придёт вспомануть меня над могилою? Не канет на неё твоя горячая

слеза; не будет мне отрады той.

Подле старухи стояла девка уже взрослая. Она также вопила:

- Прости, мой друг сердечный, прости, моё красное солнушко. Мне, твоей невесте нареченной, не будет больше утехи, ни веселья. Не позавидуют мне подружки мои. Не взойдёт надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы бесчеловечные наши старосты хоть дали бы нам обвенчаться; хотя бы ты, мой милый друг, хотя бы одну уснул ноченьку, уснул бы на белой моей груди. Авось ли бы бог меня помиловал и дал бы мне паренька на утешение.

Парень им говорил:

- Перестаньте плакать, перестаньте рвать моё сердце. Зовёт нас государь на службу. На меня пал жеребей. Воля божия. Кому не умирать, тот жив будет. Авось либо я с полком к вам приду. Авось либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку.

Совсем другого рода слова внял слух мой в близстоящей толпе. Среди оной я увидел человека лет тридцати, посредственного роста, стоящего бодро и весело на окрест стоящих взирающего.

- Услышал господь молитву мою, - вещал он. – Достигли слёзы несчастного до утешителя всех. Теперь буду хотя знать, что жребий мой зависеть может от доброго или худого моего поведения. Доселе зависел он от своенравия женского. Одна мысль утешает, что без суда батожьём наказан не буду!

Узнав из речей его, что он господский был человек, любопытствовал от него узнать причину необыкновенного удовольствия. На вопрос мой о сём он отвечал:

- Если бы, государь мой, с одной стороны поставлена была виселица, а с другой глубокая река и, стоя между двух гибелей, неминуемо бы должно было идти направо или налево, в петлю или в воду, что избрали бы вы, чего бы заставил желать рассудок и чувствительность? Я думаю, да и всякий другой избрал бы броситься в реку, в надежде, что, преплыв на другой берег, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать,

тверда ли петля, своею шею. Таков мой был случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тем и конец был, но умирать томною смертью, под батожьём, под кошками, в кандалах, в погребе, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнем поругании; государь мой, хотя холопей считаете вы своим именем, нередко хуже скотов, но, к несчастию их горчайшему, они чувствительности не лишены. Вам удивительно, вижу я, слышать таковые слова в устах крестьянина; но, слышав их, для чего не удивляетесь жестокосердию своей собратий, дворян?

И поистине не ожидал я сказанного от одетого в смурый кафтан, со бритым лбом. Но, желая удовлетворить моему любопытству, я просил его, чтобы он уведомил меня, как, будучи столь низкого состояния, он достиг понятий, недостающих нередко в людях, несвойственно называемых благородными.

- Если вы не поскучаете слышать моей повести, то я вам скажу, что я родился в рабстве; сын дядьки моего бывшего господина. Сколь восхищаюсь я, что не назовут уже меня Ванькою, ни поносительным именованием, ни позыва не сделают свистом. Старый мой барин, человек добросердечный, разумный и добродетельный, нередко рыдавший над участию своих рабов, хотел за долговременные заслуги отца моего отличить и меня, дав мне воспитание наравне с своим сыном. Различия между нами почти не было, разве только то, что он на кафтане носил сукно моего потока. Чему учили молодого боярина, тому учили и меня, наставления нам во всём были одинаковы, и без хвастовства скажу, что во многом я лучше успел своего молодого господина.

«Ванюша, - говорил мне старый барин, - счастье твоё зависит совсем от тебя. Ты более к учёности и нравственности имеешь побуждений, нежели сын мой. Он по мне будет богат и нужды не узнает, а ты с рождения с нею познакомился. Итак, старайся быть достоин моего о тебе попечения».

На семнадцатом году возраста молодого моего барина отправлен был он и я в чужие край с надзирателем, коему предписано было меня почитать сопутником, а не слугою.

Отправляя меня, старый мой барин сказал мне: «Надеюсь, что ты возвратишься к утешению моему и своих родителей. Раб ты в пределах сего государства, но вне оных ты свободен. Возвратясь же в оное, уз, рождением твоим на тебя наложенных, ты не обрящешь».

Мы отсутственны были пять лет и возвращались в Россию: молодой мой барин в радости видеть своего родителя, а я, признаюсь, ласкаясь пользоваться сделанным мне обещанием. Сердце трепетало, вступая опять в пределы моего отечества. И поистине предчувствие его было не ложно. В Риге молодой мой господин получил известие о смерти своего отца. Он был оною тронут, я приведён в отчаяние. Ибо все мои старания приобрести дружбу и доверенность молодого моего барина всегда были тщетны. Он не только меня не любил, из зависти, может быть, тесным душам свойственной, но ненавидел.

Приметив моё смятение, известием о смерти его отца произведённое, он мне сказал, что сделанное мне обещание не позабудет, если я того буду достоин. В первый раз он осмелился мне сие сказать, ибо, получив свободу смертию своего отца, он в Риге же отпустил своего надзирателя, заплатив ему за труды его щедро. Справедливость надлежит отдать бывшему моему господину, что он много имеет хороших качеств, но робость духа и легкомыслие оные помрачают.

Чрез неделю после нашего в Москву приезда бывший мой господин влюбился в изрядную лицом девицу, но которая с красотой телесною соединяла скареднейшую душу и сердце жестокое и суровое. Воспитанная в надменности своего происхождения, отличию почитала только внешность, знатность, богатство. Чрез два месяца она стала супруга моего барина и моя повелительница. До того времени я не чувствовал перемены в моём состоянии, жил в доме господина моего как его сотоварищ. Хотя он мне ничего не приказывал, но я предупреждал его иногда желания, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порог дому, в котором она определялася начальствовать, как я почувствовал тягость моего жребия. Первый вечер по свадьбе и следующий день, в который я ей представлен был супругом её как его

сотоварищ, она занята была обыкновенными заботами нового супружества; но ввечеру, когда при довольно многолюдном собрании пришли все к столу и сели за первый ужин у новобрачных и я, по обыкновению моему, сел на моём месте на нижнем конце, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу: если он хочет, чтоб она сидела за столом с гостями, то бы холопей за оный не сажал. Он, взглянув на меня и движим уже ею, прислал ко мне сказать, чтобы я из-за стола вышел и ужинал бы в своей горнице. Вообразите, колько чувствительно мне было сие унижение. Я, скрыв, однако же, иступающие из глаз моих слёзы, удалился. На другой день не смел я показаться. Не навевался обо мне, принесли мне обед мой и ужин. То же было и в следующие дни. Чрез неделю после свадьбы в один день после обеда новая госпожа, осматривая дом и распределяя всем служителям должности и жилище, зашла в мои комнаты. Они для меня уготованы были старым моим барином. Меня не было дома. Не повторю того, что она говорила, будучи в оных, мне в посмеяние, но, возвратясь домой, мне сказали её приказ, что мне отведён угол в нижнем этаже, с холостыми официантами, где моя постель, сундук с платьем и бельем уже поставлены; всё прочее она оставила в прежних моих комнатах, в коих поместила своих девок.

Что в душе моей происходило, слыша сие, удобнее чувствовать, если кто может, нежели описать. Но дабы не занимать вас излишним, может быть, повествованием, госпожа моя, вступив в управление дома и не находя во мне способности к услуге, поверстала меня в лакеи и надела на меня ливрею. Малейшее мнимое упущение сея должности влекло за собою пощёчины, батожье, кошки. О государь мой, лучше бы мне не родиться! Колеко крат негодовал я на умершего моего благодетеля, что дал мне душу на чувствование. Лучше бы мне было возрасти в невежестве, не думав никогда, что семь человек, всем другим равный. Давно бы, давно бы избавил себя ненавистной мне жизни, если бы не удерживало прещение вышнего над всеми судии. Я определил себя сносить жребий мой терпеливо. И сносил не токмо уязвления телесные, но и те, коими она уязвляла мою душу. Но едва не преступил я своего

обета и не отъял у себя томные остатки плачевного жития при случившемся новом души уязвлении.

Племянник моей барыни, молодец семнадцати лет, сержант гвардии, воспитанный во вкусе московских щегольков, влюбился в горнишную девку своей тётушки и, скоро овладев опытною её горячностью, сделал её матерью. Сколь он ни решителен был в своих любовных делах, но при сём происшествии несколько смутился. Ибо тётушка его, узнав о сём, запретила вход к себе своей горнишной, а племянника побранила слегка по обыкновению милосердых господ, она намерилась наказать ту, которую жаловала прежде, выдав её за конюха замуж. Но как все они были уже женаты, а беременной для славы дома надобен был муж, то хуже меня из всех служителей не нашла. И о сём госпожа моя в присутствии своего супруга мне возвестила яко отменную мне милость. Не мог я более терпеть поругания.

«Бесчеловечная женщина! Во власти твоей состоит меня мучить и уязвлять моё тело; говорите вы, что законы дают вам над нами сие право. Я и сему мало верю; но то твёрдо знаю, что вступать в брак никто принуждён быть не может». – Слова мои произвели в ней зверское молчание. Обратясь потом к супругу её:

«Неблагодарный сын человеколюбивого родителя, забыл ты его завещание, забыл и своё изречение; но не доводи до отчаяния души, твоей благороднейшей, страшись!»

Более сказать я не мог, ибо по повелению госпожи моей отведён был на конюшню и сечён нещадно кошками. На другой день едва я мог встать от побоев с постели; и паки приведен был пред госпожу мою.

«Я тебе прошу, - говорила она, - твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушке, она тебя просит, и я, любя её в самом её преступлении, хочу это для неё сделать».

«Мой ответ, - сказал я ей, - вы слышали вчера, другого не имею. Присовокуплю только то, что просить на вас буду начальство в принуждении меня к тому, к чему не имеете права».

«Ну, так пора в солдаты», - вскричала яростно моя

госпожа... Потерявший путешественник в страшной пустыне свою стезю меньше обрадуется, сыскав опять оную, нежели обрадован был я, услышав сии слова; «в солдаты», повторила она, и на другой день то было исполнено.

Несмысленная! Она думала, что так, как и поселянам, поступление в солдаты есть наказание. Мне было то отрада, и как скоро мне vybrили лоб, то я почувствовал, что я переродился. Силы мои обновились. Разум и дух паки начали действовать. О! надежда, сладостное несчастному чувствуе, пребуди во мне!

Слеза тяжкая, но не слеза горести и отчаяния иступила из очей его. Я прижал его к сердцу моему. Лицо его новым озарилось веселием.

- Не всё ещё исчезло; ты вооружаешь душу мою, - вещал он мне, - против скорби, дав чувствовать мне, что бедствие моё не бесконечно...

От сего несчастного я подошёл к толпе, среди которой увидел трёх скованных человек крепчайшими железами. Удивления достойно, - сказал я сам себе, взирая на сих узников, - теперь унылы, томны, робки, не токмо не желают быть воинами, но нужна даже величайшая жестокость, дабы вместить их в сие состояние; но обыкнув в сём тяжком во исполнении звании, становятся бодры, предприимчивы, гнушаяся даже прежнего своего состояния. Я спросил у одного близстоящего, который по одежде своей приказным служителем быть казался:

- Конечно, бояся их побегу, заключили их в толь тяжкие оковы?

- Вы отгадали. Они принадлежали одному помещику, которому зандобилися деньги на новую карету, и для получения оной он продал их для отдачи в рекруты казённым крестьянам.

Я. Мой друг, ты ошибаешься, казённые крестьяне покупать не могут своей братии.

Он. Не продажею оно и делается. Господин сих несчастных, взяв по договору деньги, отпускает их на волю; они, будто по желанию, приписываются в государственные крестьяне к той волости, которая за них платила деньги, а

волость по общему приговору отдаёт их в солдаты. Их везут теперь с отпускными для приписания в нашу волость!

Вольные люди, ничего не преступившие, в оковах, продаются как скоты! О законы! Премудрость ваша часто бывает только в вашем слоге! Не явное ли се вам посмеяние? Но паче ещё того посмеяние священного имени вольности. О! если бы рабы, тяжкими узами отягчённые, яряся в отчаянии своём, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашу обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгну лися великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишённы. Не мечта сие, но взор пронизает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую: я зрю сквозь целое столетие. – С негодованием отошёл я от толпы.

Но склёпанные узники теперь вольны. Если бы хотя немного имели твёрдости, утщели бы удручительные помыслы своих тиранов... Возвратимся...

- Друзья мои, - сказал я пленникам в отечестве своём, - ведаете ли вы, что если вы сами не желаете вступить в воинское звание, никто к тому вас теперь принудить не может?

- Перестань, барин, шутить над горькими людьми. И без твоей шулки больно было расставаться одному с дряхлым отцом, другому с малолетними сёстрами, третьему с молодою женою. Мы знаем, что господин нас продал для отдачи в рекруты за тысячу рублей.

- Если вы до сего времени не ведали, то ведайте, что в рекруты продавать людей запрещается; что крестьяне людей покупать не могут; что вам от барина дана отпускная и что вас покупщики ваши хотят приписать в свою волость будто по вашей воле.

- О, если так, барин, то спасибо тебе; когда нас поставят в меру, то все скажем, что мы в солдаты не хотим и что мы вольные люди.

- Прибавьте к тому, что вас продал ваш господин не в

указное время и что отдают вас насильным образом³.

Легко себе вообразить можно радость, распростёршуюся на лицах сих несчастных. Вспрянув от своего места и бодро потрясая свои оковы, казалось, что испытывают свои силы, как бы их свергнуть. Но разговор сей ввёл было меня в великие хлопоты: отдатчики рекрутские, вразумев моей речи, воспалённые гневом, прискочив ко мне, говорили:

- Барин, не в своё мешаешься дело, отойди, пока сух, - и сопротивляющегося начали меня толкать столь сильно, что я с поспешностью принужден был удалиться от сея толпы.<...>

Вопросы и задания к тексту:

1. Какова тематика и проблематика отрывков?
2. Каковы особенности изображения российской действительности? Какие её стороны подвергаются А. Радищевым сатирическому обличению?
3. Назовите просветительские идеалы, воплощённые автором в данных эпизодах «Путешествия...». Как они его характеризуют?
4. Укажите жанр произведения. Как жанровые особенности проявляются в отрывках?
5. Как изображает А. Радищев крестьянство? Какими качествами он наделяет представителей этого сословия? Как относятся к крестьянам крепостники?
6. Охарактеризуйте образ повествователя. Зачитайте монологи, в которых он размышляет о государственном устройстве России. Какую оценку он даёт?
7. «Путешествие из Петербурга в Москву» написано в сентиментальном художественном методе. В чём это выражается в приведённых отрывках?
8. Как вы понимаете слова «выя», «глад», «град», «торжище», «днесь», «отчинник», «сё», «сея»? Обратитесь к соответствующим словарям.
9. Прочитайте оду «Вольность».

---

³ Во время рекрутского набора запрещается в продаже крестьян совершать купчие. (Прим. автора).

Вольность

Ода

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица? –

5 Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
10 Того возвышенного галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!

15 А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор –
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
20 Неволи немощные слёзы;
Везде неправедная Власть
В сгущённой мгле предрассуждений
Воссела – Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.

25 Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простёрт их твёрдый щит,

30 Где сжатый верными руками
Граждán над равными главами
Их меч без выбора скользит

И преступленье с высока
Сражает праведным размахом;

35 Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Даёт Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
40 Но вечный выше вас Закон.

И гóре, гóре племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу иль царям
Законом властвовать возможно!

45 Тебя в свидетели зову,
О, мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовíк
50 В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон – народ молчит,
Падёт преступная секира...

55 И сё – злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей

- 60 С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрёк ты Богу на земле.
- 65 Когда на мрачную Неву
Звезда полночи сверкает,
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
- 70 На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец –
- И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
- 75 Калигуллы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит – в лентах и звездах,
Вином и злобой упоённые
Идут убийцы потаённые,
- 80 На лицах дерзость, в сердце страх.
- Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъёмный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наёмной...
- 85 О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!...
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.
- И днесь учитесь, о цари:
- 90 Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари

Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надёжную Закона,
95 И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.
<Декабрь 1817 г.>

Вопросы к тексту:

1. Определите тему, проблему, идею произведения.
2. Какие явления современной автору российской действительности он показывает?
3. На что направлена сатира А. Радищева? Что обличает просветитель? К чему призывает?
4. Какое значение стихотворец придаёт главенству закона в государстве? Подтвердите строками текста.
5. Почему слова «судьба», «власть», «рабство», «гений», «слава», «вольность» автор пишет с большой буквы (как имена собственные)?
6. Каковы особенности жанра «Вольности»?

Практическое занятие № 4
Поэзия конца XVIII века

Задание:

1. Познакомьтесь со стихотворными произведениями Н. Карамзина.

Н.М. Карамзин
Кладбище

Один голос

Страшно в могиле, хладной и тёмной!
Ветры здесь воют, гробы трясутся,
Белые кости стучат.

Другой голос

Тихо в могиле, мягкой, покойной.
Ветры здесь веют; спящим прохладно;
Травки, цветочки растут.

Первый

Червь кровоглавый точит умерших,
В черепах жёлтых жабы гнездятся,
Змии в крапиве шипят.

Второй

Крепок сон мёртвых, сладостен, кроток;
В гробе нет бури; нежные птички
Песнь на могиле поют.

Первый

Там обитают чёрные враны,
Алчные птицы; хищные звери
С рёвом копают в земле.

Второй

Маленький кролик в травке зелёной
С милой подружкой там отдыхает;
Голубь на веточке спит.

Первый

Сырость со мглою, густо мешаясь,
Плавают тамо в воздухе душном:
Древо без листьев стоит.

Второй

Тамо струится в воздухе светлом
Пар благовонный синих фиалок,
Белых ясминов, лилей.

Первый

Странник боится мёртвой юдоли;

Ужас и трепет чувствуя в сердце,
Мимо кладбища спешит.

Вторый

Странник усталый видит обитель
Вечного мира – посох бросая,
Там остаётся навек.

1792.

Странность любви, или Бессонница

Кто для сердца всех страшнее?
Кто на свете всех милее?
Знаю: милая моя!

«Кто же милая твоя?» -
Я стыжусь; мне, право, больно
Странность чувств моих открыть
И предметом шуток быть.
Сердце в выборе не вольно!..
Что сказать? Она... она...
Ах! нимало не важна
И талантов за собою
Не имеет никаких;
Не блистает острою,
И движеньем глаз своих
Не умеет изъясняться;
Не умеет восхищаться
Аполлоновым огнём;
Философов не читает
И в невежестве своём
Всю учёность презирает.

Знайте также, что она
Не Венера красотою –
Так худа, бледна собою,

Так эфирна и томна,
Что без жалости не можно
Бросить взора на неё.
Странно!.. я люблю её!..

«Что ж такое думать должно?
Уверяют старики
(В этом деле знатоки),
Что любовь любовь рождает, -
Сердце нравится любя:
Может быть, она пленяет
Жаром чувств своих тебя;
Может быть, она на свете
Не имеет ничего
Для души своей в предмете,
Кроме сердца твоего?
Ах! любовь и страсть такая
Есть небесная, святая!
Ум блестящий, красота
Перед нею суета».

Нет!.. К чему теперь скрываться?
Лучше искренно признаться
Вам, любезные друзья,
Что жестокая моя
Нежной, страстной не бывала
И с любовью на меня
Глаз своих не устремляла.
Нет в её душе огня!
Тщетно пламенем пылаю –
В милом сердце лёд, не кровь!
Так, как Эхо, иссыхаю –
Нет ответа на любовь!

Очарован я тобою,
Бог, играющий судьбою,
Бог коварный – Купидон!

Ядовитою стрелою
Ты лишил меня покою.
Как ужасен твой закон,
Мудрых мудрости лишая
И учёных кабинет
В жалкий Бедлам превращая,
Где безумие живёт!
Счастлив, кто не знает страсти!
Счастлив хладный человек,
Не любивший весь свой век!..
Я завидую сей части
И с Титанией люблю
Всем насмешникам в забаву!..
По небесному уставу
Днём зеваю, ночь не сплю.
1793.

Тацит

Тацит велик; но Рим, описанный Тацитом,
Достоин ли пера его?
В сём Риме, некогда геройством знаменитом,
Кроме убийц и жертв не вижу ничего.
Жалеть о нём не должно:
Он стоил лютых бед несчастья своего,
Терпя, чего терпеть без подлости не можно!
1797.

К Милости

Что может быть тебя святее,
О Милость, дочь благих небес?
Что краше в мире, что милее?
Кто может без сердечных слёз,
Без радости и восхищенья,
Без сладкого в крови волненья
Взирать на прелести твои?
Какая ночь не озарится
От солнечных твоих очей?

Какой мятеж не укротится
Одной улыбкою твоей?
Речёшь – и громы онемеют;
Где ступишь, там цветы алеют
И с неба льётся благодать.

Любовь твои стопы лобзает
И нежной Матерью зовёт;
Любовь тебя на трон венчает
И скиптр в десницу подаёт.
Текут, текут земные роды,
Как с гор высоких быстры воды,
Под сень державы твоя.

Блажен, блажен народ, живущий
В пространной области твоей!
Блажен певец, тебя поющий
В жару, в огне души своей!
Доколе Милостию будешь,
Доколе права не забудешь,
С которым человек рождён;

Доколе гражданин довольный
Без страха может засыпать
И дети – подданные вольны
По мыслям жизнь располагать,
Везде Природой наслаждаться,
Везде наукой украшаться
И славить прелести твои;

Доколе злоба, дочь Тифона,
Пребудет в мрак удалёна
От светло-золотого трона;
Доколе правда не страшна
И чистый сердцем не боится
В своих желаниях открыться
Тебе, владычице души;

Доколе всем даёшь свободу
И света не темнишь в умах;
Пока доверенность к народу
Видна во всех твоих делах, -
Дотоле будешь свято чтима,
От подданных боготворима
И славима из рода в род.

Спокойствие твоей державы
Ничто не может возмутить;
Для чад твоих нет большей славы,
Как верность к Матери хранить.
Там трон вовек не потрясётся,
Где он любовью брежётся
И где на троне – ты сидишь.
Апрель 1792.

Вопросы и задания к тексту:

1. Определите тему, проблему, идею произведений.
2. В каких жанровых разновидностях работает Н. Карамзин?
3. Охарактеризуйте образ лирического героя каждого стихотворения.
4. Укажите на принадлежность произведений к литературному направлению XVIII в. Какому? Какие черты текста об этом свидетельствуют?
5. Прочитайте стихотворения И.И. Дмитриева.

**И.И. Дмитриев
К Волге**

Конец благополучну бегу!
Спускайте, други, паруса!
А ты, принесшая ко берегу,
О Волга! рек, озер краса,
Глава, царица, честь и слава,
О Волга пышна, величава!

Прости!.. Но прежде удостой
Склонить своё вниманье к лире
Певца, незнаемого в мире,
Но воспоённого тобой!

Исполнены мои обеты;
Свершилось то, чего желал
Ещё в младенческие леты,
Когда я руки простирал
К тебе из отческия кущи,
Взирая на суда, бегущи
На быстрых белых парусах!
Свершилось, и блажу судьбину:
Великолепну зрел картину!
И я был на твоих волнах!

То нежным ветерком лобзаем,
То рёвом бури и валов
Под чёрной тучей оглушаем
И отзывом твоих берегов,
Я плыл, скакал, летел стрелою –
Там видел горы над собою
И спрашивал: который век
Застал их в молодости сущих?
Здесь мимо городов цветущих
И диких пустыней я тек.

Там веси, нивы благодатны,
Стада и кущи рыбарей,
Цветы и травы ароматны,
Растущи средь твоих: зыбей,
Влекли попеременно взоры;
А там сирен пернатых хоры,
Под тень кусточков уклонясь,
Пространство пеньем оглашали –
И два сайгака им внимали
С крутых стремнин, не шевелясь.

Там кормчий, руку простирая
Чрез лес дремучий на курган,
Вещал, спутников сзывая:
«Здесь Разинов был, други, стан!»
Вещал и в думу погрузился;
Холодный пот по нём разлился,
И перст на воздухе дрожал.
А твой певец в сии мгновенья,
На крыльях воображенья,
В протекших временах летал.

Летал, и будто сквозь тумана
Я видел твой весёлый ток
Под ратью грозна Иоанна;
И видел Астрахани рок.
Вотще ордынцы безотрадны
Бегут на холмы виноградны
И сыплют стрелы по судам:
Бесстрашный росс на брег ступает,
И гордо царство упадает
Со трепетом к его стопам.

Я слышал Каспия седого
Пророческий, громовый глас:
«Страшитесь, персы, рока злого!
Идёт, идёт царь сил на вас!
Его и Юг и Норд трепещет;
Он тысячами перуны мечет,
Затмил Луну и Льва сразил!..
Внемлите шум: се волжски волны

Несут его, гордыни полны!
Увы, Дербент!.. идёт царь сил!»
Прорёк, и хлынули реками
У бога воды из очес;
Вдруг море вздулося буграми,
И влажный Каспий в них исчез.

О, как ты, Волга, ликовала!
С каким восторгом поднимала
Победоносного царя!
В сию минуту пред тобою
Казались малою рекою
И Белы и Каспий, все моря!

Но страннику ль тебя прославить?
Он токмо в искренних стихах
Смиренну дань хотел оставить
На счастливых твоих берегах.
О, если б я внушён был Фебом,
Ты первую б рекой под небом,
Знатнейшей Гангеса была!
Ты б славою своей затмила
Величие Евфрата, Нила
И всю вселенну протекла.

1794.

Стансы к Н. М. Карамзину

«Прочь от нас, Катон, Сенека,
Прочь, угрюмый Эпиктет!
Без утех для человека
Пуст, несносен был бы свет.

Младость дважды не бывает,
Счастлив тот, который в ней
Путь цветами устилает,
Не предвидя грозных дней».

Так мою настроя лиру
И призвав одну из муз,
Дружбу, сердце и Темиру,
С ними пел я мой союз.

Пел, не думая о славе,
Не искав ничьих похвал:
Лишь друзей моих к забаве
Лиру я с стены снимал.

Всё в глазах моих играло,
Я в волшебной был стране:
Солнце ярче луч бросало
И казалось Фебом мне.

В роще ль голос разольётся
Сладкопевца соловья,
Сердце вмиг во мне забьётся –
Филомелу вспомню я.

С нею вместе унываю
И доволен, что грущу!..
Но почто я вспоминаю
То, чего уж не сыщу?

Утро дней моих затмилось
И опять не расцветёт;
Сердце с счастьем простилось
И мечтой весенних лет.

Резвый нежных муз питомец,
Друг и смехов и утех,
Ныне им как незнакомец
И собой пугает всех.

Осуждён к несносной скуке
Грусть в самом себе таить –
Ах! и с другом быть в разлуке,
И от дружбы слёзы лить!..

О любимый сын природы,
Нежный, милый наш певец!

Скоро ль отческие воды
Нас увидят наконец?

Скоро ль мы на Волгу кинем
Радостный, сыновний взор,
Всех родных своих обнимем
И составим братский хор?

С нами то же, что со цветом:
Был – и нет его чрез день.
Ах, уклонимся ж хоть летом
Древ домашних мы под тень.

Скажем им: «Древа! примите
Вы усталых пришлецов
И с приязнью обнимите
В них друзей и земляков!

Было время, что играли
Здесь под тенью мы густой –
Вы цветёте... мы увяли!
Дайте старости покой».

1793.

Вопросы и задания к тексту:

1. Определите тему, проблему, идею произведений.
2. В каких жанровых разновидностях работает И. Дмитриев?
3. Охарактеризуйте образ лирического героя каждого стихотворения.
4. Какие исторические реалии воспроизведены в текстах? Каких исторических личностей называет И. Дмитриев в стихах, какие события российской и мировой истории он имеет в виду?
4. Укажите на принадлежность произведений к литературному направлению XVIII в. Назовите к какому. Какие художественные особенности текста об этом свидетельствуют?
5. Прочитайте поэму И.Ф. Богдановича.

И.Ф. Богданович Душенька (1783)

(краткое содержание)

В первых же строчках автор заявляет, что не собирается воспевать военные подвиги древности. Он пишет не для славы, «но чтоб в часы прохлад, веселья и покоя / Приятно рассмеялась Хлюя». Вслед за Апулеем и Лафонтеном автор желает восславить Душеньку, хотя и сознаёт, что его вольный, разностопный стих не идёт ни в какое сравнение со стихами и прозой предшественников.

В древней Греции, в Юпитерово время, когда «властительное племя» так размножилось, что в каждом городе есть свой особый царь, один монарх всё же выделяется из остальных богатством, приятной внешностью и добротой, а более всего тем, что имеет трёх прекраснейших дочерей. Но младшая дочь своею внешностью всё же затмевает красоту остальных. У греков эта красавица зовётся Психея, что значит «душа»; русские же повествователи зовут её Душенькой.

Слава младшей царевны разносится повсюду, и вот уже «веселий, смехов, игр собор», амурь и зефиры покидают Венеру и убегают к Душеньке. Богине любви больше никто не приносит ни жертв, ни фимиамов. Вскоре злоречивые духи доносят богине, что Венериных слуг присвоила себе Душенька, и, хотя царевна даже не думала гневить богов, прибавляют, что она сделала это, чтобы досадить Венере. Поверив их лжи, разгневанная богиня немедленно летит к своему сыну Амуру и умоляет его вступить за её поруганную честь, сделать Душеньку уродливой, чтобы все от неё отвернулись, или же дать ей мужа, хуже которого нет на свете.

Амур, чтобы успокоить мать, обещает отомстить царевне. И в скором времени к Венере приходит весть, что Душенька оставлена всеми; бывшие воздыхатели даже не подходят к ней близко, а только кланяются издали. Подобное чудо мутит умы греков. Все теряются в догадках... Наконец

Венера объявляет всей Греции, на что гnevаются боги, и сулит страшные беды, если Душеньку не приведут к ней. Но царь и вся родня единогласно отказывают богине.

Между тем Душенька в слезах спрашивает Амура: почему она одинока, без супруга, даже без дружка? Родные всюду ищут ей женихов, но, страшась гнева богов, никто не хочет жениться на царевне. В конце концов решено обратиться к Оракулу, и Оракул отвечает, что назначенный судьбами супруг для Душеньки – чудовище, язвящее всех, рвущее сердца и носящее за плечами колчан страшных стрел, а чтобы девушка соединилась с ним, надо отвезти её на вершину горы, куда досель никто не хаживал, и оставить там.

Такой ответ повергает всех в скорбь. Жаль отдавать девушку какому-то чудовищу, и вся родня заявляет, что лучше терпеть гонения и напасти, чем везти Душеньку на жертву, тем более что даже неизвестно, куда. Но царевна из великодушия (или потому, что хочет иметь мужа, всё равно какого) сама говорит отцу: «Я вас должна спасать несчастьем моим». А куда ехать, Душенька решает просто: запряжённых в карету лошадей надо пустить без кучера, и пусть её ведёт сама судьба.

Через несколько недель кони сами останавливаются у какой-то горы и не хотят идти дальше. Тогда Душеньку ведут на высоту без дороги, мимо пропастей и пещер, где ревут какие-то злобные твари. А на вершине царь и весь его двор, попрощавшись с девушкой, оставляют её одну и, убитые горем, уходят.

Однако Душенька остаётся там недолго. Невидимый Зефир подхватывает её и возносит к «незнаемому ей селению небес». Царевна попадает в великолепные чертоги, где нимфы, амур и зефиры выполняют все её желания. Ночью к Душеньке приходит её муж, но поскольку является он впотьмах, девушка не знает, кто это такой. Сам же супруг на её вопросы отвечает, что до поры ей нельзя его видеть. Утром он исчезает, оставив Душеньку недоумевающей и влюблённой.

Несколько дней требуется царевне, чтобы осмотреть роскошные палаты и прилегающие к ним леса, сады и рощи, которые являют ей множество чудес и диковин. А однажды,

зайдя поглубже в лес, она находит грот, ведущий в тёмную пещеру, и, зайдя туда, обретает своего супруга. С тех пор Душенька каждый день приходит в этот грот, и каждую ночь муж навещает её в опочивальне.

Так проходит три года. Душенька счастлива, но ей не даёт покоя желание узнать, как выглядит её супруг. Однако тот на все её просьбы лишь умоляет, чтобы она не стремилась его увидеть, была ему послушна и не слушала в этом деле никаких советов, даже от самых близких родственников.

Однажды Душенька узнаёт, что её сёстры пришли её искать к той страшной горе, где царевна когда-то была оставлена. Душенька немедленно велит Зефиру перенести их в её рай, любезно встречает и старается «всяко их забавить». На вопрос, где её супруг, она сначала отвечает: «Дома нет», но потом, не выдержав, признаётся во всех странностях своего брака. Она не знает, что её сестры, завидуя ей, только и мечтают о том, чтобы лишить Душеньку счастья. Поэтому они говорят, что якобы видели страшного змея, заползающего в грот, и что это-де и есть Душенькин супруг. Та, придя в ужас, решает покончить с собой, но злонравные сёстры возражают ей, что сначала она, как честная женщина, должна убить чудовище. Они даже добывают и приносят ей для этой цели лампаду и меч, после чего возвращаются домой.

Наступает ночь. Дождавшись, когда супруг заснёт, Душенька освещает его лампадой и обнаруживает, что это сам Амур. В восхищении любуясь им, она нечаянно проливает масло из лампы на бедро мужа. Проснувшись от боли, тот видит обнажённый меч и думает, что жена замыслила на него зло. «И Душенька тогда, упавши, обмерла». Приходит в себя она на той же горе, где давным-давно просталась с родными. Бедняжка понимает, что сама виновата в этой беде; она громко рыдает, просит прощения. Амур, украдкой следящий за ней, уже хочет было кинуться к ногам возлюбленной, но, опомнившись, спускается к ней, как положено богу, во всём блеске своего величия и объявляет, что преступившая закон Душенька теперь в немилости у богов, и потому он больше не

может быть с нею вместе, а предоставляет её судьбе. И, не слушая её оправданий, исчезает.

Несчастной царевне остаётся только самоубийство. Она кидается в пропасть, но один из зефиров подхватывает её и осторожно переносит на лужайку. Решив зарезаться, Душенька ищет острый камень, но все камни в её руках превращаются в куски хлеба. Ветви дерева, на котором она хочет повеситься, опускают её невредимой на землю. Рыбы-наяды не дают ей утопиться в реке. Заметив на берегу огонь в дровах, царевна пытается сжечь себя, но неведомая сила гасит перед ней пламя.

«Судьба назначила, чтоб Душенька жила / И в жизни бы страдала». Царевна рассказывает вернувшемуся к своим дровам старцу-рыболову о своих несчастьях и узнаёт от него, что её ждут новые беды: Венера уже повсюду разослала грамоты, в которых требует, чтобы Душеньку нашли и представили к ней, а укрывать под страхом её гнева не смели. Понимая, что скрываться всё время невозможно, бедная Душенька просит о помощи степеннейших богинь, но Юнона, Церера и Минерва по тем или иным причинам отказывают ей. Тогда царевна идёт к самой Венере. Но, появившись в храме богини любви, красавица приковывает к себе все взгляды; народ принимает её за Венеру, преклоняет колена... и как раз в этот момент входит сама богиня.

Чтобы как следует отомстить Душеньке, Венера делает её своей рабыней и даёт ей такие поручения, от которых та должна умереть или хотя бы подурнеть. В первый же день она велит царевне принести живой и мёртвой воды. Узнав об этом, Амур велит своим слугам помочь Душеньке. Верный Зефир немедленно переносит свою бывшую хозяйку в тот удел, где текут такие воды, объясняет, что змея Горыныча Чудо-Юда, стерегущего воды, надо угостить выпивкой, и вручает ей большую флягу с пойлом для змея. Так Душенька выполняет первое поручение.

Венера даёт царевне новое дело – отправиться в сад Гесперид и принести оттуда золотых яблок. А сад тот охраняется Кашеем, который загадывает всем проходящим загадки, и того, кто не сможет их отгадать, съедает. Но Зефир

заранее называет Душеньке ответы на загадки, и та с честью выполняет второе поручение.

Тогда богиня любви посылает царевну в ад к Прозерпине, велев взять там некий горшочек и, не заглядывая в него, принести ей. Благодаря советам Зефира Душеньке удаётся благополучно сойти в ад и вернуться обратно. Но, не сдержав любопытства, она открывает горшочек. Оттуда вылетает густой дым, и лицо царевны немедленно покрывается чернотой, которую нельзя ни стереть, ни смыть. Стыдясь своего вида, несчастная прячется в пещере с намерением никогда не выходить.

Хотя Амур, стараясь угодить Венере, делал вид, что не думает о Душеньке, он не забыл ни её, ни её сестёр. Он сообщает сёстрам, что намерен взять обеих в супруги, и пусть они только взойдут на высокую гору и бросятся вниз – Зефир сейчас же подхватит их и принесёт к нему. Обрадованные сёстры спешат прыгнуть в пропасть, но Зефир только дует им в спину, и они разбиваются. После этого Амур, описав матери, как подурнела Душенька, добивается от удовлетворённой богини разрешения вновь соединиться с женой – ведь он любит в ней не внешность, а прекрасную душу. Он находит Душеньку, объясняется с ней, и они прощают друг друга.

А когда их брак признан всеми богами, Венера, рассудив, что ей невыгодно держать в родне дурнушку, возвращает снохе прежнюю красоту. С тех пор Амур и Душенька живут счастливо.

Вопросы и задания к тексту:

1. Перескажите сюжет. Укажите завязку, развитие действия, кульминацию, развязку.
2. В чём конфликт произведения?
3. Охарактеризуйте главных героев поэмы. Какое место занимают в системе персонажей античные божества?
4. Прочитайте отрывки из «Душеньки».

(отрывок)

КНИГА ВТОРАЯ

Но где возьму черты
Представить страх, какой являла вся природа,
Увидев Душеньку в пространстве темноты,
Оставшу без отца, без матери, без рода,
И, словом, вовсе без людей,
Между драконов и зверей?
Тут всё что царска дочь от нянюшек слыхала
И что в чудеснейших историях читала,
Представилось её смущённому уму.
Страшилища духов, волшебные призраки
Различных там смертей являли ей признаки
И мрачной ночи сей усугубляли тьму.
Но Душенька едва уста свои открыла
Промолвить жалобу, не высказав кому,
Как вдруг чудесна сила
На крылех внутренних взнесла её над мир.
Невидимый Зефир,
Её во оный час счастливый похититель,
И спутник и хранитель,
Неслыханну дотоль увидев красоту,
Запомнил Душеньку уведомить сначала,
Что к ней щедротно власть тогда повеливала
Её с почтением восхитить в высоту;
И, мысли устремив к особенному диву,
Взвевал лишь только ей покровы на лету.
Увидя ж Душеньку от страха еле живую,
Оставил свой восторг и страх её пресёк,
Сказав ей с тихостью, приличною Зефиру,
Что он несёт её к блаженнейшему миру –
К супругу, коего Оракул ей прорёк;
Что сей супруг давно вздыхает без супруги;
Что к ней полки духов
Назначены в услуги,

И что он сам упасть к ногам её готов,
И множество к тому прибавил лестных слов.
Амуры, кои тут царевну окружали,
И уст улыбками и радостьми очес
Отвсюду те слова согласно подтверждали.
Не в долгом времени Зефир её вознёс
К неизвестному ей селению небес,
Поставил средь двора, и вдруг оттоль исчез.
Какая Душеньке явилась тьма чудес!
Сквозь рощу миртовых и пальмовых деревьев
Великолепные представились чертоги,
Блестящие среди бесчисленных огней,
И всюду розами усыпаны дороги;
Но розы бледный вид являют перед ней
И с неким чувствием её лобзают ноги.
Порфирные врата, с лица и со сторон,
Сафирные столпы, из яхонта балкон,
Златые купола и стены изумрудны
Простому смертному должны казаться чудны:
Единым лишь богам сии дела не трудны.
Таков открылся путь – читатель, примечай –
Для Душеньки, когда из мрачнейшей пустыни
Она, во образе летящей вверх богини,
Нечаянно взнеслась в прекрасный некий рай.
В надежде на богов, бодряся их признаком,
Едва она ступила раз,
Бегут на встречу к ней тотчас
Из дому сорок нимф в наряде одинаком;
Они старались приход её стеречь;
И старшая из них, с пренизким ей поклоном,
От имени подруг почтительнейшим тоном
Сказала должную приветственную речь.
Лесные жители своим огромным хором
Потом пропели раза два,
Какие слышали похвальны ей слова,
И к ней служить летят амуры всем собором.
Царевна ласкова, на каждую ей честь,

Ответствовала всем то знаком, то словами.
Зефиры, в тесноте толкаясь головами,
Хотели в дом её привести или принести;
Но Душенька им тут велела быть в покое
И к дому шла сама среди различных слуг,
И смехов и утех, летающих вокруг.
Читатель так видал стремливость в пчельном рое,
Когда юничный род, оставя старых пчел,
Кружится, резвится, журчит и вдаль летает,
Но за царицею, которую почитает,
Смирятся, летит на новый свой удел.
Царевна посреди сих почестей отменных
Не знала, дух ли был иль просто человек
Обещанный супруг, властитель мест блаженных,
Которого пред сим Зефир в словах смятенных
Отчасти предвестил, но прямо не нарёк.
Вступая в дом, она супруга зреть желала
И много раз о нём служащих вопрошала;
Но вся сия толпа, котора с нею шла
Или вокруг летала,
Уведомить её подробней не могла,
И Душенька о том в незнании была.
Меж тем прошла она крыльцовые ступени
И введена была в пространнейшие сени,
Отколь во все края, сквозь множество дверей,
Открылся перед ней
Прекрасный вид аллея,
И рощей, и полей;
И более потом высокие балконы
Открыли царство там и Флоры и Помоны,
Каскады и пруды,
И чудные сады.
Оттуда сорок нимф вели её в чертоги,
Какие созидать удобны только боги,
И тамо Душеньку, в прохладе от дороги,
В готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистойшей принесли,

Котору, вместо вод, повсюду собирали.
Зефиры воздух там дыханьем согревали,
Из разных аромат вздували пузыри
И благовонные устраивали мыла,
Какими моются восточные цари
И коих ведома бодрительная сила.
Царевна в оный час, хотя и со стыдом,
Со спором и трудом,
Как водиться при том,
Взирая на обновы,
Какие были там на выбор ей готовы,
Дозволила сложить с красот свои покровы.
Полки различных слуг, пред тем отдав поклон,
Без вздохов не могли оттуда выйти вон,
И даже за дверьми, не быв тогда в услуге,
Охотно след её лобзали на досуге.
Зефиры лишь одни, имея вход везде,
Зефиры хищные, затем что ростом мелки,
У окон и дверей нашли малейши щелки,
Прокрались между нимф и спрятались в воде,
Где Душенька купалась.
Она пред ними там во всей красе являлась,
Иль паче – им касалась;
Но Душенька о том никак не догадалась.
Зефиры! Коих я пресчастливыми чту,
Вы, кои видели царевны красоту;
Зефиры! вы меня как должно научите
Сказать читателям, иль сами вы скажите
И части, и черты,
И все приятности царевнины подробно,
Которых мне пером представить не удобно;
Вы видели тогда не сон и не мечты...
Но здесь молчите вы... молчанье разумею.
К изображению божественных даров
Потребен вам и мне особый дар богов;
Я здесь красот ее описывать не смею.
Царевна, вышедши из бани наконец,

Со удовольствием раскидывала взгляды
На выбранны для ней и платья и наряды,
И некакой венец.
Её одели там, как царскую особу,
В богатейшую робу.
Нетрудно разуместь, что для её услуг
Горстями сыпались каменя и жемчуг,
И всяки редкости невидимая сила,
По слову Душеньки, мгновенно приносила;
Иль Душенька тогда лишь только что помнила,
Желаемая вещь пред ней являлась вдруг;
Плеща своим прекраснейшим нарядом,
И по стенам пред ней стоят великим рядом,
Дабы краса её удвоена была.
Увидев там себя лицом, плечом и задом,
От головы до ног,
Легко могла судить царевна на досуге
О будущем супруге,
Что он, как видно, был гораздо не убог.
Меж тем к её услуге
В особой комнате явился стол готов;
Приборы для стола, и ествы и напитки,
И сласти всех родов
Являли там вещей довольство и избытки;
Не менее и то, что только для богов,
В роскошнейшем жилище
Могло служить к их пище,
Стояло перед ней во множестве рядов;
Иной вкусив, она печали забывала,
Другая ей красот и силы придавала.
Амуры, бегая усердие явить,
Хозяйки должности старались разделить:
Иной во кравчих был, другой носил посуду,
Иной уставливал, и всяк совался всюду;
И тот считал себе за превысоку честь,
Кому из рук своих домова их богиня
Полрюмки нектару изволила поднести,

И многие пред ней стояли рот разиня,
Хотя амуры в том,
По правде, жадными отнюдь не почитались
И боле, нежели вином,
Царевны зрением в то время услаждались.
Меж тем над ней с верхов,
В чертогах беспечальных,
Раздался сладкий звук орудий музыкальных
И песен ей похвальных,
Какие мог творить лишь только бог стихов.
Вначале райские певицы
Воспели красоту сей новой их царицы.
Читатель знает сам, приятна ль ей была
Такая похвала;
Но, впрочем, Душенька решить не возмогла,
Приятство ль голосов, достоинство ль скрипицы,
Согласие ли арф, иль флейту предпочесть, —
В искусстве все едины были духом,
Чтоб Душенька в раю
Познала часть свою
Прикосновением, устами, оком, слухом;
Коль можно почитать за правду все слова,
У греков есть молва,
Что будто бы к сему торжественному хору
Нарочно сысканы Орфей и Амфион,
И будто, в Душеньку влюбяся по разбору,
Играл и правил там оркестром Аполлон.
Впоследствии хор певиц, протяжистым манером,
С приличным некаким размером,
Воспел стихи, возвысив тон,
Толико медленно, толико слуху вятно,
И их сложение пленяло толь приятно,
Что Душенька легко слова переняла,
Легко упомянуть их могла,
И скоро затвердила,
И по всему двору впоследствии распустила.
Потом нескромные зефиры разнесли

Стихи сии отголь по всем концам земли;
Потом же таковы и к нам они дошли:
«Любови все сердца причастны.
И сами боги ей подвластны.
Познай ты, Душенька, любовь,
И счастье познаешь вновь».
Трикратно песня та пред Душенькой пропета,
И пели, наконец, царевне многа лета.
Потом одна из нимф явилась доложить,
Что время ей уже в постеле опочить
При слове «опочить» царевна покраснела
И, как невеста, оробела,
Однако спорить не хотела.
Раздета Душенька; ведут её в чертог,
И там, как надобно к покою от дорог,
Кладут её в постель на некоем престоле
И, поклонившись ей, уходят все отголе.
Не знаемо отколь, тогда явился вдруг
В невидимом лице неведомый супруг.
А если спросят, как невидимый явился, -
Нетрудно отвечать: явился он впотьмах
И был в объятиях, но не был он в очах;
Как дух или колдун он был, но не открылся <...>

Вопросы и задания к тексту:

1. Какое место занимает приведённый отрывок в поэме?
2. Охарактеризуйте главных героев произведения. Какое место занимают в системе персонажей античные божества?
3. Что вы можете сказать о стиле «Душеньки»?
4. Прочитайте краткое содержание поэмы В.И. Майкова.

В.И. Майков
Елисей, или Раздражённый Вакх (1771)

(краткое содержание)

Напротив Семёновских слобод стоит питейный дом «Звезда», находящийся под особой опекой и покровительством Вакха. Здесь же хранятся его ковш и колесница. Но злые и жадные откупщики, сверх меры возгордившись, повысили цены на спиртное, дабы сам Вакх плясал под их дудку. Он же, разъярённый тем, что из-за дороговизны вина, пива и мёда люди станут меньше пить, а он лишится своего «дражайшего наследства», собирается отомстить надменным откупщикам. Вакх отправляется в питейный дом и видит там среди прочих пьяниц жителя Ямской слободы молодого Елисея, кулачного бойца, буяна, картёжника и пьяницу, который сразу привлекает его внимание. Выпив пивную чашу анисовой, Елисей разбивает её об лоб чумака (т.е. кабатчика, содержателя питейного заведения), так что с полок падают ковши, бутылки и плошки, а между стойкой и окном ломается придел. Вакх с радостью наблюдает за подвигами дюжего молодца и хочет сделать его орудием своей мести.

На шум приходят объездной капрал с драгуном, выслушивают жалобу чумака и арестовывают Елисея, который не смеет ссориться с полицией. Обеспокоенный судьбой Елисея, Вакх на крылатых тиграх летит к своему отцу, Зевсу. Тот спит, допьяна упившись нектаром. Юнона, супруга Зевса, будит его, и Вакх, плача, спрашивает родителя, почему тот отдал вино в руки злых и жадных откупщиков, и напоминает ему про обещание, некогда данное Вакху: спойть всех на этом свете. Почему же теперь Зевс нарушает свой обет? Тот отвечает сыну, что получил прошение от Цереры: она жалуется на то, что крестьяне совсем спились и перестали заниматься земледелием. Вакх убеждает Зевса созвать всех богов на совет, чтобы рассудить их с Церерой, и просит отца помочь освободить Елисея из тюрьмы. Зевс призывает к себе Ермия (Гермеса),

велит ему собрать всех обитателей Олимпа, а после этого освободить Елисея.

Ночью Ермий под видом капрала пробирается в полицейскую тюрьму и безуспешно пытается разбудить пьяного Елисея, рядом с которым столь же крепким сном спит подвыпившая молодка в расстёгнутом платье. Тогда Ермий раздевает их обоих, переодевает девицу в одежду Елисея, а его – в женское платье, вылетает с бесчувственным Елисеем в окно и переносит его в Калинкин дом, где томятся под караулом распутные женщины.

Утром начальница будит своих подопечных и поручает каждой какую-нибудь работу. Елисей, очухавшись, думает, что каким-то чудом попал в женский монастырь, а суровую престарелую начальницу принимает за игуменью. Та сразу догадывается, что мнимая девица – самый что ни на есть добрый молодец. Воспылав к нему страстью, она уводит его к себе в покои и просит, чтобы юноша во всём открылся ей.

Тот подробно рассказывает ей историю своей жизни: до того как стать ямщиком в Питере, он с братом, женой и матушкой жил в Зимогорье. У зимогорцев с валдайцами вышла ссора из-за того, что они никак не могли провести границу между своими пастбищами. Дело дошло до кровавого побоища: брату Илюхе отгрызли ухо, а матушку, которая осталась дома и молилась, чтобы её дети вернулись живыми, от страха за них так прохватил понос, что она отдала Богу душу. Елисея же выслали в Питер и определили ямщиком на станции.

Выслушав историю Елисея, начальница предлагает ему делить с ней ложе и тогда у него ни в чём не будет недостатка. При этом она требует, чтобы он был осторожен и ни с кем из арестованных распутниц не разговаривал.

Тем временем по велению Зевса боги собираются на совет, чтобы рассудить спор между Вакхом и Церерой. Церера излагает причины своего недовольства пьянством пахарей. Вакх же оправдывается тем, что вино веселит сердце человека: даже самый несчастный, выпив чарку, забывает о своих бедах, а воин во хмелю становится храбрее. Зевс, выслушав Цереру и Вакха, изрекает следующее: он, Зевс, низложивший Троию ради того,

чтобы воздвигнуть Рим, собирается возвести на трон Премудрость. Она произведёт «полезнейший закон», который усмирит откупщиков, и тогда откупщики и пахари не будут мешать друг другу.

Начальница, отправив спать своих подопечных, наряжается и прихорашивается, надеясь с помощью белил и румян «возбудить к забавам» приглянувшегося ей Елисея. Тот не обманывает её ожиданий. Но уснуть им не удаётся: начальник стражи, уже немолодой человек, тайно влюблённый в начальницу, обходит дозором все комнаты и обнаруживает Елисея, который едва успевает надеть женское платье. Видя девицу, которая не числится у него в реестре, начальник стражи сердится и, несмотря на уговоры начальницы, велит взять неизвестную под арест.

Ермий, на этот раз принявший вид петиметра (т.е. щёголя, модника), снова выручает Елисея: он даёт ему шапку-невидимку, в которой тот снова проникает в комнату начальницы и проводит с ней остаток ночи в любовных утехах. Утром начальник стражи, обнаружив пропажу арестованной, наказывает сержанта, упустившего беглянку. Елисей живёт припеваючи, ни в чём не зная нужды, и услаждает старушку любовью, не снимая с себя шапки-невидимки. Однако через несколько месяцев Вакх внушает Елисею желание уйти из Калинкина дома, чтобы пострадать откупщиков. Однажды утром, когда начальница спит, Елисей в шапке-невидимке уходит, оставив у неё свои портки и камзол. Начальник стражи обнаруживает в её комнате мужскую одежду и собирается высечь старушку, но та ласковым обхождением добивается прощения.

Елисей идёт в Питер через лес и, утомившись, засыпает. Его будят крики какой-то женщины, которую преследуют два злодея. Елисей в шапке-невидимке избивает негодяев, они же не могут понять, в чём дело: поскольку каждый думает, что драку начал один из них, они начинают что есть силы тузить друг друга, пока оба не валятся без чувств. Женщина оказывается женой Елисея. Она рассказывает ему о своих приключениях: после того как Елисея разлучили с ней, она отправилась за ним в

Питер. Имея крайнюю нужду в деньгах, она устроилась работницей на кирпичный завод к одному немцу, но однажды ночью жена хозяина застала своего мужа у неё в постели и вспылала к ней такой лютой ненавистью, что ей пришлось уйти, претерпев от ревливой немки жестокие побои.

Жена Елисея попала в полицию, где переночевала, а утром обнаружила, что кто-то передел её в мужскую одежду. Когда её выпустили, она пошла жить к секретарю, который воровал казённые деньги. Но, опасаясь, что его разоблачат, он решил уехать, а ей пришлось снова искать себе место. Елисей не укоряет жену в том, что она не отличалась скромным поведением, и отправляет её в Ямскую слободу, чтобы она дожидалась его там.

Сам же Елисей остаётся в лесу. Здесь ему является Силен, который отводит его в дом богатого откупщика из раскольников. Елисей ищет винные погреба и заходит в баню, где старый откупщик парится с молодой женой. Елисей в шапке-невидимке устраивает в бане такой жар, что откупщик с женой убегают, не понимая, в чём дело. А Елисей парится в своё удовольствие, после чего приходит в палаты откупщика и прячется под его кроватью.

Начинается сильная гроза, и испуганный откупщик встаёт с кровати, чтобы зажечь свечу и помолиться Богу. Елисей же в своей шапке-невидимке ложится на его место и овладевает его спящей женой. Откупщик ложится в постель и замечает, что с его женой творится что-то неладное. Но Елисей успевает спрыгнуть с кровати. Обеспокоенный откупщик будит жену, и та рассказывает ему, что во сне ей померещилось, будто на ней кто-то возлежал. Откупщик думает, что в его доме завелись черти, и собирается позвать ворожею.

Елисей находит винный погреб, сбивает кулаком замки и пьёт в своё удовольствие. К откупщику приходит старуха ворожея и похвально перед ним: дескать, она мастерица на разную ворожбу и заговоры и легко может снять с любого пьяницы пристрастие к вину. Откупщика настораживает её последнее заявление, и он требует, чтобы она не отучала от вина, а, напротив, привораживала народ к спиртному. Та

отказывается, и он прогоняет её. Елисей же всё это время бражничает. Ему начинает казаться, что сам Вакх со своей свитой приходит ему на подмогу и они учиняют разгром в погребе, после чего отправляются опустошать погреба других откупщиков.

Зевс с Олимпа наблюдает за подвигами Елисея и решает созвать богов, чтобы те посоветовали ему, как поступить со столь дерзким и удалым пьяницей. Боги разделяются во мнении, но большинство из них хочет казнить Елисея. Зевс, выслушав их мнение, объявляет собранию, что нашёл верное решение. Он оповещает богов о том, что скоро у питейного дома «Рука» соберётся народ на кулачный бой. Там Елисей покажет чудеса молодецкой удали, после чего судьба его будет решена: из лихого кулачного бойца должен получиться отличный воин.

В назначенный день купцы с ящиками идут стенка на стенку, и Елисей в своей шапке-невидимке устраивает разгром в стане противника, но кто-то сбивает с него волшебную шапку, забияку хватают и забривают в солдаты.

Вопросы и задания к тексту:

1. Перескажите сюжет поэмы. Укажите завязку, развитие действия, кульминацию, развязку.
2. В чём заключается конфликт произведения?
3. Охарактеризуйте главных героев поэмы. Какое место занимают в системе персонажей античные божества?
4. Прочитайте отрывки из «Вакха».

(отрывки)

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пою стаканов звук, пою того героя,
Который, во хмелю беды ужасны строя,
В угодность Вакхову, среди многих кабаков,
Бивал и опивал ярыг и чумаков;
Ломал котлы, ковши, крючки, бутылки, плошки,

Терпели ту же часть кабацкие окошки,
От крепости его ужасныя руки
Тряслись подносчики и все откупщики,
Которы и тогда сих бед не ощущали,
Когда всех грабили, себя обогащали.
О муза! ты сего отнюдь не умолчи,
Повеждь или хотя с похмелья проворчи,
Коль попросту тебе сказать невозможно,
Повеждь: ты ведаешь вину сего не ложно,
За что пьянства бог на всех откупщиков,
Устроя таковой прехитростнейший ков,
Наслал богатыря сего не очень кстати
Любимую свою столицу разоряти.

А ты, о душечка, возлюбленный Скаррон!
Оставь роскошного Приапа пышный трон,
Оставь писателей кощунствующих шайку,
Приди, настрой ты мне гудок иль балалайку,
Чтоб я возмог тебе подобно загудить,
Бурлаками моих героев нарядить;
Чтоб Зевс мой был болтун, Ермий – шальной детина,
Нептун – как самая преглупая скотина,
И словом, чтоб мои богини и божки
Изнадорвали всех читателей кишки.

Против Семёновских слобод последней роты
Стоял воздвигнут дом с широкими ворота,
До коего с Тычка⁴ не близкая езда;
То был питейный дом названием «Звезда»,
В котором Вакхов ковш хранился с колесницей,
Сей дом был Вакховой назначен быть столицей;
Под особливим он его покровом цвел,
В нём старый сам Силен, раскиснувши, сидел;
Но злых откупщиков противно Вакху племя
Смутило к пьянству им назначенное время,

---

⁴ Кабак на Петербургской стороне.

Когда они на хмель лишь цену наднесли,
Ужасны из того беды произросли,
Вино со водкою соделались дороже,
И с пивом пенистым случилось само то же;
Дороже продавать и сладкий стали мёд.
Тогда откупщики, взгордясь числом побед,
На Вакха в гордости с презрением смотрели,
И мнят, что должен он плясать по их свирели.
Но Вакх против того иное размышлял.
«Иль мне оставить то? – с похмелья закричал. –
Какие из сего вперёд я вижу следства?
Лишусь я моего дражайшего наследства:
На водку, на вино цена уж прибыла,
Для пьяниц за алтын чарчоночка мала,
И если бы в таком случае несчастливом
Хотел бы пьяница какой напиток пивом?
К несчастью его, дороже и оно.
Не станет действовать ни пиво, ни вино.
Не большая ль теперь случилась мне обида,
Как нежели была Юноне от Парида?
Или я не могу повергнуть сих затей?..»
Уже он закричал: «Робята, дай плетей?»
Но вздумал, что сие бессмертным непристойно,
Хоть дело, по его, плетей сие достойно,
Но сан ему его дурить не позволял,
Он инако отмстить обиду помышлял,
И рёк: «Когда я мог ругавшуюся мною
Достойно наказать прегорду Алкиною,
Презревши некогда мой праздник, сам Пентей
Отведал и дубья, не только что плетей;
Не эдакие я безделки прежде строил
Над теми, кто меня в пьянстве беспокоил».
При сих речах его смутился пьяный зрак;
Он сел на роспуски, поехал на кабак,
Неукротиму месть имея в мыслях рьяных.
О стеночке лепясь, приходит в шайку пьяных.
Тогда был праздный день от всех мирских сует:

По улицам народ бродил лишь чуть был свет,
Вертелися мозги во лбах у пьяных с хмеля,
А именно была то сырная неделя.
Как мыши на крупу ползут из тёмных нор,
Так чернь валила вся в кабак с высоких гор,
Которы строило искусство, не природа,
Для утешения рабочего народа;
Там шли сапожники, портные и ткачи
И заражённые собою рифмачи,
Которые, стихи писавши, в нос свой дуют
И сочиненьями как лаптями торгуют;
Там много зрелось расквашенных носов,
Один был в синяках, другой без волосов,
А третий оттирал свои замерзлы губы,
Четвёртый исчислял, не все ль пропали зубы
От поражения сторонних кулаков.
Там множество сошлось различных дураков;
Меж прочими вошёл в кабак детина взрачный,
Картёжник, пьяница, буян, боец кулачный,
И словом, был краса тогда Ямской он всей,
Художеством ямщик, названьем Елисей;
Был смур на нем кафтан и шапка набекрене,
Волжанный кнут его болтался на колене,
Который пьяный дом лишь только посетил,
Как море пьяных шум мгновенно укротил;
Под воздухом простёр свой ход весёлый чистым,
Поехал, как Нептун, по вод верхам пенистым.
Прости, о муза! мне, что так я захотел
И два сии стиха неистово воспел;
Тебе я признаюсь, хотя в них смысла мало,
Да естество себя в них хитро изломало,
Чрез них-то, может быть, хвалу я получу,
Отныне так я петь стихи мои хочу;
Мне кажется, что я тебя не обижаю,
Когда я школьному напеву подражаю.
Но если их пером ты действуешь сама,
Не спятила ль и ты на старости с ума?

Ах! нет, я пред тобой грешу, любезна муза,
С невеждами отнюдь не ищешь ты союза,
Наперсники твои знакомы между нас;
Едино из них вмещает днесь Парнас,
Другие и теперь на свете обитают,
Которых жителями парнасскими считают⁵
Итак, полезнее мне, мнится, самому
Последовати их рассудку и уму.

Уже напрягнув я мои малейши силы
И следуя певцам, которые мне милы;
Достигну ли конца, иль пусть хотя споткнусь,
Я оным буду прав, что я люблю их вкус;
Кто ж будет хулить то, и тем я отпускаю;
И к повести своей я мысли обращаю.

Уж Вакх пьяного увидел ямщика,
В нём радость разлилась по сердцу, как река;
Уж мысленно себе успех свой предвещает;
К Силену обратясь, и так ему вещает:
«Не се ли вышняя судьбы теперь предел,
Что я уж то нашёл, чего искать хотел?
Детина оный дюж мне кажется по взору,
На нем созижду я надежды всей подпору,
Он кажется на то как будто и рождён,
Что будет всякий им ярыга побеждён
И он меня в моей печали не покинет,
Он всё то выпьет, что лишь глазом ни окинет.
Я весь оставлю страх, чем был я возмущён;
Уже я радуюсь, как будто отомщён:
Не ясно ли моя мне видится победа,
Когда возлюбленный мой пьян и до обеда?
И ежели тебя ещё смущает страх,
Возри, то у него всё видно на очах;
Ланиты то его являют мне зарделы,

---

⁵ Каков г. Сумароков и ему подобные.

Что, если попущу, превзойдет он пределы
И выпьет более вина, чем выпьешь ты».
Силен было сие почёл за пустоты;
Но сей пияница Силен в том уверил,
Что он его провор своим аршином мерил;
Он, за ворот схватя за стойкой чумака,
Вскричал: «Подай вина! иль дам я тумака.
Подай, иль я тебе нос до крови расквашу!»
При сём он указал рукой пивную чашу;
«В неё налей ты мне анисной за алтын
Или я подопру тобой кабацкий тын».
Чумак затрепетал при смерти очевидной,
А Вакх вскричал: «О мой питомец непостыдный!
Тобой я все мои напасти прекращу,
Тобой откупщикам я грозно отомщу.
Противу прать меня весь род их перестанет,
Как купно воевать со мной кулак твой станет.
Польются не ручьи здесь пива, но моря».
Вещает тако Вакх, отмщением горя <...>

Вопросы и задания к тексту:

1. Какое место занимает приведённый отрывок в поэме?
2. Охарактеризуйте главных героев произведения. Какое место занимают в системе персонажей античные божества?
3. Что вы можете сказать о стиле «Вакха»?
4. К какому литературному направлению относится поэма В.И. Майкова? Докажите.

Практическое занятие № 5 ***Поэтика прозы Н.М. Карамзина***

Задание:

1. Прочитайте краткое содержание «Писем...» Н. Карамзина.

Н. М. Карамзин **Письма русского путешественника (1792)**

(краткое содержание)

В предисловии ко второму изданию писем в 1793 г. автор обращает внимание читателей на то, что не решился внести изменения в манеру повествования – живых, искренних впечатлений неопытного молодого сердца, лишённых осторожности и разборчивости искущённого придворного или многоопытного профессора. Он начал своё путешествие в мае 1789 г.

В первом письме, отправленном из Твери, молодой человек рассказывает, что осуществлённая мечта о путешествии вызвала в его душе боль расставания со всем и всеми, что было дорого его сердцу, а вид удаляющейся Москвы заставлял его плакать.

Трудности, ожидающие путешественников в дороге, отвлекли героя от грустных переживаний. Уже в Петербурге выяснилось, что паспорт, полученный в Москве, не даёт права на морское путешествие, и повествователю пришлось менять свой маршрут и испытывать неудобства от бесконечных поломок кибиток, фур и возков.

Нарва, Паланга, Рига – дорожные впечатления заставили Путешественника назвать себя в письме из Мемеля «рыцарем весёлого образа». Заветной мечтой путешественника была встреча с Кантом, к которому он отправился в день своего прибытия в Кёнигсберг, и был принят без промедления и сердечно, несмотря на отсутствие рекомендаций. Молодой

человек нашёл, что у Канта «всё просто, кроме <...> его метафизики».

Довольно быстро добравшись до Берлина, юноша поспешил осмотреть Королевскую библиотеку и берлинский зверинец, упомянутые в описаниях города, сделанных Николаи, с которым вскоре встретился Путешественник.

Повествователь не упустил возможности побывать на представлении очередной мелодрамы Коцебу. В Сан-Суси он не преминул отметить, что увеселительный замок скорее характеризует короля Фридриха как философа, ценителя искусств и наук, чем как всевластного правителя.

Прибыв в Дрезден, Путешественник отправился осматривать картинную галерею. Он не только описал свои впечатления от прославленных полотен, но и присовокупил к письмам биографические сведения о художниках: Рафаэле, Корреджо, Веронезе, Пуссене, Джулио Романо, Тинторетто, Рубенсе и др. Дрезденская библиотека привлекла его внимание не только величиной книжного собрания, но и происхождением некоторых древностей. Бывший московский профессор Маттеи продал курфюрсту за полторы тысячи талеров список одной из трагедий Эврипида. «Спрашивается, где г. Маттеи достал сии рукописи?»

Из Дрездена герой решил отправиться в Лейпциг, подробно описав картины природы, открывающиеся обзору из окна почтовой кареты или длительных пеших прогулок. Лейпциг поразил его обилием книжных магазинов, что естественно для города, где трижды в год устраиваются книжные ярмарки. В Веймаре автор записок встретился с Гердером и Виландом, чьи литературные труды хорошо знал.

В окрестностях Франкфурта-на-Майне он не переставал удивляться красотой ландшафтов, напоминающих ему творения Сальватора Розы или Пуссена. Молодой Путешественник, иногда говорящий о себе в третьем лице, пересекает было французскую границу, но внезапно оказывается в другой стране, никак не объясняя в письмах причину изменения маршрута.

Швейцария – земля «свободы и благополучия» – началась для повествователя с города Базеля. Позднее, в

Цюрихе, юноша встречался неоднократно с Лафатером и присутствовал на его публичных выступлениях. Дальнейшие письма часто бывают помечены только указанием часа написания письма, а не обычной датой, как раньше. События, происходящие во Франции, обозначены весьма осторожно (например, упомянута случайная встреча с графом Д'Артуа со свитой, намеревавшимся отправиться в Италию).

Путешественник наслаждался прогулками по Альпийским горам, озёрам, посещал памятные места. Он рассуждает об особенностях образования и высказывает суждение о том, что в Лозанне следует изучать французский язык, а все другие предметы постигать в немецких университетах. Как и всякий начитанный путешественник, автор писем решил осмотреть окрестности Лозанны с томиком «Элоизы» Ж.-Ж. Руссо, чтобы сравнить свои личные впечатления от мест, где прославленный сентименталист поселил своих «романических любовников», с литературными описаниями.

Местом паломничества была и деревушка Ферней, где жил «славнейший из писателей нашего века» - Вольтер. С удовольствием отметил Путешественник, что на стене комнаты-спальни великого старца висит шитый по шёлку портрет российской императрицы с надписью по-французски: «Подарено Вольтеру автором».

Первого декабря 1789 г. повествователю исполнилось двадцать три года, и он с раннего утра отправился на берег Женевского озера, размышляя о смысле жизни и вспоминая своих друзей. Проведя несколько месяцев в Швейцарии, Путешественник отправился во Францию.

Первым французским городом на его пути был Лион. Автору писем всё было интересно – театр, парижане, застрявшие в городе и ожидающие отъезда в другие края, античные развалины. Старинные аркады и остатки римского водопровода заставили размышлять о том, как мало думают о прошлом и будущем его современники, не пытаются «садить дуб без надежды отдыхать в тени его». Здесь, в Лионе, он побывал на премьере новой трагедии Шенье «Карл IX» и

подробно описал реакцию зрителей, увидевших в спектакле нынешнее состояние Франции. Без этого, пишет молодой Путешественник, пьеса вряд ли могла бы произвести впечатление где бы то ни было.

Вскоре автор «Писем...» отправляется в Париж, пребывая в нетерпении перед встречей с великим городом. Он подробно описывает улицы, дома, людей. Предвосхищая вопросы заинтересованных друзей о Французской революции, замечает: «Не думайте, однако ж, чтобы вся нация участвовала в трагедии, которая играется ныне во Франции». Молодой Путешественник описывает свои впечатления от встречи с королевской семьёй, случайно увиденной им в церкви. Он не останавливается на подробностях, кроме одной, - фиолетовый цвет одежды (цвет траура, принятый при дворе). Его забавляет пьеса Бульи «Пётр Великий», сыгранная актёрами весьма старательно, но свидетельствующая о недостаточных познаниях как автора пьесы, так и оформителей спектакля в особенностях российской жизни. К рассуждениям о Петре Великом молодой человек обращается в своих письмах не один раз.

Ему довелось встретиться с господином Левеком, автором «Российской истории», что даёт ему повод порассуждать об исторических сочинениях и о необходимости подобного труда в России. Образцом для подражания ему представляются труды Тацита, Юма, Робертсона, Гиббона. Юноша сопоставляет Владимира с Людовиком XI, а царя Иоанна с Кромвелем. Самым большим недостатком исторического сочинения о России, вышедшего из-под пера Левека, автор произведения считает не столько отсутствие живости слога и бледность красок, сколько отношение к роли Петра Великого в русской истории.

Путь образования или просвещения, говорит он, для всех народов один, и, взяв за образец для подражания уже найденное другими народами, Пётр поступил разумно и дальновидно. «Избирать во всём лучшее – есть действие ума просвещённого, а Пётр Великий хотел просветить ум во всех отношениях». Письмо, помеченное маем 1790 г., содержит и другие интереснейшие размышления молодого автора. Он писал: «Всё

народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами».

В Париже Путешественник побывал, кажется, везде – театры, бульвары, Академии, кофейни, литературные салоны и частные дома. В Академии его заинтересовал «Лексикон французского языка», заслуживший похвалы за строгость и чистоту, но осуждённый за отсутствие должной полноты. Его заинтересовали правила проведения заседаний в Академии, учреждённой ещё кардиналом Ришелье. Условия принятия в Академию наук, деятельность Академии надписей и словесности, а также Академии живописи, ваяния, архитектуры.

Кофейни привлекли внимание повествователя возможностью для посетителей публично высказываться о новинках литературы или политики, собираясь в уютных местах, где можно увидеть и парижских знаменитостей, и обывателей, забредших послушать чтение стихов или прозы.

Автора «Писем...» интересует история Железной Маски, развлечения простолюдинов, устройство госпиталей или специальных школ. Его поразило, что глухие и немые ученики одной школы и слепые другой умеют читать, писать и судить не только о грамматике, географии или математике, но в состоянии размышлять и об отвлечённых материях. Особый выпуклый шрифт позволял слепым ученикам читать те же книги, что и их зрячим сверстникам.

Улицы Парижа напоминают автору исторические события, соотносимые с тем, что можно увидеть в современной Франции. Отсюда – рассуждения о Генрихе IV или Филиппе Красивом.

Красота Булонского леса и Версаля не оставила чувствительное сердце равнодушным, но наступает пора покинуть Париж и отправиться в Лондон – цель, намеченная ещё в России. «Париж и Лондон, два первых города в Европе, были двумя Фаросами моего путешествия, когда я сочинял план его». На пакетботе из Кале автор продолжает своё путешествие.

Уже самые первые английские впечатления автора свидетельствуют о давнишнем интересе к этой стране. Его

восхищает повсеместный порядок и «вид довольства, хотя не роскоши, но изобилия».

Первое знакомство с лучшей английской публикой состоялось в Вестминстерском аббатстве на ежегодном исполнении оратории Генделя «Мессия», где присутствовала и королевская семья. Людей других сословий молодой человек узнавал самым неожиданным образом. Его удивила гостиничная служанка, рассуждающая о героях Ричардсона и Филдинга и предпочитающая Ловеласа Грандисону.

Автор сразу же обратил внимание на то, что хорошо воспитанные англичане, обычно знающие французский язык, предпочитают изъясняться по-английски. «Какая разница с нами!» - восклицает автор, сожалея о том, что в нашем «хорошем обществе» нельзя обойтись без французского языка.

Он посетил лондонские суды и тюрьмы, вникая во все обстоятельства судопроизводства и содержания преступников. Отметил пользу суда присяжных, при котором жизнь человека зависит только от закона, а не от других людей.

Больница для умалишённых Бедлам заставила его задуматься о причинах безумия в нынешний век, безумия, которого не знали предшествующие эпохи. Физических причин безумия гораздо меньше, чем нравственных, и образ современной жизни способствует тому, что можно увидеть в свете и десятилетнюю, и шестидесятилетнюю Сафо.

Лондонский Тарр, госпиталь в Гринвиче для престарелых моряков, собрания квакеров или других христианских сект, собор Святого Павла, Виндзорский парк, Биржа и Королевское общество – всё привлекало внимание повествователя, хотя, по его собственному замечанию, «Лондон не имеет столько примечания достойных вещей, как Париж».

Путешественник останавливается на описании типажей (отмечая верность рисунков Хогарта) и нравов, особенно подробно останавливаясь на обычаях лондонских воров, имеющих свои клубы и таверны.

В английской семейной жизни автора произведения привлекает благонравие англичанок, для которых выход в свет или на концерт – это целое событие. Русское же высшее

общество стремится вечно быть в гостях или принимать гостей. Автор писем возлагает ответственность за нравы жён и дочерей на мужчин. Он подробно описывает необычный вид увеселения для лондонцев всех сословий – «Воксал».

Его рассуждения об английской литературе и театре весьма строги, и он пишет: «Ещё повторяю: у англичан один Шекспир! Все их новейшие трагики только хотят быть сильными, а в самом деле слабы духом».

Заключая своё путешествие по Англии, повествователь говорит: «Я и в другой раз приехал бы с удовольствием в Англию, но выеду из неё без сожаления».

Последнее письмо Путешественника написано в Кронштадте и полно предвкушения того, как будет он вспоминать пережитое, «грустить с моим сердцем и утешаться с друзьями!»

Вопросы и задания к тексту:

1. Какие страны и города посетил Путешественник?
2. Какие культурные мероприятия он увидел? С какими выдающимися деятелями познакомился?
3. Как характеризует повествователь каждую страну?
4. Какими личностными качествами обладает Путешественник?
5. Нанесите маршрут путешествия Н. Карамзина на современную карту Западной Европы. Какие города вы не обнаружили? Почему (они были переименованы или исчезли)?
6. Прочитайте отрывки «Путешествия...».

(отрывки)

<...> Тверь, 18 мая 1789

Расстался я с вами, милые, расстался! Сердце моё привязано к вам всеми нежнейшими своими чувствами, а я беспрестанно от вас удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! Кто знает: чего ты хочешь? – Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения? Не в восторге ли сказал я самому себе: наконец

ты поедешь? Не в радости ли просыпался всякое утро? Не с удовольствием ли засыпал, думая: ты поедешь? Сколько времени не мог ни о чём думать, ничем заниматься, кроме путешествия? Не считал ли дней и часов? Но – когда пришёл желаемый день, я стал грустить, вообразив в первый раз живо, что мне надлежало расстаться с любезнейшими для меня людьми в свете и со всем, что, так сказать, входило в состав нравственного бытия моего. На что ни смотрел – на стол, где несколько лет изливались на бумагу незрелые мысли и чувства мои, на окно, под которым сиживал я подгорюнившись в припадках своей меланхолии и где так часто заставало меня восходящее солнце, на готический дом, любезный предмет глаз моих в часы ночные, – одним словом, всё, что попадалось мне в глаза, было для меня драгоценным памятником прошедших лет моей жизни, не обильной делами, но зато мыслями и чувствами обильной.

С вещами бездушными прощался я, как с друзьями; и в самое то время, как был размягчён, растроган, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забыл их и взял опять к себе, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо в таком случае.

Но вы мне всегда любезнее, и с вами надлежало расстаться. Сердце моё так много чувствовало, что я говорить забывал. Но что вам сказывать! – Минута, в которую мы прощались, была такова, что тысячи приятных минут в будущем едва ли мне за неё заплатят.

Милый Птрв. провожал меня до заставы. Там обнялись мы с ним, и ещё в первый раз видел я слёзы его; там сел я в кибитку, взглянул на Москву, где оставалось для меня столько любезного, и сказал: прости! Колокольчик зазвенел, лошади помчались... и друг ваш осиротел в мире, осиротел в душе своей!

Всё прошедшее есть сон и тень: ах! где, где часы, в которые так хорошо бывало сердцу моему посреди вас, милые? – Если бы человеку, самому благополучному, вдруг открылось будущее, то замерло бы сердце его от ужаса и язык его онемел

бы в самую ту минуту, в которую он думал назвать себя счастливейшим из смертных!..

Во всю дорогу не приходило мне в голову ни одной радостной мысли; а на последней станции к Твери грусть моя так усилилась, что я в деревенском трактире, стоя перед карикатурами королевы французской и римского императора, хотел бы, как говорит Шекспир, выплакать сердце своё. Там-то всё оставленное мною явилось мне в таком трогательном виде. – Но полно, полно! Мне опять становится чрезмерно грустно. – Простите! Дай бог вам утешений. – Помните друга, но без всякого горестного чувства! <...>

Кенигсберг, июня 19, 1789

Вчера в семь часов утра приехал я сюда, любезные друзья мои, и стал вместе с своим спутником в трактире у Шенка.

Кенигсберг, столица Пруссии, есть один из больших городов в Европе, будучи в окружности около пятнадцати верст. Некогда был он в числе славных ганзейских городов. И ныне коммерция его довольно важна. Река Прегель, на которой он лежит, хотя не шире 150 или 160 футов, однако ж так глубока, что большие купеческие суда могут ходить по ней. Домов считается около 4000, а жителей 40 000 – как мало по величине города! Но теперь он кажется многолюдным, потому что множество людей собралось сюда на ярманку, которая начнётся с завтрашнего дня. Я видел довольно хороших домов, но не видал таких огромных, как в Москве или в Петербурге, хотя вообще Кенигсберг выстроен едва ли не лучше Москвы.

Здесьний гарнизон так многочислен, что везде попадаются в глаза мундиры. Не скажу, чтобы прусские солдаты были одеты лучше наших; а особливо не нравятся мне их двуугольные шляпы. Что принадлежит до офицеров, то они очень опрятны, а жалованья получают, выключая капитанов, малым чем более наших. Я слышал, будто в прусской службе нет таких молодых офицеров, как у нас; однако ж видел здесь по крайней мере десять пятнадцатилетних. Мундиры синие, голубые и зелёные с красными, белыми и оранжевыми отворотами.

Вчера обедал я за общим столом, где было старых майоров, толстых капитанов, осанистых поручиков, безбородых подпоручиков и прапорщиков человек с тридцать. Содержанием громких разговоров был прошедший смотр. Офицерские шутки также со всех сторон сыпались. Например: «Что за причина, господин ритмейстер, что у вас ныне и днем окна закрыты? Конечно, вы не письмом занимаетесь? Ха! ха! ха!» – «То-то, фон Кребс! Всё знает, что у меня делается!» – и проч. и проч. Однако ж они учтивы. Лишь только наша француженка показала, все встали и за обедом служили ей с великим усердием. – Как бы то ни было, только в другой раз рассудил я за благо обедать один в своей комнате, растворив окна в сад, откуда лились в мой немецкий суп ароматические испарения сочной зелени.

Вчера же после обеда был я у славного Канта, глубокомысленного, тонкого метафизика, который опровергает и Малекбранша и Лейбница, и Юма и Боннета, – Канта, которого иудейский Сократ, покойный Мендельзон, иначе не называл, как *der alles zermalmende Kant*, то есть всё сокрушающий Кант. Я не имел к нему писем, но смелость города берёт, – и мне отворились двери в кабинет его. Меня встретил маленький, худенький старичок, отменно белый и нежный. Первые слова мои были: «Я русский дворянин, люблю великих мужей и желаю изъявить моё почтение Канту». Он тотчас попросил меня сесть, говоря: «Я писал такое, что не может нравиться всем; не многие любят метафизические тонкости». С полчаса говорили мы о разных вещах: о путешествиях, о Китае, об открытии новых земель. Надобно было удивляться его историческим и географическим знаниям, которые, казалось, могли бы одни загромоздить магазин человеческой памяти; но это у него, как немцы говорят, дело постороннее. Потом я, не без скачка, обратил разговор на природу и нравственность человека; и вот что мог удержать в памяти из его рассуждений:

«Деятельность есть наше определение. Человек не может быть никогда совершенно доволен обладаемым и стремится всегда к приобретениям. Смерть застаёт нас на пути к чему-нибудь, что мы ещё иметь хотим. Дай человеку всё, чего желает, но он в ту же минуту почувствует, что это всё не есть всё. Не

видя цели или конца стремления нашего в здешней жизни, полагаем мы будущую, где узлу надобно развязаться. Сия мысль тем приятнее для человека, что здесь нет никакой соразмерности между радостями и горестями, между наслаждением и страданием. Я утешаюсь тем, что мне уже шестьдесят лет и что скоро придёт конец жизни моей, ибо надеюсь вступить в другую, лучшую. Помышляя о тех услаждениях, которые имел я в жизни, не чувствую теперь удовольствия, но, представляя себе те случаи, где действовал сообразно с законом нравственным, начертанным у меня в сердце, радуюсь. Говорю о нравственном законе: назовём его совестью, чувством добра и зла – но они есть. Я солгал, никто не знает лжи моей, но мне стыдно. – Вероятность не есть очевидность, когда мы говорим о будущей жизни; но, сообразив всё, рассудок велит нам верить ей. Да и что бы с нами было, когда бы мы, так сказать, глазами увидели её? Если бы она нам очень полюбилась, мы бы не могли уже заниматься нынешнею жизнью и были в беспрестанном томлении; а в противном случае не имели бы утешения сказать себе в горестях здешней жизни: авось там будет лучше! – Но, говоря о нашем определении, о жизни будущей и проч., предполагаем уже бытие Всевечного Творческого разума, все для чего-нибудь, и все благо творящего. Что? Как?.. Но здесь первый мудрец признаётся в своём невежестве. Здесь разум погашает светильник свой, и мы во тьме остаёмся; одна фантазия может носиться во тьме сей и творить несобытное». – Почтенный муж! Прости, если в сих строках обезобразил я мысли твои! Он знает Лафатера и переписывался с ним. «Лафатер весьма любезен по доброте своего сердца, – говорит он, – но, имея чрезмерно живое воображение, часто ослепляется мечтами, верит магнетизму и проч.» – Коснулись до его неприятелей. «Вы их узнаете, – сказал он, – и увидите, что они все добрые люди».

Он записал мне титулы двух своих сочинений, которых я не читал: «*Kritik der praktischen Vernunft*» и «*Metaphysik der Sitten*»⁶ – и сию записку буду хранить как священный памятник.

---

⁶ «Критика практического разума» и «Метафизика нравов» (нем.). – Ред.

Вписав в свою карманную книжку моё имя, пожелал он, чтобы решились все мои сомнения; потом мы с ним расстались.

Вот вам, друзья мои, краткое описание весьма любопытной для меня беседы, которая продолжалась около трёх часов. – Кант говорит скоро, весьма тихо и невразумительно; и потому надлежало мне слушать его с напряжением всех нерв слуха. Домик у него маленький, и внутри приборов немного. Все просто, кроме... его метафизики.

Здесьняя кафедральная церковь огромна. С великим примечанием рассматривал я там древнее оружие, латы и шишак благочестивейшего из маркграфов бранденбургских и храбрейшего из рыцарей своего времени. «Где вы, – думал я, – где вы, мрачные веки, веки варварства и героизма? Бледные тени ваши ужасают робкое просвещение наших дней. Одни сыны вдохновения дерзают вызывать их из бездны минувшего – подобно Улиссу, зовущему тени друзей из мрачных жилищ смерти, – чтобы в унылых песнях своих сохранять память чудесного изменения народов». – Я мечтал около часа, прислонясь к столбу. – На стене изображена маркграфова беременная супруга, которая, забывая своё состояние, бросается на колени и с сердечным усердием молит небо о сохранении жизни героя, идущего побеждать врагов. Жаль, что здесь искусство не соответствует трогательности предмета! – Там же видно множество разноцветных знамен, трофеев маркграфовых.

Француз, наёмный лакей, провожавший меня, уверял, что оттуда есть подземный ход за город, в старую церковь, до которой будет около двух миль, и показывал мне маленькую дверь с лестницею, которая ведёт под землю. Правда ли это или нет, не знаю: но знаю то, что в средние века на всякий случай прокапывали такие ходы, чтобы сохранять богатство и жизнь от руки сильного.

Вчера ввечеру простился я с своим товарищем, господином Ф*, которого приятели не забуду никогда. Не знаю, как ему, а мне грустно было с ним расставаться. Он с французенкой поехал в Берлин, где, может быть, ещё увижу его.

Ныне был я у нашего консула, господина И*, который принял меня ласково. Он рассказывал мне много кое-чего, что я с удовольствием слушал; и хотя уже давно живёт в немецком городе и весьма хорошо говорит по-немецки, однако же нимало не обгерманился и сохранил в целости русский характер. Он дал мне письмо к почтмейстеру, в котором просил его отвести мне лучшее место в почтовой коляске.

Вчера судьба познакомила меня с одним молодым французом, который называет себя искусным зубным лекарем. Узнав, что в трактир к Шенку приехали иностранцы, – ему сказали – французы, – явился он к господину Ф* с ношею комплиментов. Я тут был – и так мы познакомились. «В Париже есть мне равные в искусстве, – сказал он, – для того не хотел я там остаться, поехал в Берлин, перелечил, перечистил немецкие зубы; но я имел дело с великими скрягами, и для того – уехал из Берлина. Теперь еду в Варшаву. Польские господа, слышно, умеют ценить достоинства и таланты: попробуем, полечим, почистим! А там отправлюсь в Москву – в ваше отечество, государь мой, где, конечно, найду умных людей более нежели где-нибудь». – Ныне, когда я только что управился с своим обедом, пришёл он ко мне с бумагами и, сказав, что узнает людей с первого взгляду и что имеет уже ко мне полную уверенность, начал читать мне... трактат о зубной болезни.

Между тем как он читал, наёмный лакей пришёл сказать мне, что в другом трактире, обо двор, остановился русский курьер, капитан гвардии. «Allons le voir!»⁷ – сказал француз, спрятав в кармане свой трактат. Мы пошли вместе – и вместо капитана нашёл я вахмистра конной гвардии, господина***, молодого любезного человека, который едет в Копенгаген. Он ещё в первый раз послан курьером и не знает по-немецки, чему прусские офицеры, окружившие нас на крыльце, весьма дивились. В самом деле, неудобно ездить по чужим землям, зная только один французский язык, которым не все говорят. – В то время как мы разговаривали, один из стоявших на крыльце получил письмо из Берлина, в котором пишут к нему, что близ

---

⁷ Пойдёмте к нему! (франц.). – Ред.

сей столицы разбили почту, зарезали постиллиона и отняли несколько тысяч талеров: неприятная весть для тех, которые туда едут! – Я пожелал земляку своему счастливого пути.

В старинном замке, или во дворце, построенном на возвышении, осматривают путешественники цейхгауз и библиотеку, в которой вы найдёте несколько фолиантов и кварталов, окованных серебром. Там же есть так называемая Московская зала, длиною во 166 шагов, а шириною в 30, которой свод сведён без столбов и где показывают старинный осьмиугольный стол, ценою в 40 000 талеров. Для чего сия зала называется Московскою, не мог узнать. Один сказал, будто для того, что тут некогда сидели русские пленники; но это не очень вероятно.

Здесь есть изрядные сады, где можно с удовольствием прогуливаться. В больших городах весьма нужны народные гульбища. Ремесленник, художник, учёный отдыхает на чистом воздухе по окончании своей работы, не имея нужды идти за город. К тому же испарения садов освежают и чистят воздух, который в больших городах всегда бывает наполнен гнилыми частицами. Ярманка начинается. Все наряжаются в лучшее своё платье, и толпа за толпою встречается на улицах. Гостей принимают на крыльце, где подают чай и кофе.

Я уже отправил свой чемодан на почту. Едущие в публичной коляске могут иметь шестьдесят фунтов без платы; у меня менее шестидесяти.

Adieu!⁸ Земляк мой Габриель, который, говоря его словами, не нашёл ещё работы, пришёл сказать мне, что почтовая коляска скоро будет готова.

Я вас люблю так же, друзья мои, как и прежде; но разлука не так уже для меня горестна. Начинаю наслаждаться путешествием. Иногда, думая о вас, вздохну; но лёгкий ветерок струит воду, не возмущая светлости её. Таково, сердце человеческое; в сию минуту благодарю судьбу за то, что оно таково. – Будьте только благополучны, друзья мои, и никогда

---

⁸ Прощайте! (франц.). – Ред.

обо мне не беспокойтесь! В Берлине надеюсь получить от вас письмо <...>.

Берлин, июля 6

«Веди меня к Морицу», – сказал я ныне поутру наёмному своему лакею. – «А кто этот Мориц?» – «Кто? Филипп Мориц, автор, философ, педагог, психолог». – «Постойте, постойте! Вы мне много насказали; надобно поискать его в календаре под каким-нибудь одним именем. Итак (вынув из кармана книгу), итак, он философ, говорите вы? Посмотрим». – Простодушие сего доброго человека, который с важностью переворачивал листы в своём всезаключающем календаре и непременно хотел найти в нём роспись философов, заставило меня смеяться. «Посмотри его лучше между профессорами, – сказал я, – пока ещё число любителей мудрости неизвестно в Берлине». – «Карл Филипп Мориц, живет в***». – «Пойдём же к нему».

Я имел великое почтение к Морицу, прочитав его «Anton Reiser»⁹, весьма любопытную психологическую книгу, в которой описывает он собственные свои приключения, мысли, чувства и развитие душевных своих способностей. «Confessions de J.-J. Rousseau»¹⁰, «Stillings Jugendgeschichte»¹¹ и «Anton Reiser» предпочитаю я всем систематическим психологиям в свете.

Человеку с живым чувством и с любопытным духом трудно ужиться на одном месте; неограниченная деятельность души его требует всегда новых предметов, новой пищи. Таким образом, Мориц, накопив от профессорского дохода своего несколько луидоров, ездил в Англию, а потом в Италию собирать новью идеи и новые чувства. Подробное и, можно сказать, оригинальное описание первого путешествия его, которое издал он под титулом «Reisen eines Deutschen in England»¹² читал я с великим удовольствием. О путешествии его по Италии, откуда он недавно возвратился, немецкая публика еще ничего не знает.

---

⁹ «Антон Райзер» (нем.). – Ред.

¹⁰ «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо (франц.). – Ред.

¹¹ «История моей молодости» Штиллинга (нем.). – Ред.

¹² «Путешествие немца по Англии» (нем.). – Ред.

Я представлял себе Морица – не знаю, почему – стариком; но как же удивился, нашедши в нём ещё молодого человека лет в тридцать, с румяным и свежим лицом! – «Вы ещё так молоды, – сказал я, – а успели уже написать столько прекрасного!» Он улыбнулся. – Я пробыл у него час, в который мы перебрали довольно разных материй.

«Ничего нет приятнее, как путешествовать,- говорит Мориц. – Все идеи, которые мы получаем из книг, можно назвать мёртвыми в сравнении с идеями очевидца. – Кто хочет видеть просвещённый народ, который посредством своего трудолюбия дошёл до высочайшей степени утончения в жизни, тому надобно ехать в Англию; кто хочет иметь надлежащее понятие о древних, тот должен; видеть Италию». – Он спрашивал меня о нашем языке, о нашей литературе. Я должен был прочесть ему несколько стихов разной меры, которых гармония казалась ему довольно приятною. «Может быть, придёт такое время, – сказал он, – в которое мы будем учиться и русскому языку; но для этого надобно вам написать что-нибудь превосходное». Тут невольный вздох вылетел у меня из сердца. Всем новым языкам предпочитает он немецкий, говоря, что ни в котором из них нет столько значительных слов, как в сём последнем. Надобно сказать, что Мориц есть один из первых знатоков немецкого языка и что, может быть, никто ещё не разбирает его так философически, как он. Весьма любопытны небольшие его пиесы «Uber die Sprache in psychologischer Rucksicht»¹³, которые сообщает он в своём «Психологическом магазине». – «Нам должно всегда соединёнными силами искать истины, – говорит он, – она укрывается от уединённого искателя, и утомлённому философу часто призрак истины кажется истиною». Мориц в ссоре с Кампе, славным немецким педагогом, который в «Ведомостях» разобрал его за то, что он вышел из связи с ним и не захотел более печатать своих сочинений в его типографии. «Я хотел отвечать ему в таком же тоне, – сказал Мориц, – и написал было уже листа два; однако ж одумался, бросил в огонь написанное и хладнокровно

---

¹³ «О языке в психологическом отношении» (нем.). – Ред.

предложил публике своё оправдание». – «Странные вы люди! – думал я, – вам нельзя ужиться в мире. Нет почти ни одного известного автора в Германии, который бы с кем-нибудь не имел публичной ссоры; и публика читает с удовольствием бранные их сочинения!» – «Adieu, г. профессор!»

Я хотел было видеть Энгеля, сочинителя «Светского философа» и «Мимики»; но, к сожалению, не застал его дома. После обеда был на фарфоровой фабрике, которая по чистоте и твёрдости фарфора есть одна из первых в Европе. Мне показывали множество прекрасных вещей, в которых надобно удивляться искусству рук человеческих.

В театре представляли ныне Шредеру «Familien-gemahlde»¹⁴ – пиесу, которая не сделала во мне никакого приятного впечатления, может быть, оттого, что её худо играли, – и оперу «Два охотника». В последней ролю девки-молочницы играла та актриса, которая в «Дон-Карлосе» представляла королеву: какое превращение! Однако ж девку-молочницу играет она лучше, нежели королеву.

Берлин, июля 7

Нравственность здешних жителей прославлена отчасти с худой стороны. Господин Ц* называет Берлин Содомом и Гомором; однако ж Берлин еще не провалился, и небесный гнев не обращает его в пепел. В самом деле, г. Ц*, писав это, забыл, что во всех семьях бывают уроды и что по сим уродам нельзя заключать о всей семье. Мудрено и людям считаться между собою в добродетелях или пороках, а городам ещё мудренее. – Одним словом, если бы г. лейб-медик и кавалер был непристрастен; если бы некоторые люди в Берлине не зацепили его за живое, то бы он, конечно, не заговорил таким нефилософским, для космополита и филантропа оскорбительным языком.

Говорят, что в Берлине много распутных женщин; но если бы правительство не терпело их, то оказалось бы, может быть, более распутства в семействах – или надлежало бы выслать из Берлина тысячи солдат, множество холостых,

---

¹⁴ «Картины семейной жизни» (нем.). – Ред.

праздных людей, которые, конечно, не по Руссовой системе воспитаны и которые по своему состоянию не могут жениться.

Мне сказывали, что однажды ввечеру в зверинце развращенные берлинские вакханты, как фурии, бросились на одного несчастного Орфея, который уединенно гулял в темноте аллеи; отняли у него деньги, часы и сорвали бы с него самое платье, если бы подошедшие люди не принудили их разбежаться. Но когда бы рассказали мне и тысячу таких анекдотов, то я все не предал бы анафеме такого прекрасного города, как Берлин.

В похвалу берлинских граждан говорят, что они трудолюбивы и что самые богатые и знатные люди не расточают денег на суетную роскошь и соблюдают строгую экономию в столе, платье, экипаже и проч. Я видел старика Ф*, едущего верхом на такой лошади, на которой бы, может быть, и я постыдился ехать по городу, и в таком кафтане, который шит, конечно, в первой половине текущего столетия. Нынешний король живет пышнее своего предшественника; однако ж окружающие его держатся по большей части старины. – В публичных собраниях бывает много хорошо одетых молодых людей; в уборе дам виден вкус <...>.

Вопросы и задания к тексту:

1. Какие города и даты указаны на приведённых письмах Путешественника?
2. Какие культурные мероприятия он увидел за границей? С какими выдающимися деятелями познакомился?
3. Как характеризует повествователь местность, в которую попадает?
4. Какими личностными качествами обладает Путешественник? В чём они проявляются?
5. Какие особенности поэтики произведения позволяют отнести его к сентиментальному литературному направлению.
6. Прочитайте краткое содержание повести Н. Карамзина «Бедная Лиза».

Бедная Лиза (1792) *(краткое содержание)*

В окрестностях Москвы, недалеко от Симонова монастыря жила некогда юная девушка Лиза со своей старушкой матерью. После смерти Лизинога отца, довольно зажиточного поселянина, жена и дочь обеднели. Вдова день ото дня становилась слабее, и не могла работать. Одна Лиза, не щадя своей нежной молодости и редкой красоты, трудилась день и ночь – ткала холсты, вязала чулки, весной собирала цветы, а летом ягоды и продавала их в Москве.

Однажды весной, спустя два года после смерти отца, Лиза пришла в Москву с ландышами. Молодой, хорошо одетый человек встретился ей на улице. Узнав, что она продаёт цветы, он предложил ей рубль вместо пяти копеек, сказав, что «прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной девушки, стоят рубля». Но Лиза отказалась от предложенной суммы. Он не стал настаивать, однако сказал, что впредь всегда будет покупать у неё цветы и хотел бы, чтобы она рвала их только для него.

Придя домой, Лиза всё рассказала матушке, а на другой день нарвала самых лучших ландышей и снова пришла в город, но молодого человека на этот раз не встретила. Бросив цветы в реку, она с грустью в душе вернулась домой. На следующий день вечером незнакомец сам пришёл к её дому. Едва завидев его, Лиза кинулась к матушке и с волнением сообщила, кто к ним идёт. Старушка встретила гостя, и он показался ей очень любезным и приятным человеком. Эраст – так звали молодого человека – подтвердил, что собирается и в будущем покупать цветы у Лизы, и ей не обязательно ходить в город: он сам может заезжать к ним.

Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым от природы сердцем, но слабый и ветреный. Он вёл рассеянную жизнь, думал только о своём удовольствии, искал его в светских забавах, а не находя, скучал и жаловался на судьбу. Непорочная красота Лизы при первой встрече потрясла

его: ему казалось, что в ней он нашёл именно то, что давно искал.

Так было положено начало их долгим свиданиям. Каждый вечер они виделись или на берегу реки, или в берёзовой роще, или под тенью столетних дубов. Они обнимались, но объятия их были чисты и невинны.

Так прошло несколько недель. Казалось, ничто не могло помешать их счастью. Но однажды вечером Лиза пришла на свидание печальная. Оказалось, что за неё сватается жених, сын богатого крестьянина, и матушка хочет, чтобы она за него вышла. Эраст, утешая Лизу, говорил, что по смерти матери он возьмет её к себе и будет жить с ней неразлучно. Но Лиза напомнила юноше, что он никогда не сможет быть её мужем: она крестьянка, а он дворянского рода. Ты обижаешь меня, говорил Эраст, для твоего друга важнее всего твоя душа, чувствительная, невинная душа, ты будешь всегда ближайшая к моему сердцу. Лиза бросилась в его объятия – и в сей час надлежало погибнуть непорочности.

Заблуждение прошло в одну минуту, уступив место удивлению и страху. Лиза плакала, прощаясь с Эрастом.

Свидания их продолжались, но как всё переменялось! Лиза не была уже для Эраста ангелом непорочности; платоническая любовь уступила место чувствам, которыми он не мог «гордиться» и которые были для него не новы. Лиза заметила в нём перемену, и это её печалило.

Однажды во время свидания Эраст сообщил Лизе, что его призывают на службу в армию; им придётся ненадолго расстаться, однако он обещает её любить и надеется по возвращении никогда с нею не расставаться. Нетрудно вообразить себе, как тяжело переживала Лиза разлуку с любимым. Однако надежда не покидала её, и каждое утро она просыпалась с мыслью об Эрасте и об их счастье по его возвращении.

Так прошло около двух месяцев. Однажды Лиза пошла в Москву и на одной из больших улиц увидела Эраста, проезжающего мимо в великолепной карете, которая остановилась около огромного дома. Эраст вышел и хотел уже

идти на крыльцо, как вдруг почувствовал себя в Лизиних объятиях. Он побледнел, потом, не говоря ни слова, провел её в кабинет и запер дверь. Обстоятельства переменились, объявил он девушке, он помолвлен.

Прежде чем Лиза могла опомниться, он вывел её из кабинета и сказал слуге, чтобы тот проводил девушку со двора.

Очутившись на улице, Лиза пошла куда глаза глядят, не в силах поверить услышанному. Она вышла из города и долго брела, пока вдруг не очутилась на берегу глубокого пруда, под сенью древних дубов, которые за несколько недель перед этим были безмолвными свидетелями её восторгов. Это воспоминание потрясло Лизу, но через несколько минут она погрузилась в глубокую задумчивость. Увидев соседскую девочку, идущую по дороге, она кликнула её, вынула из кармана все деньги и отдала той, попросив передать матушке, поцеловать её и попросить простить бедную дочь. Тут она бросилась в воду, и спасти девушку уже не смогли.

Лизина мать, узнав о страшной смерти дочери, не выдержала удара и скончалась на месте. Эраст был до конца жизни несчастлив. Он не обманул Лизу, когда сказал ей, что едет в армию, но, вместо того чтобы сражаться с неприятелем, играл в карты и проиграл всё состояние. Жениться ему пришлось на пожилой богатой вдове, которая была в него давно влюблена. Узнав о Лизиной судьбе, он не мог утешиться и почитал себя убийцей. Теперь, может быть, они уже примирились.

Вопросы и задания к тексту:

1. Перескажите сюжет повести. Укажите завязку, развитие действия, кульминацию, развязку.
2. В чём конфликт произведения?
3. В какой местности происходят события?
4. Охарактеризуйте главных героев «Бедной Лизы».
5. Прочитайте отрывок из повести.

(отрывок)

<...> Но что же чувствовала она тогда, когда Эраст, обняв её в последний раз, в последний раз прижав к своему сердцу, сказал: «Прости, Лиза!..» Какая трогательная картина! Утренняя заря, как алое море, разливалась по восточному небу. Эраст стоял под ветвями высокого дуба, держа в объятиях свою бедную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь с ним, прощалась с душою своею. Вся натура пребывала в молчании.

Лиза рыдала – Эраст плакал – оставил её – она упала – стала на колени, подняла руки к небу и смотрела на Эраста, который удалялся – далее – далее и, наконец, скрылся – воссияло солнце, и Лиза, оставленная, бедная, лишилась чувств и памяти.

Она пришла в себя – и свет показался ей уныл и печален. Все приятности природы сокрылись для неё вместе с любезным её сердцу. «Ах! – думала она. Для чего я осталась в этой пустыне? Что удерживает меня лететь вслед за милым Эрастом? Война не страшна для меня; страшно там, где нет моего друга. С ним жить, с ним умереть хочу или смертью своею спасти его драгоценную жизнь. Постой, постой, любезный! Я лечу к тебе! «Уже хотела она бежать за Эрастом, но мысль: «У меня есть мать!» - остановила её. Лиза вздохнула и, преклонив голову, тихими шагами пошла к своей хижине. С сего часа дни её были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать от нежной матери: тем более страдало сердце её! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединяясь в густоту леса, могла свободно проливать слезы и стенать о разлуке с милым. Часто печальная горлица соединяла жалобный голос свой с её стенанием. Но иногда – хотя весьма редко – златой луч надежды, луч утешения освещал мрак её скорби. «Когда он возвратится ко мне, как я буду счастлива! Как всё переменится!» От сей мысли прояснялся взор её, розы на щеках освежались, и Лиза улыбалась, как майское утро после бурной ночи. Таким образом прошло около двух месяцев.

В один день Лиза должна была идти в Москву, затем чтобы купить розовой воды, которою мать её лечила глаза свои.

На одной из больших улиц встретила её великолепная карета, и в сей карете увидела она Эраста. «Ах!» - закричала Лиза и бросилась к нему, но карета проехала мимо и поворотила на двор. Эраст вышел и хотел уже идти на крыльцо огромного дома, как вдруг почувствовал себя в Лизиних объятиях. Он побледнел – потом, не отвечая ни слова на её восклицания, взял её за руку, привёл в свой кабинет, запер дверь и сказал ей: «Лиза! Обстоятельства переменялись; я помолвил жениться; ты должна оставить меня в покое и для собственного своего спокойствия забыть меня. Я любил тебя и теперь люблю, то есть желаю тебе всякого добра. Вот сто рублей – возьми их, - он положил ей деньги в карман, - позволь мне поцеловать тебя в последний раз – и пооди домой». Прежде нежели Лиза могла опомниться, он вывел её из кабинета и сказал слуге: «Проводи эту девушку со двора».

Сердце моё обливается кровью в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте – готов проклинать его – но язык мой не движется – смотрю на него, и слеза катится по лицу моему. Ах! Для чего пишу не роман, а печальную быль?

Итак, Эраст обманул Лизу, сказав ей, что он едет в армию? Нет, он в самом деле был в армии, но, вместо того чтобы сражаться с неприятелем, играл в карты и проиграл почти всё своё имение. Скоро заключили мир и Эраст возвратился в Москву, отягчённый долгами. Ему оставался один способ поправить свои обстоятельства – жениться на пожилой богатой вдове, которая давно была влюблена в него. Он решился на то и переехал жить к ней в дом, посвятив искренний вздох Лизе своей. Но всё сие может ли оправдать его?

Лиза очутилась на улице, и в таком положении, которого никакое перо описать не может. «Он, он выгнал меня? Он любит другую? Я погибла!» - вот её мысли, её чувства! Жестокий обморок перервал их на время. Одна добрая женщина, которая шла по улице, остановилась над Лизою, лежавшею на земле, и старалась привести её в память. Несчастная открыла глаза – встала с помощью сей доброй женщины – благодарила её и пошла, сама не зная куда. «Мне нельзя жить, - думала Лиза, - нельзя!.. О, если бы упало на меня небо! Если бы земля

поглотила бедную!.. Нет! Небо не падает; земля не колеблется! Горе мне!» Она вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями её восторгов. Сие воспоминание потрясло её душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице её. Но через несколько минут погрузилась она в некоторую задумчивость – осмотрелась вокруг себя, увидела дочь своего соседа (пятнадцатилетнюю девушку), идущую по дороге – кликнула её, вынула из кармана десять имперялов и, подавая ей, сказала: «Любезная Аня, любезная подружка! Отнеси эти деньги к матушке – они не краденые; скажи ей, что Лиза против неё виновата, что я таила от неё любовь свою к одному жестокому человеку, - к Э... На что знать его имя? – Скажи, что он изменил мне, - попроси, чтобы она меня простила, - бог будет её помощником, поцелуй у неё руку так, как я теперь твою целую, скажи, что бедная Лиза велела поцеловать её, - скажи, что я...» Тут она бросилась в воду. Аня закричала, заплакала, но не могла спасти её, побежала в деревню – собрались люди и вытащили Лизу, но она была уже мёртвая.

Таким образом скончала жизнь свою прекрасная душою и телом. Когда мы там, в новой жизни увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза! <...>

Вопросы к тексту:

1. Какое место занимает отрывок в произведении?
2. Как вы можете охарактеризовать героев и их мировоззренческие позиции?
3. Изменились ли отношения Эраста и Лизы? Почему?
4. В чём психологизм произведения? Как он проявляется в данном отрывке?

**История зарубежной литературы
XVII – XVIII вв.
Модуль № 1. История зарубежной
литературы XVII в.**

***Практическое занятие № 1
Французская классицистическая трагедия XVII в.***

Задание:

1. Прочитайте краткое содержание «Сиды» П. Корнеля.

**Пьер Корнель Сид (1636)
(краткое содержание)**

Воспитательница Эльвира приносит донье Химене приятное известие: из двух влюблённых в неё юных дворян – дон Родриго и дон Санчо – отец Химены граф Гормас желает иметь зятем первого; а именно дону Родриго отданы чувства и помыслы девушки.

В того же Родриго давно пылко влюблена подруга Химены, дочь Кастильского короля донья Уррака. Но она невольница своего высокого положения: долг велит ей сделать своим избранником только равного по рождению – короля или принца крови. Чтобы прекратить страдания, какие причиняет ей заведомо неутолимая страсть, инфанта делала всё, чтобы пламенная любовь связала Родриго и Химену. Старания её имели успех, и теперь донья Уррака ждёт дня свадьбы, после которого в сердце её должны угаснуть последние искры надежды, и она сможет воскреснуть духом.

Отцы Родриго и Химены – дон Диего и граф Гормас – славные гранды и верные слуги короля. Но если граф и теперь являет собой надёжнейшую опору кастильского престола, время великих подвигов дон Диего уже позади – в свои годы он

больше не может как прежде водить христианские полки в походы против неверных.

Когда перед королём Фердинандом встал вопрос о выборе наставника для сына, он отдал предпочтение умудрённому опытом дону Диего, чем невольно подверг испытанию дружбу двух вельмож. Граф Гормас счёл выбор государя несправедливым, дон Диего, напротив, вознёс хвалу мудрости монарха, безошибочно отмечающего человека наиболее достойного.

Слово за слово, и рассуждения о достоинствах одного и другого гранда переходят в спор, а затем и в ссору. Сыплются взаимные оскорбления, и в конце концов граф даёт дону Диего пощёчину; тот выхватывает шпагу. Противник без труда выбивает её из ослабевших рук дона Диего, однако не продолжает схватки, ибо для него, славного графа Гормаса, было бы величайшим позором заколоть дряхлого беззащитного старика.

Смертельное оскорбление, нанесённое дону Диего, может быть смыто только кровью обидчика. Он приказывает своему сыну вызвать графа на смертный бой.

Родриго в смятении – ведь ему предстоит поднять руку на отца возлюбленной. Любовь и сыновний долг отчаянно борются в его душе, но так или иначе, решает Родриго, даже жизнь с любимой женою будет для него нескончаемым позором, коли отец останется неотомщённым.

Король Фердинанд прогневан недостойным поступком графа Гормаса; он велит ему принести извинение дону Диего, но надменный вельможа, для которого честь превыше всего на свете, отказывается повиноваться государю. Графа Гормаса не страшат никакие угрозы, ибо он уверен, что без его непобедимого меча королю Кастилии не удержать свой скипетр.

Опечаленная донья Химена жалуется инфанте на тщеславие отцов, грозящее разрушить их с Родриго счастье, которое обоим казалось столь близким. Как бы дальше ни развивались события, ни один из возможных исходов не сулит ей добра: если в поединке погибнет Родриго, вместе с ним погибнет её счастье; если юноша возьмёт верх, союз с убийцей

отца станет для неё невозможным; ну, а если поединок не состоится, Родриго будет опозорен и утратит право зваться кастильским дворянином.

Донья Уррака в утешение Химене может предложить только одно: она прикажет Родриго состоять при своей персоне, а там, того и гляди, отцы при посредстве короля сами всё уладят. Но инфанта опоздала – граф Гормас и дон Родриго уже отправились на место, избранное ими для поединка.

Препятствие, возникшее на пути влюблённых, заставляет инфанту скорбеть, но в то же время и вызывает в её душе тайную радость. В сердце доньи Урраки снова поселяются надежда и сладостная тоска, она уже видит Родриго покорившим многие королевства и тем самым ставшим ей равным, а значит – по праву открытым её любви.

Тем временем король, возмущённый непокорностью графа Гормаса, велит взять его под стражу. Но приказ его не может быть исполнен, т.к. граф только что пал от руки юного дона Родриго. Едва весть об этом достигает дворца, как перед доном Фердинандом предстаёт рыдающая Химена и на коленях молит его о воздаянии убийце; таким воздаянием может быть только смерть. Дон Диего возражает, что победу в поединке чести никак нельзя приравнять к убийству. Король благосклонно выслушивает обоих и провозглашает своё решение: Родриго будет судим.

Родриго приходит в дом убитого им графа Гормаса, готовый предстать перед неумолимым судьёй, - Хименой. Встретившая его воспитательница Химены Эльвира напугана: ведь Химена может возвратиться домой не одна, и, если спутники увидят его у неё дома, на честь девушки падет тень. Послушав Эльвиру, Родриго прячется.

Химена приходит в сопровождении влюблённого в неё дона Санчо, который предлагает себя в качестве орудия возмездия убийце. Химена не соглашается с его предложением, полагаясь на праведный королевский суд.

Оставшись наедине с воспитательницей, Химена признаётся, что по-прежнему любит Родриго, не мыслит жизни без него; и, если долг её обречь убийцу отца на казнь, она

намерена, отомстив, сойти во гроб вслед за любимым. Родриго слышит эти слова и выходит из укрытия. Он протягивает Химене меч, которым был убит граф Гормас, и молит её своей рукой свершить над ним суд. Но Химена гонит Родриго прочь, обещая, что непременно сделает всё, чтобы убийца поплатился за содеянное жизнью, хотя в душе надеется, что ничего у неё не получится.

Дон Диего рад, что его сын, достойный наследник прославленных отвагой предков, смыл с него пятно позора. Что же до Химены, говорит он Родриго, то это только честь одна – возлюбленных же меняют. Но для Родриго невозможно ни изменить любви к Химене, ни соединить судьбу с возлюбленной; остаётся только призывать смерть. В ответ на такие речи дон Диего предлагает сыну вместо того, чтобы понапрасну искать гибели, возглавить отряд смельчаков и отразить войско мавров, тайно под покровом ночи на кораблях подошедшее к Севилье.

Вылазка отряда под предводительством Родриго приносит кастильцам блестящую победу – неверные бегут, двое мавританских царей пленены рукой юного военачальника. Все в столице превозносят Родриго, одна лишь Химена по-прежнему настаивает на том, что её траурный убор обличает в Родриго, каким бы отважным воином он ни был, злодея и вопиёт о мщении.

Инфанта, в чьей душе не гаснет, но, напротив, всё сильнее разгорается любовь к Родриго, уговаривает Химену отказаться от мести. Пусть она не может пойти с ним под венец, Родриго, оплот и щит Кастилии, должен и дальше служить своему государю. Но несмотря на то, что он чтим народом и любим ею, Химена должна исполнить свой долг – убийца умрёт.

Однако напрасно Химена надеется на королевский суд – Фердинанд безмерно восхищён подвигом Родриго. Даже королевской власти недостаточно, чтобы достойно отблагодарить храбреца, и Фердинанд решает воспользоваться подсказкой, которую дали ему пленённые цари мавров: в разговорах с королём они величали Родриго Сидом – господином, повелителем. Теперь Родриго будет зваться этим

именем, и уже одно только его имя станет приводить в трепет Гранаду и Толедо.

Несмотря на оказанные Родриго почести, Химена припадает к ногам государя и молит об отмщении. Фердинанд, подозревая, что девушка любит того, о чьей смерти просит, хочет проверить её чувства: с печальным видом он сообщает Химене, что Родриго скончался от ран. Химена смертельно бледнеет, но, как только узнает, что на самом деле Родриго жив, оправдывает свою слабость тем, что, мол, если бы убийца её отца погиб от рук мавров, это не смыло бы с неё позора; якобы она испугалась того, что теперь лишена возможности мстить. Если король простил Родриго, Химена объявляет, что тот, кто в поединке одолеет убийцу графа, станет её мужем. Дон Санчо, влюблённый в Химену, тут же вызывается сразиться с Родриго. Королю не слишком по душе, что жизнь вернейшего защитника престола подвергается опасности не на поле брани, однако он разрешает поединок, ставя при этом условие, что, кто бы ни вышел победителем, ему достанется рука Химены.

Родриго является к Химене проститься. Та недоумевает, неужели дон Санчо настолько силён, чтобы одолеть Родриго. Юноша отвечает, что он отправляется не на бой, но на казнь, чтобы своей кровью смыть пятно позора с чести Химены; он не дал себя убить в бою с маврами, т.к. сражался тогда за отечество и государя, теперь же – совсем другой случай.

Не желая смерти Родриго, Химена прибегает сначала к надуманному доводу – ему нельзя пасть от руки дон Санчо, ведь это повредит его славе, тогда как ей, Химене, отраднее сознавать, что отец её был убит одним из славнейших рыцарей Кастилии, - но в конце концов просит Родриго победить ради того, чтобы ей не идти замуж за нелюбимого.

В душе Химены растёт смятение: ей страшно подумать, что Родриго погибнет, а самой ей придётся стать женой дон Санчо, но и мысль о том, что будет, если поле боя останется за Родриго, не приносит ей облегчения.

Размышления Химены прерывает дон Санчо, который предстает перед ней с обнажённым мечом и заводит речь о только что завершившемся поединке. Но Химена не даёт ему

сказать и двух слов, полагая, что дон Санчо сейчас начнёт хвастаться своей победой. Поспешив к королю, она просит его смилостивиться и не вынуждать её идти к венцу с доном Санчо – пусть лучше победитель возьмет всё её добро, а сама она уйдёт в монастырь.

Напрасно Химена не дослушала дон Санчо; теперь она узнаёт, что, едва поединок начался, Родриго выбил меч из рук противника, но не пожелал убивать того, кто готов был на смерть ради Химены. Король провозглашает, что поединок, пусть краткий и не кровавый, смысл с неё пятно позора, и торжественно вручает Химене руку Родриго.

Химена больше не скрывает своей любви к Родриго, но все же и теперь не может стать женой убийцы своего отца. Тогда мудрый король Фердинанд, не желая чинить насилия над чувствами девушки, предлагает положиться на целебное свойство времени. Он назначает свадьбу через год. За это время затянется рана на душе Химены, Родриго же совершит немало подвигов во славу Кастилии и её короля.

Вопросы и задания к тексту:

1. Перескажите сюжет пьесы. Укажите завязку, развитие действия, кульминацию, развязку.
2. В чём интрига и конфликт произведения?
3. Назовите и охарактеризуйте главных героев «Сиды».
4. Прочитайте отрывок трагедии.

(отрывок)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дон Фернандо, первый король кастильский.

Донья Уррака, инфанта кастильская.

Дон Дьего, отец дон Родриго.

Дон Гомес, граф Гормас, отец Химены.

Дон Родриго, возлюбленный Химены.

Дон Санчо, влюбленный в Химену.

Дон Ариас, Дон Алонсо, кастильские дворяне.

Химена, дочь дон Гомеса.

Леонор, воспитательница инфанты.

Эльвира, воспитательница Химены.

Паж.

Инфанты.

Действие происходит в Севилье.

Действие третье, явление первое

Дон Родриго, Эльвира.

Эльвира.

Родриго, что с тобой? Зачем ты здесь, несчастный?

Дон Родриго.

Меня приводит путь моей судьбы ужасной.

Эльвира.

И ты являешься, гордыней опьянён,

Туда, где поселил отчаянье и стон?

Как? Даже здесь тебе не предстает укором

Тень графа?

Дон Родриго.

Жизнь его была моим позором;

Убить моей рукой приказывала честь.

Эльвира.

И здесь ты думаешь убежище обрести?

Приют – под кровлею убитого тобою?

Дон Родриго.

Я прихожу предстать перед моим судьёю.

Забудь смущение и отложи боязнь:

Казнив обидчика, я сам иду на казнь.

Судья – моя любовь, судья – моя Химена.

Снискать её вражду – ужасней, чем измена,

И я пришёл снискать, как утоление мук,

Свой суд из милых уст и смерть из милых рук.

Эльвира.

Беги от глаз её, беги от возмущенья;

Первоначального не искушай волненья;

Уйди и первые порывы пережди,

Которые сейчас кипят в её груди.

Дон Родриго.

Нет, нет, любимую подвигнув к неприязни,

Я без того уже заслуживаю казни;
И я бы избежал мученья ста смертей,
Удвоив гнев её, чтоб умереть скорей.

Эльвира.

Химена во дворце, в слезах тоски глубокой;
Ей не дадут домой вернуться одинокой.
Родриго, удались; сейчас сюда придут.
Что станут говорить, тебя увидев тут?
Вокруг её беды начнутся злые речи,
Что дочь убитого с убийцей терпит встречи.
Она уже идет, скорей, не будь упрям;
Помилуй честь её, Родриго, скройся там <...>.

Действие 3, явление 4

Дон Родриго.

Разя виновного, не домогайтесь казни,
Но сами жизнь его прервите без боязни.

Химена.

Эльвира, мыслимо ль? Нет сил перенести!
Родриго у меня! Родриго смел прийти!

Дон Родриго.

Пролейте кровь мою; вкусите наслажденья
И гибели моей, и вашего отмщенья.

Химена.

Ах!

Дон Родриго.

Выслушай меня.

Химена.

Нет сил!

Дон Родриго.

Единый миг...

Химена.

Нет, дай мне умереть!

Дон Родриго.

Лишь слово, сердца крик;
Потом ответь мечом, вручаемым любовью.

Химена.

Который весь ещё облит священной кровью!

Дон Родриго.

Химена...

Химена.

Убери чудовищный клинок!

В нём страшный для меня и гибельный упрёк.

Дон Родриго.

Смотри бестрепетно, чтобы с судьбой не спорить,

Чтобы разжечь свой гнев и мой конец ускорить.

Химена.

Ведь эта кровь – моя.

Дон Родриго.

Окрась его моей.

Ты истребишь последний след твоей.

Химена.

Жестокий человек, отца мечом разящий

И зрелищем меча дочь павшего казнящий!

Прочь, убери его, с ним я не вижу дня;

Ты просишь выслушать – и мучаешь меня.

Дон Родриго.

Я подчинюсь тебе, но мысли не покину

Принять из рук твоих желанную кончину;

Затем, что даже страсть не может мне велеть

О мной содеянном бесславно пожалеть.

Непоправимый миг, рождённый жарким спором,

Похитил честь отца, меня покрыл позором.

Позор пощёчины нельзя перенести;

Я тотчас должен был обидчика найти;

Я разыскал его, и кровь бесчестье смыла;

Я так бы сделал вновь, когда бы нужно было.

Но противу меня и моего отца

Мой пламень за тебя боролся до конца;

Суди, как он могуч: лишённый кровной чести,

Я мог раздумывать, свершать ли дело мести.

Колеблясь, что избрать – твой гнев или позор, -

Я думал, что мой меч, быть может, слишком скор,

Я обвинял себя в чрезмерном озлобленье;
И красота твоя взяла бы верх в боренье,
Когда б я не отверг призыва милых чар,
Сказав, что низок тот, кто может снести удар,
Что та, кто доблестным меня привыкла видеть,
Уничижённого должна возненавидеть,
Что, уступив любви всесильному огню,
Я малодушием твой выбор оскверню.
Я это вновь скажу; и, не тая страданья,
Я до последнего готов твердить дыханья:
Обречь тебя тоске я должен был, любя,
Чтоб смыть с себя позор и заслужить тебя.
Но, заплатив сполна мой долг отцу и чести,
Я должен в свой черед стать жертвой правой мести:
Я здесь, и я тебе мою вручаю кровь.
Я выполнил свой долг и выполняю вновь.
Ты мёртвого отца должна ответить кличу,
И я бы не посмел отнять твою добычу:
В крови убитого да будет распростёрт
Тот, кто её пролил и этой мезтью горд.

Химена.

Увы, хотя вражда нас развела далёко,
Родриго, я к тебе не обращаю упрека;
И, дань страдания платя моей судьбе,
Тебя я не виню, я плачу о себе.
Я знаю хорошо, что, если честь задета,
Бесстрашье требует достойного ответа;
То, что ты выполнил, был только долг прямой;
Но, выполнив его, ты мне открыл и мой.
Победа мрачная была твоя по праву:
Отмщая за отца, свою соблюл ты славу;
И я свой трудный долг исполню до конца:
Я славу соблюду, отмщая за отца.
Как я мучительно испытана судьбою!
Когда бы мой отец сражён был не тобою,
То в близости твоей я бы могла найти
Опору верную на горестном пути,

И я бы злой тоски не чувствовала жала,
Когда б твоя рука мне слёзы осушала.
Но я, лишась отца, лишаюсь и тебя,
Во имя гордости любимого губя;
И долга страшного убийственного сила
На гибель милого меня вооружила.
Затем, что даже страсть не может мне велеть
Пред казнию твоей бесславно оробеть.
Хоть нежность за тебя восстать ещё готова,
Я быть должна, как ты, бесстрашна и сурова:
Достойному меня долг повелел отмстить;
Достойная тебя должна убить.

Дон Родриго.

Тогда не медли же свершить веленье чести:
Я голову мою твоей вручаю мести;
Да будет суд её безжалостен и скор;
Отраден твой удар, отраден приговор.
Призвать к возмездию неспешную расправу –
Замедлит казнь мою, твою замедлит славу.
Счастливой смерти миг своей рукой означь.

Химена.

Я обвинитель твой, но я не твой палач.
Ты клонишь голову, но мне ль её касаться?
Я обличать должна, ты должен защищаться;
Я казни требую, убийцу я виню,
Но я с тобой сужусь, а не сама казню.

Дон Родриго.

Хоть нежность за меня восстать ещё готова,
Ты быть должна, как я, бесстрашна и сурова;
А в отомщении заёмною рукой
Суровости, поверь, не будет никакой;
Моя рука одна была защитой чести,
Твоя рука одна да служит делу мести.

Химена.

Жестокий! Не терзай отмщающую дочь!
Ты мстил без помощи – и хочешь мне помочь!
Я поступлю, как ты, и в этой тяжбе правой

Не намерена с тобой делиться славой
И в помощь не зову, мстя за родную кровь,
Твоё отчаянье или твою любовь.

Дон Родриго.

О, непреклонный дух! Ужели все старанья
Бессильны для меня добиться состраданья?
Во имя ли отца, во имя ли любви
Отмсти иль пожалей, но жизнь мою прерви!
Пасть от твоей руки мне будет меньшей казнью,
Чем жить, казнимому твоею неприязнью.

Химена.

Ах, нет её во мне!

Дон Родриго.

Найди!

Химена.

Я не могу.

Дон Родриго.

Что скажут о тебе, прощающей врагу?
На преступление ответствуя любовью,
Какие поводы ты подаёшь злословью!
Заставь его молчать и, честь свою храня,
Не медли долее и умертви меня. <...>

(Пер. М. Лозинского).

Вопросы и задания к тексту:

1. Какое место в пьесе занимает приведённый отрывок?
2. Как в нём отражается конфликт трагедии?
3. Какими качествами наделены герои? Как они проявляются в их речи?
4. Какие чувства они испытывают друг к другу?
5. В чём состоит психологизм эпизода?
6. Прочитайте краткое содержание пьесы Ж. Расина «Федра».

Ж. Расин Федра (1677) *(краткое содержание)*

Ипполит, сын афинского царя Тесея, отправляется на поиски отца, который где-то странствует уже полгода. Ипполит – сын амазонки. Новая жена Тесея Федра невзлюбила его, как все считают, и он хочет уехать из Афин. Федра же больна непонятной болезнью и «жаждет умереть». Она говорит о своих страданиях, которые ей послали боги, о том, что вокруг неё заговор и её «решили извести». Судьба и гнев богов возбудили в ней какое-то греховное чувство, которое ужасает её саму и о котором она боится сказать открыто. Она прилагает все усилия, чтобы превозмочь тёмную страсть, но тщетно. Федра думает о смерти и ждет её, не желая никому открыть свою тайну.

Кормилица Энона опасается, что у царицы мутится разум, т.к. Федра сама не знает, что говорит. Энона упрекает её в том, что Федра хочет оскорбить богов, прервав своей «жизни нить», и призывает царицу подумать о будущем собственных детей, о том, что у них быстро отнимет власть рождённый амазонкой «надменный Ипполит». В ответ Федра заявляет, что её «греховная жизнь и так уж слишком длится, однако её грех не в поступках, во всём виновато сердце – в нём причина муки. Однако в чём её грех, Федра сказать отказывается и хочет унести свою тайну в могилу. Но не выдерживает и признаётся Эноне, что любит Ипполита. Та в ужасе. Едва Федра стала женой Тесея и увидела Ипполита, как «то пламень, то озноб» её терзают тело. Это «огонь всевластный Афродиты», богини любви. Федра пыталась умиловить богиню: «ей воздвигла храм, украсила его», приносила жертвы, но бесполезно, не помогли ни фимиам, ни кровь. Тогда Федра стала избегать Ипполита и разыгрывать роль злобной мачехи, заставив сына покинуть дом отца.

Служанка Панопа сообщает, что получено известие, будто супруг Федры Тесей умер. Поэтому Афины волнуются – кому быть царём: сыну Федры или сыну Тесея Ипполиту, рождённому пленной амазонкой? Энона напоминает Федре, что

на неё теперь ложится бремя власти и она не имеет права умирать, так как тогда её сын погибнет.

Арикия, царевна из афинского царского рода Паллантов, которых Тесей лишил власти, узнаёт о его смерти. Она обеспокоена своей судьбой. Тесей держал её пленницей во дворце в городе Трезене. Ипполит избран правителем Трезена и Йемена, наперсница Арикии полагает, что он освободит царевну, так как Ипполит к ней неравнодушен. Арикию же пленило в Ипполите душевное благородство. Храня с прославленным отцом «в высоком сходство, не унаследовал он низких черт отца». Тесей же печально прославился тем, что соблазнял многих женщин.

Ипполит приходит к Арикии и объявляет ей, что отменяет указ отца о её пленении и даёт ей свободу. Афинам нужен царь и народ выдвигает трёх кандидатов: Ипполита, Арикию и сына Федры. Однако Ипполит, согласно древнему закону, если он не рождён эллинкой, не может владеть афинским тронем. Арикия же принадлежит к древнему афинскому роду и имеет все права на власть. А сын Федры будет царём Крита – так решает Ипполит, оставаясь правителем Трезена. Он решает ехать в Афины, чтобы убедить народ в праве Арикии на трон. Арикия не может поверить, что сын её врага отдаёт ей трон. Ипполит отвечает, что никогда раньше не знал, что такое любовь, но когда увидел её, то «смирился и надел любовные оковы». Он всё время думает о царевне.

Федра, встретясь с Ипполитом, говорит, что боится его: теперь, когда Тесея нет, он может обрушить свой гнев на неё и её сына, мстя за то, что его изгнали из Афин. Ипполит возмущён – так низко поступить он бы не смог. Кроме того, слух о смерти Тесея может быть ложным. Федра, не в силах совладать со своим чувством, говорит, что если бы Ипполит был старше, когда Тесей приехал на Крит, то он тоже мог бы совершить такие же подвиги – убить Минотавра и стать героем, а она, как Ариадна, дала бы ему нить, чтобы не заблудиться в Лабиринте, и связала бы свою судьбу с ним. Ипполит в недоумении, ему кажется, что Федра грезит наяву, принимая его за Тесея. Федра переиначивает его слова и говорит, что любит не старого Тесея,

а молодого, как Ипполит: любит его, Ипполита, но не видит в том своей вины, так как не властна над собой. Она жертва божественного гнева, это боги послали ей любовь, которая её мучает. Федра просит Ипполита покарать её за преступную страсть и достать меч из ножен. Ипполит в ужасе бежит, о страшной тайне не должен знать никто, даже его наставник Терамен.

Из Афин является посланец, чтобы вручить Федре бразды правления. Но царица не хочет власти, почести ей не нужны. Она не может управлять страной, когда её собственный ум ей не подвластен, когда она не властна над своими чувствами. Она уже раскрыла свою тайну Ипполиту, и в ней пробудилась надежда на ответное чувство. Ипполит по матери скиф, говорит Энона, дикарство у него в крови. Однако Федра хочет в «диком, как лес» Ипполите разбудить любовь, ему ещё никто не говорил о нежности. Федра просит Энону сказать Ипполиту, что она передаёт ему всю власть и готова отдать свою любовь.

Энона возвращается с известием, что Тесей жив и скоро будет во дворце. Федру охватывает ужас, она боится, что Ипполит выдаст её тайну и разоблачит её обман перед отцом, скажет, что мачеха бесчестит царский трон. Она думает о смерти как о спасении, но боится за судьбу детей. Энона предлагает защитить Федру от бесчестья и оклеветать Ипполита перед отцом, сказав, что он возжелал Федру. Она берётся все устроить сама, чтобы спасти честь госпожи «совести наперекор своей», т.к. «чтоб честь была... без пятнышка для всех, и добродетелью пожертвовать не грех».

Федра встречается с Тесеем и заявляет ему, что он оскорблён, что она не стоит его любви и нежности. Тот в недоумении спрашивает Ипполита, но сын отвечает, что тайну открыть ему может его жена. А он сам хочет уехать, чтобы совершить такие же подвиги, как и его отец. Тесей удивлён и разгневан: вернувшись к себе домой, он застаёт родных в смятении и тревоге. Он чувствует, что от него скрывают что-то страшное.

Энона оклеветала Ипполита, а Тесей поверил, вспомнив, как был бледен, смущен и уклончив сын в разговоре с ним. Он прогоняет Ипполита и просит бога моря Посейдона, который обещал ему исполнить его первую волю, наказать сына, Ипполит настолько поражен тем, что Федра винит его в преступной страсти, что не находит слов для оправдания – у него «окостенел язык». Хотя он и признаётся, что любит Арикию, отец ему не верит.

Федра пытается уговорить Тесея не причинять вреда сыну. Когда же он сообщает ей, что Ипполит будто бы влюблен в Арикию, то Федра потрясена и оскорблена тем, что у неё оказалась соперница. Она не предполагала, что кто-то ещё сможет пробудить любовь в Ипполите. Царица видит единственный выход для себя – умереть. Она проклиная Энону за то, что та очернила Ипполита.

Тем временем Ипполит и Арикия решают бежать из страны вместе.

Тесей пытается уверить Арикию, что Ипполит – лжец и она напрасно послушала его. Арикия отвечает ему, что царь снёс головы многим чудовищам, но «судьба спасла от грозного Тесея одно чудовище» - это прямой намёк на Федру и её страсть к Ипполиту. Тесей намёка не понимает, но начинает сомневаться, всё ли он узнал. Он хочет ещё раз допросить Энону, но узнаёт, что царица прогнала её и та бросилась в море. Сама же Федра мечется в безумии. Тесей приказывает позвать сына и молит Посейдона, чтобы тот не исполнял его желание.

Однако уже поздно. Терамен приносит страшную весть о том, что Ипполит погиб. Он ехал на колеснице по берегу, как вдруг из моря появилось невиданное чудовище, «зверь с мордою быка, лобастой и рогатой, и с телом, чешуёй покрытым желтоватой». Все бросились бежать, а Ипполит метнул в чудовище копьё и пробил чешую. Дракон упал под ноги коням, и те от страха понесли. Ипполит не смог их удержать, они мчались без дороги, по скалам. Вдруг сломалась ось колесницы, царевич запутался в вожжах, и кони поволокли его по земле, усеянной камнями. Он умер на руках Терамена. Перед смертью Ипполит сказал, что отец напрасно возвёл на него обвинение.

Тесей в ужасе, он винит Федру в смерти сына. Та признаёт, что Ипполит был невинен, что это она была «по воле высших сил зажжена кровосмесительной неодолимой страстью», а Энона, спасая её честь, оклеветала Ипполита. Федра, сняв с невинного подозрения, кончает свои земные мучения, приняв яд.

Вопросы и задания к тексту:

1. Перескажите сюжет пьесы. Укажите завязку, развитие действия, кульминацию, развязку.
2. В чём интрига и конфликт произведения?
3. Назовите и охарактеризуйте главных героев «Федры».
4. Прочитайте отрывок трагедии.

(отрывок)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Тесей, сын Эгея, царь афинский.
Федра, его жена, дочь Миноса и Пасифаи.
Ипполит, сын Тесея и Антиопы, царицы амазонок.
Арикия, царевна из афинского царского рода.
Терамен, наставник Ипполита.
Энона, кормилица и наперсница Федры.
Исмена, наперсница Арикии.
Панопа, прислужница Федры.
Стража.

Действие происходит в пелопоннесском городе Трезене.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Федра, Энона.

Федра.

Я здесь остановлюсь, Энона, на пороге,
Я обессилела. Меня не держат ноги.
И света яркого не вынести глазам.

Увы!...

Энона.

Бессмертные! Ужель к людским слезам
Вы равнодушны? Нет в вас жалости нимало?

Федра.

О, эти обручи! О, эти покрывала!
Как тяжелы они! Кто, в прилежанье злом,
Собрал мне волосы, их завязал узлом
И это тяжкое, неслыханное бремя
Недрогнувшей рукой мне возложил на темя?
Здесь заговор! Меня решили извести!

Энона (*в сторону*)

Мутится ум её.

(*Федре*).

Но, госпожа, прости,

Себя велела ты одеть и – через силу –

Пошла отдать привет небесному светилу.

Вот солнце! Вспомни же – стремилась ты к нему.

А увидав его, вновь прячешься во тьму?

Федра.

О лучезарное, державное светило,

Чьей дочерью себя надменно объявила

Мать Феды! За меня краснеешь ты сейчас?

Увы, я на тебя гляжу в последний раз.

Энона.

Как! Не оставила ты устремленья злого?

От жизни отвратясь, всё снова ты и снова

Пророчествуешь мне о гибели своей?

Федра.

О, быть бы там, в лесу, следя из-за ветвей,

Как по ристалищу несётся колесница,

Вздымая лёгкий прах...

Энона.

Что? Ты о чём, царица?

Федра.

Безумная! О чём я говорю? Где я?

Где разум мой? Куда умчалась мысль моя?

Зачем, бессмертные, вы к Федре так жестоки?
Смотри, Энона, – стыд мой румянит щёки:
Тебе открылся мой мучительный позор,
И слёзы пеленой мне застилают взор.

Энона.

Уж если от стыда краснеешь ты, царица, –
Лишь скрытности своей могла бы ты стыдиться.
Напрасны наши все заботы, все мольбы:
Отвергнув их, ты ждёшь конца своей судьбы.
Но что тебе грозит? Хотела бы понять я,
Что сушит жизнь твою? Отравы? Иль заклятье?
Уж трижды небосвод во мгле вечерней гас,
Но сон не освежал твоих усталых глаз;
Уж трижды видел мир дня нового начало,
Но с непреклонностью ты пищу отвергала.
Ты жизни собственной прервать решила нить?
Богов-зигждителей ты хочешь оскорбить?
Предательски обет нарушить хочешь брачный?
Подумай наконец о будущности мрачной
Твоих детей. Кому доверишь ты сирот?
Тому, кто случая давно такого ждёт,
Чтобы отнять права у твоего ребёнка.
Тому, кого тебе на горе Амазонка
На свет произвела! И твой заклятый враг,
Надменный Ипполит...

Федра.

О боги!

Энона.

Ах, вот как!

Задела я тебя упрёками своими?

Федра.

Несчастливая! Ты чьё назвать посмела имя?

Энона.

Я вижу, госпожа прогневалась? Ну что ж,
Пусть имя недруга тебя бросает в дрожь.
Быть может, этот гнев вернёт царицу к жизни.
Живи! Ты жить должна, чтоб трон в своей отчизне

Наследовал твой сын. Ты жить должна! Живи
Во славу прав своих, и долга, и любви!
Живи, чтоб скифское отродье без пощады
Не растоптало цвет и гордость всей Эллады!
Но дорог каждый миг. Надеждой вдохновись!
И тлеющий костер огнём взметнётся ввысь!

Федра.

Нет, жизнь греховная и так уж слишком длится.

Энона.

Как! Угрызения томят тебя, царица?

Какая же, скажи, гнетёт тебя вина?

Нет на твоих руках кровавого пятна.

Федра.

Я преступлением не запятнала руки.

Но сердце... сердце... В нем причина этой муки!

Энона.

Какой же замысел вынашиваешь ты,

Что сердцу мочи нет от смертной маеты?

Федра.

И так я многое сказала – через силу.

Я умереть должна, чтоб тайну взять в могилу.

Энона.

Ну что же, умирай, молчание храня.

Но правду ты должна услышать от меня:

Тебе своей рукой глаза я не закрою.

Опередив тебя, поспешною стопою

Сойду я в мир теней, – ведь там не заперт вход,

И скорбь моя туда кратчайший путь найдёт.

Иль ты боишься мне довериться? Ужели?

Подумай: я тебя качала в колыбели,

Отчизну кинула из-за тебя, детей –

И сомневаешься ты в верности моей?

Федра.

Признание у меня ты вымогаешь страстно,

Но тайной овладеть страшись: она ужасна!

Энона.

Пусть! Самый для меня невыносимый страх,

Что можешь умереть ты на моих глазах.

Федра.

И даже уступив расспросам столь упорным,
Я все равно умру – умру с пятном позорным.

Энона.

Как умолить тебя? Скажи мне, госпожа!
Ослепшая от слез, от ужаса дрожа,
Целую я твои ослабшие колени.
Избавь рассудок мой от тяжких подозрений!

Федра.

Встань!

Энона.

Не страшись! Ведь мы с тобой наедине.

Федра.

Что ей скажу? С чего начну?

Энона.

Доверься мне!

Федра.

О, рок! О, ненависть жестокой Афродиты!...
Вовеки на земле не будут позабыты
Безумства, к коим страсть мою толкнула мать.

Энона.

Царица, замолчи! Не будем вспоминать.

Федра.

Обманута своей любовью безоглядной
Была моя сестра. Что случилось с Ариадной?...

Энона.

О госпожа! Зачем ведёшь ты скорбный счёт?
Зачем ты принялась порочить весь твой род?

Федра.

Несчастный этот род богиней проклят гневной.
Последняя в роду, судьбой своей плачевной
Всем показать должна я Афродиты власть.

Энона.

Ты любишь?

Федра.

Лютая меня терзает страсть!

Энона.

К кому?

Федра.

Узнаешь всё. Дрожа и негодуя,
Услышишь ты... Люблю... Не вымолвить... Люблю я...

Энона.

Кто он?

Федра.

Он – тот, чей был так нестерпим мне вид, -
Сын Амазонки...

Энона.

Как!... О боги! Ипполит?

Федра.

Ты имя назвала.

Энона.

Ужель! О, стыд! О, горе!
О, род, погрязнувший в злосчастье и позоре!
Зачем, зачем мы здесь? Не надо было нам
И близко подплывать к зловещим берегам!

Федра.

Давно уже больна ужасным я недугом.
Давно... Едва лишь стал Тесей моим супругом
И жизнь открылась мне, исполненная благ,
В Афинах предо мной предстал мой гордый враг.
Я, глядя на него, краснела и бледнела,
То пламень, то озноб моё терзали тело,
Покинули меня и зрение и слух,
В смятенье тягостном затрепетал мой дух.
Узнала тотчас я зловещий жар, разлитый
В моей крови, – огонь всевластной Афродиты.
Умилостивить я пыталась божество:
Я ей воздвигла храм, украсила его:
Куря ей фимиам, свершая жертв закланья,
Я мнила, что она смягчит мои страданья.
Но тщетно было всё – и фимиам, и кровь:
Неисцелимая пришла ко мне любовь!
Я, вознося мольбы богине Афродите,

Была погружена в мечты об Ипполите.
И не её – о нет! – его боготворя,
Несла свои дары к подножью алтаря.
Я стала избегать его. Но всё едино:
В чертах отца – увы! – я находила сына!
Тогда решилась я восстать против себя,
И, страсть преступную насильственно губя,
Любимого врага преследовать я стала.
Роль злобной мачехи искусно разыграла:
Упреки, жалобы – им не было конца,
И вынужден был сын покинуть дом отца.
Уехал он, – и тут настало облегченье:
Дни мирно потекли, ушло моё смятенье.
От мужа утаив, что наш несчастлив брак,
Усердно я блюла супружеский очаг,
Воспитывала я детей своих прилежно...
О, рок безжалостный!... Борьба с ним безнадежна!
В Трезен, куда была мной сослана любовь,
Привёз меня мой муж. Открылась рана вновь.
В крови пылал не жар, но пламень ядовитый, -
Вся ярость впившейся в добычу Афродиты.
Какой преступницей, каким исчадьем зла
Я стала для себя самой! Я прокляла
И страсть, и жизнь свою. Я знала: лишь могила
Скрыть может мой позор; я умереть решила.
Вняв просьбам и слезам твоим, тебе во всем
Призналась я теперь. И я не каюсь в том.
Но зная, что на смерть осуждена я роком,
Ты не тревожь меня ни стоном, ни упрёком,
Не отговаривай, не вздумай помешать
И гаснущий костер не тщишь раздуть опять <...>

Вопросы к тексту:

1. Какое место в пьесе занимает приведённый отрывок?
2. Как в нём отражается конфликт трагедии?

3. Какими качествами наделены герои? Как они проявляются в их речи?
4. Какие чувства они испытывают друг к другу?
5. В чём состоит психологизм эпизода?

Практическое занятие № 2
Творчество Ж.-Б. Мольера.
Комедии «Мещанин во дворянстве», «Тартюф»

Задание:

1. Прочитайте краткое содержание пьесы Ж.-Б. Мольера.

Ж.-Б. Мольер
Мещанин во дворянстве (1670)
(краткое содержание)

Журден решает стать аристократом, уподобиться знатым господам. Это желание причиняло массу неудобств и волнений семье, зато была на руку портным, парикмахерам и учителям, обещавшим посредством своего искусства сделать из Журдена блестящего аристократа. Двое учителей (танцев и музыки) вместе со своими учениками дожидаются появления хозяина дома. Журден пригласил их, чтобы они весёлым и изысканным представлением украсили обед, который он устраивал в честь одной титулованной особы.

Представ перед музыкантом и танцором, Журден первым делом предложил им оценить свой экзотический халат – такой, по словам его портного, по утрам носит вся знать – и новые ливреи своих лакеев. От оценки вкуса Журдена непосредственно зависел размер будущего гонорара знатоков, потому отзывы были восторженными. Халат стал причиной некоторой заминки, т.к. Журден долго не мог решить, как ему удобнее слушать музыку – в нём или без него. Выслушав же серенаду, он счёл её пресноватой и в свою очередь исполнил

бойкую уличную песенку, за которую снова удостоился похвал и приглашения кроме разных наук заняться также музыкой с танцами. Принять это приглашение Журдену убедили заверения учителей в том, что каждый знатный господин непременно обучается и музыке, и танцам.

К приёму учителем музыки был подготовлен пасторальный диалог. Журдену он понравился: раз уж нельзя обойтись без этих пастушков и пастушек, пусть лучше поют. Представленный учителем танцев и его учениками балет пришёлся Журдену по душе. Окрылённые успехом у нанимателя, учителя решили ковать железо, пока горячо: музыкант посоветовал Журдену обязательно устраивать еженедельные домашние концерты, как это делается, по его словам, во всех аристократических домах; учитель танцев тут же принялся обучать его самому изысканному из танцев – менуэту.

Упражнения в изящных телодвижениях прервал учитель фехтования. Учитель танцев и его коллега-музыкант дружно не согласились с заявлением фехтовальщика о безусловном приоритете умения драться над их освящёнными веками искусствами. Между тремя педагогами завязалась потасовка.

Когда пришёл учитель философии, Журден обрадовался – кому как не философу вразумлять дерущихся. Тот охотно взялся за дело примирения: вспомнил Сенеку, предостерёг противников от гнева, унижающего человеческое достоинство, посоветовал заняться философией, этой первой из наук. Тут он переборщил. Его стали бить наравне с прочими.

Потрёпанный, но всё же избежавший увечий учитель философии, в конце концов, смог приступить к уроку. Поскольку Журден отказался заниматься как логикой (слова там непонятные), так и этикой – к чему ему наука умерять страсти, если всё равно, коль уж разойдётся, ничто его не остановит, - учитель стал посвящать его в тайны правописания.

Практикуясь в произношении гласных звуков, Журден радовался, как ребёнок, но когда первые восторги миновали, он раскрыл учителю философии большой секрет: он влюблён в некую великосветскую даму, и ему требуется написать ей

записочку. Философу это было пара пустяков – в прозе, в стихах ли. Однако Журден попросил его обойтись без этих самых прозы и стихов. И здесь оказалось, что, когда он кричал служанке: «Николь, подай туфли и ночной колпак», из уст его исходила проза. Впрочем, и в области словесности Журден был всё ж таки не лыком шит – как ни старался учитель философии, ему не удалось улучшить сочинённый Журденом текст: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви».

Философу пришлось удалиться, когда Журдену доложили о портном. Тот принёс новый костюм, сшитый по последней моде. Подмастерья портного, танцуя, внесли обнову и, не прерывая танца, облачили в неё Журдена. При этом пострадал его кошелек: подмастерья не скупились на лестные «ваша милость», «ваше сиятельство» и даже «светлость», а чрезвычайно тронутый Журден – на чаевые.

В новом костюме Журден собрался прогуляться по улицам Парижа, но супруга решительно воспротивилась этому его намерению – и без того над Журденом смеётся полгорода. Вообще, по её мнению, ему пора уже было одуматься и оставить свои придурковатые причуды: к чему, спрашивается, Журдену фехтование, если он не намерен никого убивать? зачем учиться танцам, когда ноги и без того вот-вот откажут?

Возражая бессмысленным доводам женщины, Журден попытался впечатлить её со служанкой плодами своей учёности, но без особого успеха: Николь преспокойно произносила звук «у», даже не подозревая, что при этом она вытягивает губы и сближает верхнюю челюсть с нижней, а рапирой она запросто нанесла Журдену несколько уколов, которые он не отразил, поскольку непросвещённая служанка колола не по правилам.

Во всех глупостях, которым предавался её муж, г-жа Журден винила знатных господ, с недавних пор начавших водить с ним дружбу. Для придворных франтов Журден был источником доходов, он же, в свою очередь, пребывал в уверенности, что дружба с ними даёт ему значительные привилегии.

Одним из таких великосветских друзей Журдена был граф Дорант. Едва войдя в гостиную, этот аристократ сделал несколько комплиментов новому костюму, а затем бегло упомянул о том, что нынче утром он говорил о Журдене в королевской опочивальне. Подготовив таким образом почву, граф напомнил, что он должен своему другу пятнадцать тысяч восемьсот ливров, так что тому лучше одолжить ему ещё две тысячи двести – для ровного счёта. В благодарность за этот и последующие займы Дорант взял на себя роль посредника в сердечных делах между Журденом и предметом его поклонения маркизой Дорименой, ради которой и затевался обед с представлением.

Г-жа Журден, чтобы не мешалась, в этот день была отправлена на обед к своей сестре. О замысле супруга она ничего не знала, сама же была озабочена устройством судьбы своей дочери: Люсиль вроде бы отвечала взаимностью на нежные чувства юноши по имени Клеонт, который в качестве зятя весьма подходил г-же Журден. По её просьбе Николь, заинтересованная в женитьбе молодой госпожи, так как сама она собиралась замуж за слугу Клеонта, Ковьяеля, привела юношу. Г-жа Журден тут же отправила его к мужу просить руки дочери.

Однако первому и, по сути, единственному требованию Журдена к соискателю руки Люсиль Клеонт не отвечал – он не был дворянином, отец же желал сделать дочь в худшем случае маркизой, а то и герцогиней. Получив решительный отказ, Клеонт приуныл, но Ковьяель полагал, что ещё не всё потеряно. Верный слуга задумал сыграть с Журденом одну шутку, ведь у него имелись друзья-актеры, и соответствующие костюмы были под рукой.

Тем временем доложили о прибытии графа Доранта и маркизы Доримены. Граф привёл даму на обед отнюдь не из желания сделать приятное хозяину дома: он сам давно ухаживал за вдовой маркизой, но не имел возможности видаться с нею ни у неё, ни у себя – это могло бы скомпрометировать Доримену. К тому же все безумные траты Журдена на подарки и

разнообразные развлечения для неё он ловко приписывал себе, чем в конце концов покори́л женское сердце.

Изрядно позабавив благородных гостей вычурным неуклюжим поклоном и такой же приветственной речью, Журден пригласил их за роскошный стол. Маркиза не без удовольствия поглощала изысканные яства под аккомпанемент экзотических комплиментов чудаковатого буржуа, когда всё благолепие неожиданно было нарушено появлением разгневанной г-жи Журден. Теперь она поняла, зачем её хотели спровадить на обед к сестре, чтобы муж мог спокойно спускать денежки с посторонними женщинами. Журден с Дорантом принялись заверять её, что обед в честь маркизы даёт граф, и он же за всё платит, но заверения их ни в коей мере не умилили пыл оскорблённой супруги. После мужа г-жа Журден взялась за гостью, которой должно было бы быть стыдно вносить разлад в честное семейство. Смущённая и обиженная маркиза встала из-за стола и покинула хозяев. За ней удалился Дорант.

Только знатные господа ушли, как было положено о новом посетителе. Им оказался переодетый Ковьель, представившийся другом отца г-на Журдена. Покойный батюшка хозяина дома был, по его словам, не купцом, как все кругом твердили, а самым что ни на есть настоящим дворянином. Расчёт Ковьеля оправдался: после такого заявления он мог рассказывать всё что угодно, не опасаясь, что Журден усомнится в правдивости его речей.

Ковьель поведал Журдену, что в Париж прибыл его хороший приятель, сын турецкого султана, без ума влюблённый в его, Журдена, дочь. Сын султана хочет просить руки Люсиль, а чтобы тесть был достоин новой родни, он решил посвятить его в мамамуши – паладины. Журден был в восторге.

Сына турецкого султана представлял переодетый Клеонт. Он изъяснялся на жуткой тарабарщине, которую Ковьель якобы переводил на французский. С главным турком прибыли положенные муфтии и дервиши, от души повеселившиеся во время церемонии посвящения: она вышла очень колоритной, с турецкими музыкой, песнями и плясками, а также с ритуальным избиением посвящаемого палками.

Доранту, который знал замысел Ковьяеля, удалось наконец уговорить Доримену вернуться, соблазнив возможностью насладиться забавным зрелищем, а потом ещё и балетом. Граф и маркиза с самым серьёзным видом поздравили Журдена с присвоением ему высокого титула, тому же не терпелось поскорее вручить свою дочь сыну турецкого султана. Люсиль вначале не хотела идти за шута-турка, но, как только признала в нём переодетого Клеонта, сразу согласилась, делая вид, что покорно исполняет дочерний долг. Г-жа Журден, в свою очередь, сурово заявила, что турецкому пугалу не видать её дочери, как собственных ушей. Но стоило Ковьяелю шепнуть ей на ухо пару слов, и мамаша сменила гнев на милость.

Журден торжественно соединил руки юноши и девушки, давая родительское благословение на их брак, а затем послали за нотариусом. Услугами этого же нотариуса решила воспользоваться и другая пара – Дорант с Дорименой. В ожидании представителя закона все присутствующие хорошо провели время, наслаждаясь балетом, поставленным учителем танцев.

Вопросы и задания к тексту:

1. Перескажите сюжет пьесы. Укажите завязку, развитие действия, кульминацию, развязку.
2. В чём интрига и конфликт произведения?
3. Назовите и охарактеризуйте главных героев «Мещанина во дворянстве».
4. Отметьте самые смешные, на ваш взгляд, положения и ситуации.
5. Прочитайте отрывки из комедии.

(отрывки)

Действующие лица:

Г-н Журден, мещанин.

Г-жа Журден, его жена.

Люсиль, их дочь.

Клеонт, молодой человек, влюбленный в Люсиль.

Доримена, маркиза.
Дорант, граф, влюблённый в Доримену
Николь, служанка в доме г-на Журдена.
Коввель, слуга Клеонта.
Учитель музыки.
Ученик учителя музыки.
Учитель танцев.
Учитель фехтования.
Учитель философии.
Музыканты.
Портной.
Подмастерье портного.
Два лакея.
Три пажа.

Действие первое

Действие происходит в Париже, в доме г-на Журдена

Увертюра исполняется множеством инструментов; посреди сцены за столом ученик учителя музыки сочиняет мелодию для серенады, заказанной г-ном Журденом.

Явление первое

Учитель музыки, учитель танцев, два певца, певица, два скрипача, четыре танцовщика.

Учитель музыки (*певцам и музыкантам*).

Пожалуйста сюда, вот в эту залу, отдохните до его прихода.

Учитель танцев (*танцовщикам*).

И вы тоже, – станьте с этой стороны.

Учитель музыки (*ученику*).

Готово?

Ученик.

Готово.

Учитель музыки.

Посмотрим... Очень недурно.

Учитель танцев.

Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки.

Да, я велел ученику, пока наш чудак проснётся, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев.

Можно посмотреть?

Учитель музыки.

Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев.

Теперь у нас с вами дела выше головы.

Учитель музыки.

Ещё бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении – это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев.

Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его же блага, чтоб он лучше разбирался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музыки.

Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев.

Признаюсь, я слегка равнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана – это, на мой взгляд, для всякого артиста несносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда – видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы, – похвала просвещённого человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки.

Я с этим согласен, я и сам люблю похвалы. В самом деле, нет

ничего более лестного, чем рукоплескания, но ведь на фимиам не проживёшь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посуущественнее. Лучший способ поощрения – это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина невелики, судит он обо всём вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещённого вельможи, который нас сюда ввёл.

Учитель танцев.

В ваших словах есть некоторая доля истины, но только, мне кажется, вы придаёте деньгам слишком большое значение; между тем корысть есть нечто до такой степени низменное, что человеку порядочному не должно выказывать к ней особой склонности.

Учитель музыки.

Однако у нашего чудака вы преспокойно берёте деньги.

Учитель танцев.

Конечно, беру, но деньги для меня не главное. Если б к его богатству да ещё хоть немного хорошего вкуса – вот чего бы я желал.

Учитель музыки.

Я тоже, ведь мы оба по мере сил этого добиваемся. Но как бы то ни было, благодаря ему на нас стали обращать внимание в обществе, а что другие будут хвалить, то он оплатит.

Учитель танцев.

А вот и он.

Явление второе

Г-н Журден в халате и ночном колпаке, учитель музыки, учитель танцев, ученик учителя музыки, певица, два певца, скрипачи, танцовщицы, два лакея.

Г-н Журден.

Ну, господа? Как там у вас? Покажете вы мне нынче вашу

безделку?

Учитель танцев.

Что? Какую безделку?

Г-н Журден.

Ну, эту самую... Как это у вас называется? Не то пролог, не то диалог с песнями и пляской.

Учитель танцев.

О! О!

Учитель музыки.

Как видите, мы готовы.

Г-н Журден.

Я немного замешкался, но дело вот в чём: одеваюсь я теперь, как одевается знать, и мой портной прислал мне шёлковые чулки, до того узкие, – право, я уж думал, что мне их так никогда и не натянуть.

Учитель музыки.

Мы всецело к вашим услугам.

Г-н Журден.

Я прошу вас обоих не уходить, пока мне не принесут мой новый костюм: я хочу, чтоб вы на меня поглядели.

Учитель танцев.

Как вам будет угодно.

Г-н Журден.

Вы увидите, что теперь я с ног до головы одет, как должно.

Учитель музыки.

Мы в этом нисколько не сомневаемся.

Г-н Журден.

Я сделал себе из индийской ткани халат.

Учитель танцев.

Отличный халат.

Г-н Журден.

Мой портной уверяет, что вся знать по утрам носит такие халаты.

Учитель музыки.

Он вам удивительно идёт.

Г-н Журден.

Лакей! Эй, два моих лакея!

Первый лакей.

Что прикажете, сударь?

Г-н Журден.

Ничего не прикажу. Я только хотел проверить, как вы меня слушаетесь. (*Учителю музыки и учителю танцев.*) Как вам нравятся их ливреи?

Учитель танцев.

Великолепные ливреи.

Г-н Журден (*распахивает халат; под ним у него узкие красного бархата штаны и зелёного бархата камзол*).

А вот мой домашний костюмчик для утренних упражнений.

Учитель музыки.

Бездна вкуса!

Г-н Журден.

Лакей!

Первый лакей.

Что угодно, сударь?

Г-н Журден.

Другой лакей!

Второй лакей.

Что угодно, сударь?

Г-н Журден (*снимает халат*).

Держите. (*Учителю музыки и учителю танцев*). Ну что, хорош я в этом наряде?

Учитель танцев.

Очень хороши. Лучше нельзя.

Г-н Журден.

Теперь займёмся с вами.

Учитель музыки.

Прежде всего мне бы хотелось, чтобы вы прослушали музыку, которую вот он (*указывает на ученика*) написал для заказанной вами серенады. Это мой ученик, у него к таким вещам изумительные способности.

Г-н Журден.

Очень может быть, но всё-таки не следовало поручать это ученику. Ещё неизвестно, годитесь ли вы сами для такого дела, а не то, что ученик.

Учитель музыки.

Слово «ученик» не должно вас смущать, сударь. Подобного рода ученики смыслят в музыке не хуже великих мастеров. В самом деле, чудеснее мотива не придумаешь. Вы только послушайте.

Г-н Журден (*лакеям*).

Дайте халат, так удобней слушать... Впрочем, постойте, пожалуй лучше без халата. Нет, подайте халат, так будет лучше.

Певица.

Ирида, я томлюсь, меня страданье губит,
Меня ваш строгий взгляд пронзил, как острый меч.
Когда вы мучите того, кто вас так любит,
Сколь вы страшны тому, кто гнев ваш смел навлечь!

Г-н Журден.

По-моему, это довольно заунывная песня, от нее ко сну клонит. Я бы вас попросил сделать её чуть-чуть веселее.

Учитель музыки.

Мотив должен соответствовать словам, сударь.

Г-н Журден.

Меня недавно обучили премилой песенке. Погодите... сейчас-сейчас... Как же это она начинается?

Учитель танцев.

Право, не знаю.

Г-н Журден.

Там ещё про овечку говорится.

Учитель танцев.

Про овечку?

Г-н Журден.

Да, да. Ах, вот! (*Поёт.*)

Жанетту я считал
И доброй и прекрасной,
Жанетту я считал овечкою, но, ах!
Она коварна и опасна,
Как львица в девственных лесах!

Правда, славная песенка?

Учитель музыки.

Ещё бы не славная!

Учитель танцев.

И вы хорошо её поёте.

Г-н Журден.

А ведь я музыке не учился.

Учитель музыки.

Вам бы хорошо, сударь, поучиться не только танцам, но и музыке. Эти два рода искусства связаны между собой неразрывно.

Учитель танцев.

Они развивают в человеке чувство изящного.

Г-н Журден.

А что, знатные господа тоже учатся музыке?

Учитель музыки.

Конечно, сударь.

Г-н Журден.

Ну, так и я стану учиться. Вот только не знаю когда: ведь, кроме учителя фехтования, я ещё нанял учителя философии, – он должен нынче утром начать со мной заниматься.

Учитель музыки.

Философия – материя важная, но музыка, сударь, музыка...

Учитель танцев.

Музыка и танцы... Музыка и танцы – это всё, что нужно человеку.

Учитель музыки.

Нет ничего более полезного для государства, чем музыка.

Учитель танцев.

Нет ничего более необходимого человеку, чем танцы.

Учитель музыки.

Без музыки государство не может существовать.

Учитель танцев.

Без танцев человек ничего не умел бы делать.

Учитель музыки.

Все распри, все войны на земле происходят единственно от незнания музыки.

Учитель танцев.

Все людские невзгоды, все злоключения, коими полна история, оплошности государственных деятелей, ошибки великих

полководцев, – всё это проистекает единственно от неумения танцевать.

Г-н Журден.

Как так?

Учитель музыки.

Война возникает из-за несогласия между людьми, не правда ли?

Г-н Журден.

Верно.

Учитель музыки.

А если бы все учились музыке, разве это не настроило бы людей на мирный лад и не способствовало бы воцарению на земле всеобщего мира?

Г-н Журден.

И то правда.

Учитель танцев.

Когда человек поступает не так, как должно, будь то просто отец семейства, или же государственный деятель, или же военачальник, про него обыкновенно говорят, что он сделал неверный шаг, не правда ли?

Г-н Журден.

Да, так говорят.

Учитель танцев.

А чем ещё может быть вызван неверный шаг, как не неумением танцевать?

Г-н Журден.

Да, с этим я тоже согласен. Вы оба правы.

Учитель танцев.

Все это мы говорим для того, чтобы вы себе уяснили преимущества и пользу танцев и музыки.

Г-н Журден.

Теперь я понимаю.

Учитель музыки.

Угодно вам ознакомиться с нашими сочинениями?

Г-н Журден.

Угодно.

Учитель музыки.

Как я вам уже говорил, это давнишняя моя попытка выразить

все страсти, какие только способна передать музыка.

Г-н Журден.

Прекрасно.

Учитель музыки (*невцам*).

Пожалуйста сюда. (*Г-ну Журдену.*) Вы должны вообразить, что они одеты пастушками.

Г-н Журден.

И что это всегда пастушки?! Вечно одно и то же.

Учитель танцев.

Когда говорят под музыку, то для большего правдоподобия приходится обращаться к пасторали. Пастухам испокон веку приписывали любовь к пению; с другой стороны, было бы весьма ненатурально, если бы принцы или мещане стали выражать свои чувства в пении.

Г-н Журден.

Ладно, ладно. Посмотрим <...>

Явление шестое

Учитель философии, г-н Журден, лакей.

Учитель философии (*оправляя воротник*).

Приступим к уроку.

Г-н Журден.

Ах, господин учитель, как мне досадно, что они вас побили!

Учитель философии.

Пустяки. Философ должен ко всему относиться спокойно. Я сочиню на них сатиру в духе Ювенала, и эта сатира их совершенно уничтожит. Но довольно об этом. Итак, чему же вы хотите учиться?

Г-н Журден.

Чему только смогу: ведь я смерть как хочу стать учёным, и такое зло меня берёт на отца и мать, что меня с малолетства не обучали всем наукам!

Учитель философии.

Это понятное чувство, *nam sine doctrina vita est quasi mortis imago*. Вам это должно быть ясно, потому что вы, уж верно, знаете латынь.

Г-н Журден.

Да, но вы всё-таки говорите так, как будто я её не знаю. Объясните мне, что это значит.

Учитель философии.

Это значит: без науки жизнь есть как бы подобие смерти.

Г-н Журден.

Латынь говорит дело.

Учитель философии.

У вас есть основы, начатки каких-либо познаний?

Г-н Журден.

А как же, я умею читать и писать.

Учитель философии.

С чего вам угодно будет начать? Хотите, я обучу вас логике?

Г-н Журден.

А что это за штука – логика?

Учитель философии.

Это наука, которая учит нас трём процессам мышления.

Г-н Журден.

Кто же они такие, эти три процесса мышления?

Учитель философии.

Первый, второй и третий. Первый заключается в том, чтобы составлять себе правильное представление о вещах при посредстве универсалий, второй – в том, чтобы верно о них судить при посредстве категорий, и, наконец, третий – в том, чтобы делать правильное умозаключение при посредстве фигур: Barbara, Celarent, Darii, Ferio, Baralipon и так далее.

Г-н Журден.

Уж больно слова-то заковыристые. Нет, логика мне не подходит. Лучше что-нибудь позавлекательнее.

Учитель философии.

Хотите займёмся этикой?

Г-н Журден.

Этикой?

Учитель философии.

Да.

Г-н Журден.

А про что она, эта самая этика?

Учитель философии.

Она трактует о счастье жизни, учит людей умерять свои страсти и...

Г-н Журден.

Нет, не надо. Я вспылчив, как сто чертей, и никакая этика меня не удержит: я желаю беситься, сколько влезет, когда меня разбирает злость.

Учитель философии.

Может быть, вас прельщает физика?

Г-н Журден.

А физика – это насчёт чего?

Учитель философии.

Физика изучает законы внешнего мира и свойства тел, толкует о природе стихий, о признаках металлов, минералов, камней, растений, животных и объясняет причины всевозможных атмосферных явлений, как-то: радуги, блуждающих огней, комет, зарниц, грома, молнии, дождя, снега, града, ветров и вихрей.

Г-н Журден.

Слишком много трескотни, слишком много всего наворочено.

Учитель философии.

Так чем же вы хотите заняться?

Г-н Журден.

Займитесь со мной правописанием.

Учитель философии.

С удовольствием.

Г-н Журден.

Потом научите меня узнавать по календарю, когда бывает луна, а когда нет.

Учитель философии.

Хорошо. Если рассматривать этот предмет с философской точки зрения, то, дабы вполне удовлетворить ваше желание, надлежит, как того требует порядок, начать с точного понятия о природе букв и о различных способах их произнесения. Прежде всего я должен вам сообщить, что буквы делятся на гласные, названные так потому, что они обозначают звуки голоса, и на согласные, названные так потому, что произносятся с помощью гласных и

служат лишь для обозначения различных изменений голоса. Существует пять гласных букв, или, иначе, голосовых звуков: А, Е, И, О, У.

Г-н Журден.

Это мне всё понятно.

Учитель философии.

Чтобы произнести звук А, нужно широко раскрыть рот: А.

Г-н Журден.

А, А. Так!

Учитель философии.

Чтобы произнести звук Е, нужно приблизить нижнюю челюсть к верхней: А, Е.

Г-н Журден.

А, Е, А, Е. В самом деле! Вот здорово!

Учитель философии.

Чтобы произнести звук И, нужно еще больше сблизить челюсти, а углы рта оттянуть к ушам: А, Е, И.

Г-н Журден.

А, Е, И, И, И. Верно! Да здравствует наука!

Учитель философии.

Чтобы произнести звук О, нужно раздвинуть челюсти, а углы губ сблизить: О.

Г-н Журден.

О, О. Истинная правда! А, Е, И, О, И, О. Удивительное дело! И, О, И, О.

Учитель философии.

Отверстие рта принимает форму того самого кружка, посредством коего изображается звук О.

Г-н Журден.

О, О, О. Вы правы. О. Как приятно знать, что ты что-то узнал!

Учитель философии.

Чтобы произнести звук У, нужно приблизить верхние зубы к нижним, не стискивая их, однако ж, а губы вытянуть и тоже сблизить, но так, чтобы они не были плотно сжаты: У.

Г-н Журден.

У, У. Совершенно справедливо! У.

Учитель философии.

Ваши губы при этом вытягиваются, как будто вы grimасничаете. Вот почему, если вы пожелаете в насмешку над кем-либо соорудить рожу, вам стоит только сказать: У.

Г-н Журден.

У, У. Верно! Эх, зачем я не учился прежде! Я бы всё это уже знал.

Учитель философии.

Завтра мы разберём другие буквы, так называемые согласные.

Г-н Журден.

А они такие же занятные, как и эти?

Учитель философии.

Разумеется. Когда вы произносите звук Д, например, нужно, чтобы кончик языка упёрся в верхнюю часть верхних зубов: ДА.

Г-н Журден.

ДА, ДА. Так! Ах, до чего же здорово, до чего же здорово!

Учитель философии.

Чтобы произнести Ф, нужно прижать верхние зубы к нижней губе: ФА.

Г-н Журден.

ФА, ФА. И то правда! Эх, батюшка с матушкой, ну, как тут не помянуть вас лихом!

Учитель философии.

А чтобы произнести звук Р, нужно приставить кончик языка к верхнему нёбу, однако ж под напором воздуха, с силою вырывающегося из груди, язык беспрестанно возвращается на прежнее место, отчего происходит некоторое дрожание: Р – РА.

Г-н Журден.

Р – Р – Р – РА, Р – Р – Р – Р – РА. Какой же вы молодчина! А я-то сколько времени потерял даром! Р – Р – Р – РА.

Учитель философии.

Все эти любопытные вещи я объясню вам до тонкостей.

Г-н Журден.

Будьте настолько любезны! А теперь я должен открыть вам секрет. Я влюблен в одну великосветскую даму, и мне бы хотелось, чтобы вы помогли мне написать ей записочку, которую я собираюсь уронить к её ногам.

Учитель философии.

Отлично.

Г-н Журден.

Ведь, правда, это будет учтиво?

Учитель философии.

Конечно. Вы хотите написать ей стихи?

Г-н Журден.

Нет, нет, только не стихи.

Учитель философии.

Вы предпочитаете прозу?

Г-н Журден.

Нет, я не хочу ни прозы, ни стихов.

Учитель философии.

Так нельзя: или то, или другое.

Г-н Журден.

Почему?

Учитель философии.

По той причине, сударь, что мы можем излагать свои мысли не иначе, как прозой или стихами.

Г-н Журден.

Не иначе, как прозой или стихами?

Учитель философии.

Не иначе, сударь. Все, что не проза, то стихи, а что не стихи, то проза.

Г-н Журден.

А когда мы разговариваем, это что же такое будет?

Учитель философии.

Проза.

Г-н Журден.

Что? Когда я говорю: «Николь, принеси мне туфли и ночной колпак», это проза?

Учитель философии.

Да, сударь.

Г-н Журден.

Честное слово, я и не подозревал, что вот уже более сорока лет говорю прозой. Большое вам спасибо, что сказали. Так вот что я хочу ей написать: «Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза

сулят мне смерть от любви», но только нельзя ли это же самое сказать полубезнее, как-нибудь этак по красивее выразиться?

Учитель философии.

Напишите, что пламя её очей испепелило вам сердце, что вы день и ночь терпите из-за неё столь тяжкие...

Г-н Журден.

Нет, нет, нет, это всё не нужно. Я хочу написать ей только то, что я вам сказал: «Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви».

Учитель философии.

Следовало бы чуть-чуть подлиннее.

Г-н Журден.

Да нет, говорят вам! Я не хочу, чтобы в записке было что-нибудь, кроме этих слов, но только их нужно расставить как следует, как нынче принято. Приведите мне, пожалуйста, несколько примеров, чтобы мне знать, какого порядка лучше придерживаться.

Учитель философии.

Порядок может быть, во-первых, тот, который вы установили сами: «Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви». Или: «От любви смерть мне сулят, прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза». Или: «Прекрасные ваши глаза от любви мне сулят, прекрасная маркиза, смерть». Или: «Смерть ваши прекрасные глаза, прекрасная маркиза, от любви мне сулят». Или: «Сулят мне прекрасные глаза ваши, прекрасная маркиза, смерть».

Г-н Журден.

Какой же из всех этих способов наилучший?

Учитель философии.

Тот, который вы избрали сами: «Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви».

Г-н Журден.

А ведь я ничему не учился и вот всё ж таки придумал в один миг. Покорно вас благодарю. Приходите, пожалуйста, завтра пораньше.

Учитель философии.

Не премину <...>

Вопросы и задания к тексту:

1. Какое место в пьесе занимают приведённые отрывки?
2. Как в них отражается конфликт комедии?
3. Какими качествами наделены герои? Как они проявляются в их речи?
4. На чём основаны комические эффекты эпизодов?
5. Познакомьтесь с кратким содержанием «Тартюфа».

Тартюф, или Обманщик (1664) ***(краткое содержание)***

В доме почтенного Оргона по приглашению хозяина обосновался некий г-н Тартюф. Оргон души в нём не чаял, почитал образцом праведности и мудрости: речи Тартюфа были исключительно возвышенны, поучения, благодаря которым Оргон усвоил, что мир являет собой большую помойную яму, и теперь и глазом не моргнул бы, схоронив жену, детей и прочих близких, в высшей мере полезны, набожность вызывала восхищение.

Из всех домочадцев отношение к Оргону как к новоявленному праведнику разделяла лишь его матушка г-жа Пернель. Эльмира, жена Оргона, её брат Клеант, дети Оргона Дамис и Мариана и даже слуги видели в Тартюфе того, кем он и был на самом деле – лицемерного святошу, ловко пользующегося заблуждением Оргона в своих немудрёных земных интересах: вкусно есть и мягко спать, иметь надёжную крышу над головой и все житейские блага.

Домашним Оргона опостытели нравоучения Тартюфа, своими заботами о благопристойности он отвалил от дома почти всех друзей. Но стоило только кому-нибудь плохо отозваться об этом ревнителе благочестия, г-жа Пернель устраивала бурные сцены, а Оргон просто оставался глух к любым речам, не проникнутым восхищением перед Тартюфом. Когда Оргон возвратился из недолгой отлучки и потребовал от служанки Дорины отчёта о домашних новостях, весть о недомогании супруги оставила его совершенно равнодушным, тогда как

рассказ о том, как Тартюфу случилось объесться за ужином, после чего спать до полудня, а за завтраком перебрать вина, преисполнила Оргона состраданием к бедняге.

Дочь Оргона, Мариана, была влюблена в благородного юношу по имени Валер, а её брат Дамис – в сестру Валера. На брак Марианы и Валера Оргон вроде бы уже дал согласие, но почему-то всё откладывал свадьбу. Дамис, обеспокоенный собственной судьбой, - его женитьба на сестре Валера должна была последовать за свадьбой Марианы – попросил Клеанта разузнать у Оргона, в чём причина промедления. На расспросы Оргон отвечал так уклончиво и невразумительно, что Клеант заподозрил, не решил ли тот как-то иначе распорядиться будущим дочери.

Каким именно видит Оргон будущее Марианы, стало ясно, когда он сообщил дочери, что совершенства Тартюфа нуждаются в вознаграждении, и таким вознаграждением станет его брак с ней, Марианой. Девушка была ошеломлена, но не смела перечить отцу. За неё пришлось вступиться Дорине: служанка пыталась втолковать Оргону, что выдать Мариану за Тартюфа – нищего, низкого душой уроды – значило бы стать предметом насмешек всего города, а кроме того – толкнуть дочь на путь греха, ведь сколь бы добродетельна ни была девушка, не изменять такому мужу, как Тартюф, просто невозможно. Дорина говорила очень горячо и убедительно, но, несмотря на это, Оргон остался непреклонен в решимости породниться с Тартюфом.

Мариана была готова покориться воле отца – так ей велел дочерний долг. Покорность, диктуемую природной робостью и почтением к отцу, пыталась преобороть в ней Дорина, и ей почти удалось это сделать, развернув перед Марианой яркие картины уготованного им с Тартюфом супружеского счастья.

Но когда Валер спросил Мариану, собирается ли она подчиниться воле Оргона, девушка ответила, что не знает. В порыве отчаяния Валер посоветовал ей поступать так, как велит отец, тогда как сам он найдёт себе невесту, которая не станет изменять данному слову; Мариана отвечала, что будет этому

только рада, и в результате влюблённые чуть было не расстались навеки, но тут вовремя подросла Дорина. Она убедила молодых людей в необходимости бороться за своё счастье. Но только действовать им надо не напрямую, а окольными путями, тянуть время, а там уж что-нибудь непременно устроится, ведь все – и Эльмира, и Клеант, и Дамис – против абсурдного замысла Оргона. Дамис, настроенный даже очень решительно, собирался как следует приструнить Тартюфа, чтобы тот и думать забыл о женитьбе на Мариане. Дорина пыталась остудить его пыл, внушить, что хитростью можно добиться большего, чем угрозами, но до конца убедить его в этом ей не удалось.

Подозревая, что Тартюф равнодушен к жене Оргона, Дорина попросила Эльмиру поговорить с ним и узнать, что он сам думает о браке с Марианой. Когда Дорина сказала Тартюфу, что госпожа хочет побеседовать с ним с глазу на глаз, святоша оживился. Поначалу, рассыпаясь перед Эльмирой в тяжеловесных комплиментах, он не давал ей и рта раскрыть, когда же та наконец задала вопрос о Мариане, Тартюф стал заверять её, что сердце его пленено другою. На недоумение Эльмиры – как же так, человек святой жизни и вдруг охвачен плотской страстью? - её обожатель с горячностью отвечал, что да, он набожен, но в то же время ведь и мужчина, что сердце – не камень. Тут же без обиняков Тартюф предложил Эльмире предаться восторгам любви. В ответ Эльмира поинтересовалась, как, по мнению Тартюфа, поведет себя её муж, когда услышит о его гнусных домогательствах. Перепуганный кавалер умолял Эльмиру не губить его, и тогда она предложила сделку: Оргон ничего не узнает, Тартюф же, со своей стороны, постарается, чтобы Мариана как можно скорее пошла под венец с Валером.

Всё испортил Дамис. Он подслушал разговор и, возмущённый, бросился к отцу. Но, как и следовало ожидать, Оргон поверил не сыну, а Тартюфу, на этот раз превзошедшему самого себя в лицемерном самоуничижении. В гневе он велел Дамису убираться с глаз долой и объявил, что сегодня же Тартюф возьмёт в жены Мариану. В приданое Оргон отдавал будущему зятю всё своё состояние.

Клеант в последний раз попытался по-человечески поговорить с Тартюфом и убедить его примириться с Дамисом, отказаться от несправедливо приобретённого имущества и от Марианы, т.к. не подобает христианину для собственного обогащения использовать ссору отца с сыном, а более того обречь девушку на пожизненное мучение. Но у Тартюфа, знатного ратора, на всё имелось оправдание.

Мариана умоляла отца не отдавать её Тартюфу: пусть он забирает приданое, а она уж лучше пойдёт в монастырь. Но Оргон, кое-чему научившийся у своего любимца, глазом не моргнув, убеждал бедняжку в душеспасительности жизни с мужем, который вызывает лишь омерзение – умерщвление плоти только полезно. Наконец не вытерпела Эльмира: если её муж не верит словам близких, ему стоит воочию удостовериться в низости Тартюфа. Убеждённый, что удостовериться ему предстоит как раз в противном (в высоконравственности праведника) Оргон согласился залезть под стол и оттуда подслушать беседу, которую будут наедине вести Эльмира и Тартюф.

Тартюф сразу клюнул на притворные речи Эльмиры о том, что она якобы испытывает к нему сильное чувство, но при этом проявил и известную расчётливость: прежде чем отказаться от женитьбы на Мариане, он хотел получить от её мачехи осязаемый залог нежных чувств. Что до нарушения заповеди, с которым будет сопряжено вручение этого залога, то, как заверял Эльмиру Тартюф, у него имеются свои способы договориться с небесами.

Услышанного Оргоном из-под стола было достаточно, чтобы наконец-то рухнула его слепая вера в святость Тартюфа. Он велел подлецу немедленно убираться прочь, тот пытался оправдываться, но теперь это было бесполезно. Тогда Тартюф переменил тон и, перед тем как гордо удалиться, пообещал жестоко поквитаться с Оргоном. Угроза Тартюфа была небезосновательной: во-первых, Оргон уже успел исправить дарственную на свой дом, который с сегодняшнего дня принадлежал Тартюфу; во-вторых, он доверил подлому злодею

ларец с бумагами, избличавшими его родного брата, по политическим причинам вынужденного покинуть страну.

Надо было срочно искать какой-то выход. Дамис вызвался поколотить Тартюфа и отбить у него желание вредить, но Клеант остановил юношу, ведь умом, утверждал он, можно добиться большего, чем кулаками. Домашние Оргона так ещё ничего не придумали, когда на пороге дома объявился судебный пристав г-н Лояль. Он принёс предписание к завтрашнему утру освободить дом г-на Тартюфа. Тут руки зачесались уже не только у Дамиса, но и у Дорины и даже самого Оргона.

Как выяснилось, Тартюф не преминул использовать и вторую имевшуюся у него возможность испортить жизнь своему недавнему благодетелю: Валер принёс известие о том, что негодяй передал королю ларец с бумагами, и теперь Оргону грозит арест за пособничество мятежнику-брату. Оргон решил бежать пока не поздно, но стражники опередили его: вошедший офицер объявил, что он арестован.

Вместе с королевским офицером в дом Оргона пришёл и Тартюф. Домашние, в том числе и наконец прозревшая г-жа Пернель, принялись дружно стыдить лицемерного злодея, перечисляя все его грехи. Тому это скоро надоело, и он обратился к офицеру с просьбой оградить его персону от гнусных нападков, но в ответ, к великому своему и всеобщему изумлению, услышал, что арестован.

Как объяснил офицер, на самом деле он явился не за Оргоном, а для того, чтобы увидеть, как Тартюф доходит до конца в своем бесстыдстве. Мудрый король, враг лжи и оплот справедливости, с самого начала возымел подозрения относительно личности доносчика и оказался как всегда прав: под именем Тартюфа скрывался негодяй и мошенник, на чьём счету множество тёмных дел. Своею властью государь расторг дарственную на дом и простил Оргона за косвенное пособничество мятежному брату.

Тартюф был с позором отправлен в тюрьму, Оргону же ничего не оставалось, кроме как вознести хвалу мудрости и великодушию монарха, а затем благословить союз Валера и Марианы.

Вопросы и задания к тексту:

1. Перескажите сюжет пьесы. Укажите завязку, развитие действия, кульминацию, развязку.
2. В чём интрига и конфликт произведения?
3. Назовите и охарактеризуйте главных героев «Гартюфа».
4. Как удалось раскрыть истинную сущность Гартюфа?
5. Прочитайте отрывки из комедии.

(отрывки)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Оргон.

Г-жа Пернель, его мать.

Эльмира, его жена.

Дамис, его сын.

Мариана, его дочь.

Валер, молодой человек, влюблённый в Мариану.

Клеант, брат Эльмиры.

Гартюф, святоша.

Дорина, горничная Марианы.

Г-н Лояль, судебный пристав.

Офицер.

Флипота, служанка госпожи Пернель.

Действие происходит в Париже, в доме Оргона.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г-жа Пернель, Эльмира, Мариана, Дамис, Дорина,

Клеант. Флипота.

Г-жа Пернель.

Флипота! Марш за мной!.. Уж пусть они тут сами...

Эльмира.

Постойте, маменька! Нам не поспеть за вами.

Г-жа Пернель.

Вам прежде бы меня уважить, не теперь.

Без ваших проводов найду я, где тут дверь.

Эльмира.

О нет! Вас проводить велит нам чувство долга.
Но почему у нас вы были так недолго?

Г-жа Пернель.

А потому, что мне весь этот дом постыл
И ваши дерзости сносить нет больше сил.
Меня не ставят в грош, перечат, что ни слово.
Поистине для них нет ничего святого!
Все спорят, все орут, почтения нет ни в ком.
Да это не семья, а сумасшедший дом!

Дорина.

Но...

Г-жа Пернель.

Милая моя! Я замечала часто,
Что слишком ты дерзка и чересчур горласта.
Советов не прошу я у нахальных слуг.

Дамис.

Однако...

Г-жа Пернель.

Ты дурак, мой драгоценный внук,
А поумнеть пора – уж лет тебе немало.
Я сына своего сто раз предупреждала,
Что отпрыск у него – изрядный обормот,
С которым горюшка он досыта хлебнет.

Мариана.

Но, бабушка...

Г-жа Пернель.

Никак, промолвила словечко
Тихоня внученька? Смирная овечка?
Ох, скромница! Боюсь, поговорка о ней,
Что в тихом омуте полным-полно чертей.

Эльмира.

Но, маменька...

Г-жа Пернель.

Прошу, дражайшая невестка,
Не гневаться на то, что выскажусь я резко.
Была б у них сейчас родная мать в живых,

Учила б не тому она детей своих-
И эту дурочку, и этого балбеса.
Вы расточительны. Одеты, как принцесса.
Коль жены думают лишь о своих мужьях,
Им вовсе ни к чему рядиться в пух и прах.

Клеант.

Сударыня!..

Г-жа Пернель.

А, вы, её милейший братец!
Ужели тот поток нелепиц и невнятиц,
Что вы дерзаете за мудрость выдавать,
Хотите на меня извергнуть вы опять?
На месте вашего почтеннейшего зятя
И сына моего, на споры слов не тратя,
Я перестала бы пускать вас на порог.
Я не хочу вам льстить. Правдивость не порок.

Дамис.

Ваш господин Тартюф – ловкач, в том нет сомненья...

Г-жа Пернель.

Он праведник! Его благие наставленья душеспасительны.
Для всей семьи позор,
Что ты, молокосос, с ним затеваешь спор.

Дамис.

А что же мне, молчать пред гостем тем незванным,
Который здесь, у нас, всевластным стал тираном?
Не сделай ничего, ни слова не скажи
Без позволения несносного ханжи!

Дорина.

Послушать проповедь настырного святоши,
Так плохи будут все, лишь он один хороший.
С утра до вечера он поучает нас.

Г-жа Пернель.

И он, конечно, прав. В грехе ваш дом погряз.
Вас этот человек ведет на путь спасенья,
И сын мой учит вас питать к нему почтенье.

Дамис.

Никто мне не внушит, ни даже мой отец,

Что праведник Тартюф. Он попросту шельмец.
Стоять буду на том, пускай меня повесят!
Меня его слова, его ужимки бесят.
До крайней крайности претит мне этот гусь,
И я предчувствую, что с ним ещё схвачусь.

Дорина.

Нет, вы подумайте! Уж это ли не чудо?
Явился бог весть кто, неведомо откуда,
В отрепьях нищенских, едва не босиком,
И – нате вам, уже прибрал к рукам весь дом.
И до того дошло, что, вопреки рассудку,
Мы все теперь должны плясать под его дудку.

Г-жа Пернель.

И лучше бы для вас не препираться с ним,
А жить, как учит он, по правилам святым.

Дорина.

Святым? Пристало ль вам такое легковереье?
Да разве святость тут? Одно лишь лицемерье!

Г-жа Пернель.

Что-что?

Дорина.

Его слуга, Лоран, ему под стать,
Обоим ни на грош нельзя им доверять.

Г-жа Пернель.

Мне до его слуги нет никакого дела,
Но за хозяина могу ручаться смело.
Нетрудно угадать, чем разозлил он вас:
Он говорит в глаза всю правду без прикрас.
Он, лютей враг греха и чистоты радетель,
Клеймит безнравственность и славит добродетель.

Дорина.

Вот как? А почему нравоучитель сей
От дома нашего отвадил всех гостей?
Неужто их приезд столь неугоден богу,
Чтоб из-за этого бить каждый раз тревогу?
Мы все свои, и я вам истину скажу:
Он просто-напросто

(указывает на Эльмиру)

ревнует госпожу.

Г-жа Пернель.

Уж ты не знаешь, что и выдумать от злости.
Но подозрительны все эти ваши гости
Не одному ему. Не столь большой секрет,
Что строй теснящихся под окнами карет
И вечно у крыльца толкущиеся слуги
Давно уже глаза мозолят всей округе.
Пусть эти сборища невинные. Но вы
Должны понять, что тут есть пища для молвы.

Клеант.

А вам хотелось бы укрыться от злоречья?
Положим, болтовню пустую смог пресечь я,
Отрекшись для того от преданных друзей,-
Но разве жизнь тогда не стала бы грустней?
Да если б, вашему последовав совету,
Мы и отважились пойти на жертву эту,
Зловредным сплетникам заткнули б разве рты?
На свете нет лекарств противу клеветы.
Нам надо честно жить и презирать злословье,
А сплетники пускай болтают на здоровье.

Дорина.

А кто про нас пустил зловредную молву?
Нетрудно угадать. Я вам их назову.
Нет больших мастеров по измышленьям скверным,
Чем Дафна со своим супругом благоверным.
Кто сам душой нечист – на кривотолки хват.
Такие что-нибудь услышат, подглядят,
С три короба приврут да и распустят слухи,
В минуту сделают они слона из мухи.
На что рассчитана их мерзкая возня?
Порядочных людей пороча и черня,
Они надеются, что будет им уютней:
Средь общей черноты не разглядеть их плутней,
А если не толкать молву на ложный след,
Придется за грешки самим держать ответ.

Г-жа Пернель.

Не к месту, милая, разводишь ты рацеи.
Нет женщин на земле почтенней и святее
Оранты, а меж тем я слышала не раз-
Она решительно не одобряет вас.

Дорина.

Высоконравственна и впрямь сия персона.
Но какова была она во время оно?
Ей старость помогла соблазны побороть.
Да, крепнет нравственность, когда дряхлеет плоть.
Встарь, избалована вниманьем и успехом,
Привержена была она к мирским утехам.
Однако время шло. Угаснул блеск очей,
Ушли поклонники, и свет забыл о ней.
Тут, видя, что, увы, красы её увяли,
Оранта сделалась поборницей морали.
У нас таких особ немалое число:
Терять поклонников кокеткам тяжело,
И чтобы вновь привлечь внимание, с годами
Они становятся завзятыми ханжами.
Их страсть--судить людей. И как суров их суд!
Нет, милосердия они не признают.
На совести чужой выискивают пятна,
Но не из добрых чувств--из зависти, понятно.
Злит этих праведниц: зачем доступны нам
Те радости, что им уже не по зубам?

Г-жа Пернель (*Эльмире*).

Так-так... Сударыня! К моим речам вы глухи,
Предпочитаете вы басни в этом духе,
Зато ей, пустельге, тут слава и почёт.
Но выскажу кой-что и я вам. Мой черёд.
Мой сын был мудр, когда, по наущенью свыше,
Благочестивцу дал приют под этой крышей.
Вам послан праведник, дабы извлечь, из тьмы
И к истине вернуть заблудшие умы.
Спасительны его святые поученья,
А то, что он клеймит, достойно осужденья.

Приемы да балы, и песенки, и смех,
И шутки вольные, и танцы – это грех,
Служенье сатане. Хм... «Дружеские встречи»!
Там произносятся кощунственные речи,
Достойнейших особ там судят вкривь и вкось,
Таковую говорят бессмыслицу – хоть брось!
Глупцы блаженствуют, но у людей разумных
Мутится в голове от этих сборищ шумных:
Крик, споры, суета – всё из-за пустяков.
Там, как сказал один учёный богослов,
Столпотворение: такие ж были крики,
Когда язычники, смешав свои языки,
Решили сообща разрушить Вавилон.

Клеант смеётся.

Вам, сударь, кажется, что мой рассказ смешон?

Досель меня никто не причислял к шутихам.

(Эльмире)

Ну что ж, невестушка, не поминайте лихом

Теперь я знаю вас и вдоль и поперек,

Не скоро я опять ступлю на ваш порог.

(Даёт оплеуху Флипоте)

Тебя считать ворон я нанимала, что ли?

Скажи пожалуйста, какой набрались воли!

Я покажу тебе! Ступай за мною, дрянь!

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Клеант, Дорина, Оргон

Оргон.

А, шурин, здравствуйте!

Клеант.

С приездом, милый зять!

Сейчас приятного, поди, в деревне мало?

Оргон.

Дорина!..

(Клеанту)

Милый брат! Позвольте мне сначала
Порасспросить, что здесь случилось без меня.
Ведь был в отсутствии я, шутка ли, два дня!

(Дорине)

Дорина! Расскажи о новостях мне вкратце.
Что вы тут делали? Здоровы ль домочадцы?

Дорина.

Да вот у госпожи позавчерашний день
Вдруг приключился жар и страшная мигрень.

Оргон.

А как Тартюф?

Дорина.

Тартюф? По милости господней
Ещё стал здоровей, румяней и дородней.

Оргон.

Бедняга!

Дорина.

Так у ней болела голова,
Что госпожа была под вечер чуть жива.
Хоть вышла к ужину, но вовсе есть не стала.

Оргон.

А как Тартюф?

Дорина.

Тартюф? Наелся до отвала.
С благоговением окинув взором стол,
Двух жареных цыплят и окорок уплёл.

Оргон.

Бедняга!

Дорина.

Госпожа страдала всё жесточе
И не сомкнула глаз в течение всей ночи:
То жар её томит, а то озноб трясёт.
И я с ней маялась всю ночь напролёт.

Оргон.

А как Тартюф?

Дорина.

Тартюф? С трудом прикончив ужин,

Решил он, что покой его утробе нужен.
От всяческих земных тревог себя храня,
В постели пуховой храпел до бела дня.

Оргон.

Бедняга!

Дорина.

Госпожа, вняв общим настояньям,
Позволила лечить себя кровопусканьем,
И бодрость прежняя к ней возвратилась вновь.

Оргон.

А как Тартюф?

Дорина.

Тартюф? Когда пускали кровь
(Ей, сударь, не ему), не двинул даже бровью.
Желая возместить ущерб ее здоровью,
За завтраком хватил винца – стаканов пять.

Оргон.

Бедняга!

Дорина.

И теперь тут снова тишь да гладь...
Но вашей поспешу я доложить супруге,
Как огорчила вас весть о её недуге.
(Уходит).

Вопросы к тексту:

1. Какое место в пьесе занимают приведённые отрывки?
2. Как в нём отражается конфликт комедии?
3. Какими качествами наделены герои? Как они проявляются в их речи?
4. На чём основан комический эффект эпизодов?

Модуль № 2. История зарубежной литературы XVIII в.

Практическое занятие № 1 Английская просветительская литература XVIII в. Д. Дефо, Дж. Свифт

Задание:

1. Прочитайте краткое содержание романа Д. Дефо.

Д. Дефо

Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо (1719) (краткое содержание)

Робинзон был третьим сыном в семье, баловнем, его не готовили ни к какому ремеслу, и с детских лет его голова была набита «всякими бреднями», главным образом мечтами о морских путешествиях. Его старший брат погиб во Фландрии, сражаясь с испанцами, без вести пропал средний, и поэтому дома слышать не хотят о том, чтобы отпустить последнего сына в море. Отец, «человек степенный и умный», слёзно умоляет его стремиться к скромному существованию, на все лады превознося «среднее состояние», оберегающее человека здравомыслящего от злых превратностей судьбы. Увещевания отца лишь на время урезонивают 18-летнего молодца. Попытка несговорчивого сына заручиться поддержкой матери тоже не увенчивается успехом, и ещё без малого год он надрыгает родительские сердца, пока 1 сентября 1651 г. не отплывает из Гуллы в Лондон, соблазнившись бесплатным проездом (капитан – отец его приятеля).

Уже первый день на море стал предвестьем грядущих испытаний. Разыгравшийся шторм пробуждает в душе ослушника раскаяние, впрочем, улегшееся с непогодой и

окончательно развеянное попойкой («как обыкновенно у моряков»). Через неделю, на ярмутском рейде, налетает новый, куда более свирепый шторм. Опытность команды, самоотверженно спасающей корабль, не помогает: судно тонет, моряков подбирает шлюпка с соседнего судна. На берегу Робинзон снова испытывает мимолётное искушение внять суровому уроку и вернуться в родительский дом, но «злая судьба» удерживает его на избранном гибельном пути. В Лондоне он знакомится с капитаном корабля, готовящегося идти в Гвинею, и решает плыть с ними – благо, это ни во что ему не обойдётся, он будет «сотрапезником и другом» капитана. По возвращении в Англию капитан вскоре умирает, и Робинзон уже самостоятельно отправляется в Гвинею.

Это была неудачная экспедиция: их судно захватывает турецкий корсар, и юный Робинзон, словно во исполнение мрачных пророчеств отца, проходит тяжёлую полосу испытаний, превратившись из купца в «жалкого раба» капитана разбойничьего судна. Тот использует его на домашних работах, в море не берёт, и на протяжении двух лет у Робинзона нет никакой надежды вырваться на свободу. Хозяин между тем ослабляет надзор, посылает пленника с мавром и мальчиком Ксури ловить рыбу к столу, и однажды, далеко отплыв от берега, Робинзон выбрасывает за борт мавра и склоняет к побегу Ксури. Он хорошо подготовился: в лодке есть запас сухарей и пресной воды, инструменты, ружья и порох. В пути беглецы постреливают на берегу живность, даже убивают льва и леопарда, миролюбивые туземцы снабжают их водой и пищей. Наконец их подбирает встречный португальский корабль. Снисходя к бедственному положению спасённого, капитан берётся бесплатно довезти Робинзона в Бразилию (они туда плывут); более того, он покупает его баркас и «верного Ксури», обещая через десять лет («если он примет христианство») вернуть мальчику свободу. «Это меняло дело», благодушно заключает Робинзон, покончив с угрызениями совести.

В Бразилии он устраивается основательно и надолго: получает бразильское подданство, покупает землю под плантации табака и сахарного тростника, в поте лица трудится

на ней, запоздало жалея, что рядом нет Ксури. Парадоксально, но он приходит именно к той «золотой середине», которой его соблазнял отец. Соседи-плантаторы к нему расположены, охотно помогают, ему удастся получить из Англии, где он оставил деньги у вдовы своего первого капитана, необходимые товары, земледельческие орудия и хозяйственную утварь. Тут бы герою успокоиться и продолжать своё прибыльное дело, но «страсть к скитаниям» и, главное, «желание обогатиться скорее, чем допускали обстоятельства» побуждают Робинзона резко сломать сложившийся образ жизни.

На плантациях требовались рабочие руки, а невольничий труд обходился дорого, поскольку доставка негров из Африки была сопряжена с опасностями морского перехода и ещё затруднена юридическими препонами (английский парламент разрешит торговлю рабами частным лицам только в 1698 г.). Наслушавшись рассказов Робинзона о его поездках к берегам Гвинеи, соседи-плантаторы решают снарядить корабль и тайно привезти в Бразилию невольников, поделив их здесь между собой. Робинзону предлагается участвовать в качестве судового приказчика, ответственного за покупку негров в Гвинее, причём сам он не вложит в экспедицию никаких денег, а невольников получит наравне со всеми, да ещё в его отсутствие компаньоны будут надзирать за его плантациями и блюсти его интересы. Конечно, он соблазняется выгодными условиями, кляня «бродяжнические наклонности». Он отплывает 1 сентября 1659 г., то есть день в день спустя восемь лет после побега из родительского дома. На второй неделе плавания налетел жестокий шквал, и двенадцать дней их трепала «ярость стихий». Корабль дал течь, нуждался в починке, команда потеряла троих матросов (всего на судне семнадцать человек), и было уже не до Африки – скорее бы добраться до суши. Разыгрывается второй шторм, их относит далеко от торговых путей, и тут в виду земли корабль садится на мель, и на единственной оставшейся шлюпке команда «отдаётся на волю бушующих волн». Даже если они не потонут, гребя к берегу, у суши прибой разнесёт их лодку на куски, и приближающаяся земля кажется им «страшнее самого моря». Огромный вал «величиной с гору» опрокидывает лодку,

и обессилевший, чудом не добитый настигающими волнами Робинзон выбирается на сушу.

Он спасся один, свидетельством чему выброшенные на берег три шляпы, фуражка и два непарных башмака. На смену радости приходят скорбь по погибшим товарищам, муки голода и холода и страх перед дикими зверями. Первую ночь он проводит на дереве. К утру прилив пригнал их корабль близко к берегу, и Робинзон вплавь добирается до него. Из запасных мачт он сооружает плот и грузит на него «всё необходимое для жизни»: съестные припасы, одежду, плотницкие инструменты, ружья и пистолеты, дробь и порох, сабли, пилы, топор и молоток. С невероятным трудом, каждую минуту рискуя опрокинуться, он приводит плот в спокойный заливчик и отправляется подыскать себе жильё. С вершины холма Робинзону уясняется его «горькая участь»: это остров, и, по всем признакам, необитаемый. Оградившись со всех сторон сундуками и ящиками, он проводит на острове вторую ночь, а утром снова вплавь отправляется на корабль, торопясь взять что можно, пока первая же буря не разобьёт его в щепки. В эту поездку Робинзон забрал с корабля множество полезных вещей: ружья и порох, одежду, парус, тюфяки и подушки, железные ломы, гвозди, отвертку и точило. На берегу он сооружает палатку, переносит в неё от солнца и дождя съестные припасы и порох, устраивает себе постель. Всего он двенадцать раз наведёлся на корабль, всегда разживаясь чем-нибудь ценным – парусиной, снастями, сухарями, ромом, мукой, «железными частями». В свой последний заезд он набрёл на шифоньерку с деньгами и философски рассудил, что в его положении вся эта «куча золота» не стоит любого из ножей, лежавших в соседнем ящике, однако, поразмыслив, «решил взять их с собой». В ту же ночь разыгралась буря, и наутро от корабля ничего не осталось.

Первой заботой Робинзона становится устройство надёжного, безопасного жилья – и главное, в виду моря, откуда только и можно ожидать спасения. На скате холма он находит ровную полянку и на ней, против небольшого углубления в скале, решает разбить палатку, оградив её частоколом вбитых в землю крепких стволов. Войти в «крепость» можно было только

по приставной лестнице. Углубление в скале он расширил: получилась пещера, он использует её как погреб. На эти работы ушло много дней. Он быстро набирается опыта. В самый разгар строительных работ хлынул дождь, сверкнула молния, Робинзон подумал о порохе. Он две недели пересыпает его в мешочки и ящички и прячет в разные места. Заодно он узнаёт, сколько у него пороха: двести сорок фунтов.

Чтобы выжить, герою предстоит освоить даже не «профессии», но законы окружающего мира и взаимодействовать, считаясь с ними. В его случае «жить» значит всё примечать и учиться. Так, он не сразу догадывается, что козы не умеют смотреть вверх, зато потом будет легко добывать мясо, стреляя со скалы или холма. Его выручает не одна природная смекалка: из цивилизованного мира он принёс представления и навыки, позволившие ему «в полной безмолвия печальнейшей жизни» ускоренно пройти основные этапы становления общественного человека – иначе говоря, сохраниться в этом качестве, не одичать. Тех же коз он научится одомашнивать, добавит к мясному столу молочный (сыр). Кроме скотоводства, Робинзон освоит земледелие, когда прорастут вытряхнутые с трухой из мешка зёрна ячменя и риса. Поначалу он увидит в этом «чудо», сотворённое милостивым Провидением, но вскоре вспомнит про мешок и, полагаясь на одного себя, в свой срок уже будет засеивать немалое поле, успешно борясь с пернатыми и четвероногими грабителями.

Первейшей заботой жизнестроителя становится сооружение календаря – большого столба, на котором он каждый день делает зарубку. Первая дата там – тридцатое сентября 1659 г. Отныне каждый его день назван и учтён.

Среди «не особо ценных» вещей, прихваченных с корабля, были чернила, перья, бумага, «три очень хороших Библии», астрономические приборы, подзорные трубы. Теперь, когда быт его налаживается (с ним, кстати, живут три кошки и собака, тоже корабельные, потом прибавится довольно разговорчивый попугай), самое время осмыслить происходящее, и, пока не кончились чернила и бумага, Робинзон ведёт дневник, чтобы «хоть сколько-нибудь облегчить свою душу». Это

своеобразный каталог «зла» и «добра»: в левой колонке – он выброшен на необитаемый остров без надежды на избавление; в правой – он жив, а все его товарищи утонули. В дневнике он подробно описывает свои занятия, производит наблюдения, и примечательные (относительно ростков ячменя и риса), и повседневные («Шёл дождь». «Опять весь день дождь»).

Случившееся землетрясение вынуждает Робинзона задуматься о новом месте для жилья, т.к. под горой жить небезопасно. Между тем к острову прибывает потерпевший крушение корабль, и Робинзон берёт с него строительный материал, инструменты. В эти же дни его сваливает лихорадка, и в горячечном сне ему является «объятый пламенем» человек, грозя смертью за то, что он «не раскаялся». Сокрушаясь о своих роковых заблуждениях, Робинзон впервые «за много лет» творит покаянную молитву, читает Библию, и по мере сил лечится. На ноги его поднимет ром, настоящий на табаке, после которого он проспал две ночи. Соответственно из его календаря выпал один день. Поправившись, Робинзон наконец обследует остров, где прожил уже больше десяти месяцев. В его равнинной части среди неведомых растений он встречает знакомцев – дыню и виноград; последний его особенно радует, он будет сушить его на солнце, и в межсезонье изюм подкрепит его силы. И живностью богат остров – зайцы (очень невкусные), лисицы, черепахи (эти, наоборот, приятно разнообразят его стол) и даже вызывающие недоумение в этих широтах пингвины. На эти райские красоты он смотрит хозяйским глазом, делить их ему не с кем. Он решает поставить здесь шалаш, хорошо укрепить его и жить по нескольку дней на «даче», основное время проводя «на старом пепелище» вблизи моря, откуда может прийти освобождение.

Непрерывно трудясь, Робинзон и второй, и третий год не даёт себе послабления. Вот его день: «На первом плане религиозные обязанности и чтение Священного Писания. Вторым из ежедневных дел была охота. Третьим была сортировка, сушка и приготовление убитой или пойманной дичи». К этому прибавляется уход за посевами, а там и сбор урожая, уход за скотом, работы по хозяйству (сделать лопату,

повесить в погребке полку), забирающие много времени и сил из-за недостатка инструментов и по неопытности. Робинзон имеет право гордиться собой: «Терпением и трудом я довёл до конца все работы, к которым был вынужден обстоятельствами».

Заветной его мечтой остаётся построить лодку и добраться до материка. Подгоняемый нетерпением, не обдумав, как доставить лодку от леса к воде, Робинзон валит огромное дерево и несколько месяцев вытёсывает из него пирогу. Когда же она наконец готова, ему так и не удастся спустить её на воду. Он стойчески переносит неудачу: Робинзон стал мудрее и выдержаннее, он научился уравнивать «зло» и «добро». Образовавшийся досуг он благоразумно употребляет на обновление износившегося гардероба: шьёт себе меховой костюм (брюки и куртку), шапку и даже мастерит зонтик. В каждодневных трудах проходит ещё пять лет, отмеченных тем, что он построил лодку, спустил её на воду и оснастил парусом. К далёкой земле на ней не добраться, зато можно объехать вокруг острова. Течение уносит его в открытое море, он с огромным трудом возвращается на берег недалеко от «дачи». Натерпевшись страху, он надолго утратит охоту к морским прогулкам. В этот год Робинзон совершенствуется в гончарном деле и плетении корзин, а главное, делает себе трубку. На острове много табака.

В одну из своих прогулок Робинзон видит на песке след босой ноги. Напуганный до смерти, он возвращается в «крепость» и три дня отсиживается там, ломая голову над непостижимой загадкой: чей след? Вероятнее всего, это дикари с материка. В его душе поселяется страх: вдруг его обнаружат? Дикари могут его съесть, могут разорить посевы и разогнать стадо. Начав понемногу выходить, он принимает меры безопасности: укрепляет «крепость», устраивает новый (дальний) загон для коз. Среди этих хлопот он опять набредаёт на человеческие следы, а затем видит и остатки каннибальского пира. Похоже, на острове опять побывали гости. Ужас владеет им все два года, что он безвылазно остаётся на своей части острова (где «крепость» и «дача»), живя «всегда настороже». Но постепенно жизнь возвращается в «прежнее покойное русло»,

хотя он продолжает строить кроважидные планы, как отвадить дикарей от острова. Его пыл охлаждають два соображения: это племенные распри, ведь лично ему дикари не сделали ничего плохого; чем они хуже испанцев, заливших кровью Южную Америку? Этим примирительным мыслям не даёт укрепиться новое посещение дикарей, высадившихся теперь на «его» стороне острова. Справив свою страшную тризну, дикари уплывают, а Робинзон ещё долго боится смотреть в сторону моря.

И то же море манит его надеждой на освобождение. Грозовой ночью он слышит пушечный выстрел – какой-то корабль подаёт сигнал бедствия. Всю ночь он палит огромный костер, а утром видит вдалеке остов разбившегося о рифы корабля. Истосковавшись в одиночестве, Робинзон молит небо, чтобы «хоть один» из команды спасся, но «злой рок» выбрасывает на берег труп юнги. И на корабле он не найдёт ни единой живой души. Примечательно, что небогатая «добыча» с корабля не очень его огорчает: он крепко стоит на ногах, вполне себя обеспечивает, и радуют его только порох, рубахи, полотно – и, по старой памяти, деньги. Им неотвязно владеет мысль о бегстве на материк, и поскольку в одиночку это неисполнимо, на подмогу Робинзон мечтает спасти предназначенного «на убой» дикаря, рассуждая в привычных категориях: «приобрести слугу, а может быть, товарища или помощника». Он полтора года строит хитроумные планы, но всё выходит просто: приезжают канибалы, пленник сбегает, одного преследователя Робинзон сваливает прикладом ружья, другого застреливает насмерть.

Жизнь Робинзона наполняется новыми приятными заботами. Пятница, как он назвал спасённого, оказался способным учеником, верным и добрым товарищем. В основу его образования Робинзон закладывает три слова: «господин» (имея в виду себя), «да» и «нет». Он искореняет скверные дикарские привычки, приучая Пятницу есть бульон и носить одежду, а также «познавать истинного бога» (до этого Пятница поклонялся «старика по имени Бунамуки, который живёт высоко»). Овладев английским языком, Пятница рассказывает,

что на материке у его соплеменников живут семнадцать спасшихся с погибшего корабля испанцев. Робинзон решает построить новую пирогу и вместе с Пятницей вызволить пленников. Новый приезд дикарей нарушает их планы. На этот раз каннибалы привозят испанца и старика, оказавшегося отцом Пятницы. Робинзон и Пятница, уже не хуже своего господина управляющийся с ружьем, освобождают их. Мысль собраться всем на острове, построить надёжное судно и попытаться счастья в море приходится по душе испанцу. А пока засеивается новая делянка, отлавливаются козы. Взяв с испанца клятвенное обещание не сдавать его инквизиции, Робинзон отправляет его с отцом Пятницы на материк. А на восьмой день на остров жалуют новые гости. Взбунтовавшаяся команда с английского корабля привозит на расправу капитана, помощника и пассажира. Робинзон не может упустить такой шанс. Пользуясь тем, что он тут знает каждую тропку, он освобождает капитана и его товарищей по несчастью, и впятером они разделяются с негодьями. Единственное условие, которое ставит Робинзон, - доставить его с Пятницей в Англию. Бунт усмирён, двое отъявленных негодяев висят на рее, ещё троих оставляют на острове, гуманно снабдив всем необходимым.

Двадцативосьмилетнее заключение Робинзона завершилось: 11 июня 1686 года он вернулся в Англию. Его родители давно умерли, но ещё жива добрая приятельница, вдова его первого капитана. В Лисабоне он узнаёт, что все эти годы его бразильской плантацией управлял чиновник от казны, и, поскольку теперь выясняется, что он жив, ему возвращаются все доходы за этот срок. Состоятельный человек, он берёт на свое попечение двух племянников, причём второго готовит в моряки. Наконец Робинзон женится (ему шестьдесят один год) «небезвыгодно и вполне удачно во всех отношениях». У него два сына и дочь.

Вопросы и задания к тексту:

1. Перескажите сюжет романа. Укажите завязку, развитие действия, кульминацию, развязку.
2. В какие ситуации попадает Робинзон? Как он выходит из них?

3. Охарактеризуйте главного героя.
4. Прочитайте отрывок из «Робинзона Крузо».

(отрывок)

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Календарь Робинзона. Робинзон устраивает своё жильё

- Вскоре после того, как я поселился на острове, мне вдруг пришло в голову, что я потеряю счёт времени и даже перестану отличать воскресенье от будней, если не заведу календаря.

Календарь я устроил так: обтесал топором большое бревно и вбил его в песок на берегу, на том самом месте, куда меня выбросило бурей, и прибил к этому столбу перекладину, на которой вырезал крупными буквами такие слова:

ЗДЕСЬ Я ВПЕРВЫЕ
СТУПИЛ НА ЭТОТ ОСТРОВ
30 СЕНТЯБРЯ 1659 ГОДА

С тех пор я каждый день делал на своем столбе зарубку в виде короткой чёрточки. Через шесть черточек я делал одну длиннее – это означало воскресенье; зарубки же, обозначающие первое число каждого месяца, я делал еще длиннее. Таким образом я вёл мой календарь, отмечая дни, недели, месяцы и годы.

Перечисляя вещи, перевезённые мною с корабля, как уже было сказано, в одиннадцать приёмов, я не упомянул о многих мелочах, хотя и не особенно ценных, но сослуживших мне тем не менее большую службу. Так, например, в каютах капитана и его помощника я нашёл чернила, перья и бумагу, три или четыре компаса, некоторые астрономические приборы, подзорные трубы, географические карты и корабельный журнал. Всё это я сложил в один из сундуков на всякий случай, не зная даже, понадобится ли мне что-нибудь из этих вещей. Затем мне попалось несколько книг на португальском языке. Я подобрал и их.

Были у нас на корабле две кошки и собака. Кошек я перевёз на берег на плоту; собака же ещё во время моей первой поездки сама спрыгнула в воду и поплыла за мной. Много лет она была мне надёжным помощником, служила мне верой и правдой. Она почти заменяла мне человеческое общество, только не могла говорить. О, как бы дорого я дал, чтобы она заговорила!

Чернила, перья и бумагу я старался всячески беречь. Пока у меня были чернила, я подробно записывал всё, что случалось со мной; когда же они иссякли, пришлось прекратить записи, так как я не умел делать чернила и не мог придумать, чем их заменить.

Вообще, хотя у меня был такой обширный склад всевозможных вещей, мне, кроме чернил, недоставало ещё очень многого: у меня не было ни лопаты, ни заступа, ни кирки – ни одного инструмента для земляных работ. Не было ни иголок, ни ниток. Мое бельё пришло в полную негодность, но вскоре я научился обходиться совсем без белья, не испытывая большого лишения.

Так как мне не хватало нужных инструментов, всякая работа шла у меня очень медленно и давалась с большим трудом. Над тем частоколом, которым я обвёл мое жилище, я работал чуть не целый год. Нарубить в лесу толстые жерди, вытесать из них колья, перетащить эти колья к палатке – на всё это нужно было много времени. Колья были очень тяжёлые, так что я мог поднять не более одного зараз, и порою у меня уходило два дня лишь на то, чтобы вытесать кол и принести его домой, а третий день – чтобы вбить его в землю.

Вбивая колья в землю, я употреблял сначала тяжёлую дубину, но потом я вспомнил, что у меня есть железные ломы, которые я привёз с корабля. Я стал работать ломом, хотя не скажу, чтобы это сильно облегчило мой труд. Вообще вбивание кольев было для меня одной из самых утомительных и неприятных работ. Но мне ли было этим смущаться? Ведь всё равно я не знал, куда мне девать моё время, и другого дела у меня не было, кроме скитаний по острову в поисках пищи; этим делом я занимался аккуратно изо дня в день.

Порою на меня нападало отчаяние, я испытывал смертельную тоску, чтобы побороть эти горькие чувства, я взял перо и попытался доказать себе самому, что в моем бедственном положении есть всё же немало хорошего.

Я разделил страницу пополам и написал слева «худо», а справа «хорошо», и вот что у меня получилось:

ХУДО

Я заброшен на уны-
лый, необитаемый ост-
ров, и у меня нет ника-
кой надежды спастись.
Я удалён от всего
человечества; я пустын-
ник, изгнанный навсегда
из мира людей.

У меня мало одеж-
ды, и скоро мне нечем
будет прикрыть наготу.
Я не могу защитить
себя, если на меня на-
падут злые люди или
дикие звери.

Мне не с кем пере-
молвиться словом, не-
кому ободрить и уте-
шить меня.

Эти размышления оказали мне большую поддержку. Я увидел, что мне не следует унывать и отчаиваться, так как в самых тяжёлых горестях можно и должно найти утешение.

Я успокоился и стал гораздо бодрее. До той поры я только и думал, как бы мне покинуть этот остров; целыми часами я вглядывался в морскую даль – не покажется ли где-нибудь корабль. Теперь же, покончив с пустыми надеждами, я

ХОРОШО

Но я остался в жи-
вых, хотя мог бы уто-
нуть, как все мои спут-
ники.

Но я не умер с го-
луду и не погиб в этой
пустыне.

Но климат здесь
жаркий, и можно обой-
тись без одежды.

Но здесь нет ни лю-
дей, ни зверей. И я
могу считать себя счаст-
ливым, что меня не вы-
бросило на берег Афри-
ки, где столько свире-
пых хищников.

Но я успел запастись
всем необходимым для
жизни и обеспечить себе
пропитание до конца сво-
их дней.

стал думать о том, как бы мне получше наладить мою жизнь на острове.

Я уже описывал своё жилище. Это была палатка, разбитая на склоне горы и обнесённая крепким двойным частоколом. Но теперь мою ограду можно было назвать стеной или валом, потому что вплотную к ней, с наружной её стороны, я вывел земляную насыпь в два фута толщиной.

Спустя ещё некоторое время (года через полтора) я положил на свою насыпь жерди, прислонив их к откосу горы, а сверху сделал настил из веток и длинных широких листьев. Таким образом, мой дворик оказался под крышей, и я мог не бояться дождей, которые, как я уже говорил, в определённое время года беспощадно поливали мой остров.

Читатель уже знает, что всё имущество я перенёс в свою крепость сначала только в ограду, а затем и в пещеру, которую я вырыл в холме за палаткой. Но я должен сознаться, что первое время мои вещи были свалены в кучу, как попало, и загромождали весь двор. Я постоянно натёкался на них, и мне буквально негде было повернуться. Чтобы уложить всё как следует, пришлось расширить пещеру.

После того как я заделал вход в ограду и, следовательно, мог считать себя в безопасности от нападения хищных зверей, я принялся расширять и удлинять мою пещеру. К счастью, гора состояла из рыхлого песчаника. Прокопав землю вправо, сколько было нужно по моему расчёту, я повернул ещё правее и вывел ход наружу, за ограду.

Этот сквозной подземный ход – чёрный ход моего жилища – не только давал мне возможность свободно уходить со двора и возвращаться домой, но и значительно увеличивал площадь моей кладовой.

Покончив с этой работой, я принялся мастерить себе мебель. Всего нужнее были мне стол и стул: без стола и стула я не мог вполне наслаждаться даже теми скромными удобствами, какие были доступны мне в моём одиночестве, - не мог ни есть по-человечески, ни писать, ни читать.

И вот я стал столяром.

Ни разу в жизни до той поры я не брал в руки столярного инструмента, и тем не менее благодаря природной сообразительности и упорству в труде я мало-помалу приобрёл такой опыт, что, будь у меня всё необходимые инструменты, мог бы сколотить любую мебель.

Но даже и без инструментов или почти без инструментов, с одним только топором да рубанком, я сделал множество вещей, хотя, вероятно, никто ещё не делал их столь первобытным способом и не затрачивал при этом так много труда. Только для того чтобы сделать доску, я должен был срубить дерево, очистить ствол от ветвей и обтёсывать с обеих сторон до тех пор, пока он не превратится в какое-то подобие доски. Способ был неудобный и очень невыгодный, так как из целого дерева выходила лишь одна доска. Но ничего не поделаешь, приходилось терпеть. К тому же моё время и мой труд стоили очень дёшево, так не всё ли равно, куда и на что они шли?

Итак, прежде всего я сделал себе стол и стул. Я употребил на это короткие доски, взятые с корабля. Затем я натесал длинных досок своим первобытным способом и приладил в моём погребе несколько полок, одну над другой, фута по полтора шириной. Я сложил на них инструменты, гвозди, обломки железа и прочую мелочь – словом, разложил всё по местам, чтобы, когда понадобится, я мог легко найти каждую вещь.

Кроме того, я вбил в стену моего погреба колышки и развесил на них ружья, пистолеты и прочие вещи.

Кто увидел бы после этого мою пещеру, наверное принял бы её за склад всевозможных хозяйственных принадлежностей. И для меня было истинным удовольствием заглядывать в этот склад – так много было там всякого добра, в таком порядке были разложены и развешаны все вещи, и каждая мелочь была у меня под рукой.

С этих-то пор я и начал вести свой дневник, записывая всё, что я сделал в течение дня. Первое время мне было не до записей: я был слишком завален работой; к тому же меня

удручали тогда такие мрачные мысли, что я боялся, как бы они не отразились в моем дневнике.

Но теперь, когда мне наконец удалось совладать со своей тоской, когда, перестав баюкать себя бесплодными мечтами и надеждами, я занялся устройством своего жилья, привёл в порядок своё домашнее хозяйство, смастерил себе стол и стул, вообще устроился по возможности удобно и уютно, я принялся за дневник. Привожу его здесь целиком, хотя большая часть описанных в нём событий уже известна читателю из предыдущих глав. Повторяю, я вёл мой дневник аккуратно, пока у меня были чернила. Когда же чернила вышли, дневник поневоле пришлось прекратить. Прежде всего я сделал себе стол и стул.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ***Дневник Робинзона***

30 сентября 1659 года. Наш корабль, застигнутый в открытом море страшным штормом, потерпел крушение. Весь экипаж, кроме меня, утонул; я же, несчастный Робинзон Крузо, был выброшен полумёртвым на берег этого проклятого острова, который назвал островом Отчаяния.

До поздней ночи меня угнетали самые мрачные чувства: ведь я остался без еды, без жилья; у меня не было ни одежды, ни оружия; мне негде было спрятаться, если бы на меня напали враги. Спасения ждать было неоткуда. Я видел впереди только смерть: либо меня растерзают хищные звери, либо убьют дикари, либо я умру голодной смертью.

Когда настала ночь, я влез на дерево, потому что боялся зверей. Всю ночь я проспал крепким сном, несмотря на то, что шёл дождь.

1 октября. Проснувшись поутру, я увидел, что наш корабль сняло с мели приливом и пригнало гораздо ближе к берегу. Это подало мне надежду, что, когда ветер стихнет, мне удастся добраться до корабля и застаться едой и другими необходимыми вещами. Я немного приободрился, хотя печаль о погибших товарищах не покидала меня. Мне всё думалось, что,

останься мы на корабле, мы непременно спаслись бы. Теперь из его обломков мы могли бы построить баркас, на котором и выбрались бы из этого гиблого места.

Как только начался отлив, я отправился на корабль. Сначала я шёл по обнажившемуся дну моря, а потом пустился вплавь. Весь этот день дождь не прекращался, но ветер утих совершенно.

С 1 по 24 октября я был занят перевозкой вещей. Я отплывал на корабль с наступлением отлива и плыл обратно, когда начинался прилив. Вещи перевозил на плотах. Всё время шли дожди; порою погода прояснялась, но ненадолго: должно быть, в здешних широтах это период дождей.

25 октября. Всю ночь и весь день шёл дождь и дул сильный порывистый ветер. Корабль за ночь разбило в щепки; на том месте, где он стоял, торчат какие-то жалкие обломки, да и те видны только во время отлива. Весь этот день я хлопотал около вещей: укрывал и укутывал их, чтобы не испортились от дождя.

26 октября. Нашёл, как мне кажется, подходящее место для жилья. Нужно будет обнести его частоколом.

С 27 по 30 октября усиленно работал: перетаскивал своё имущество в новое жилище, хотя почти всё время шёл дождь.

31 октября. Утром бродил по острову с ружьём, надеясь подстрелить какую-нибудь дичь, а к стати и осмотреть окрестности. Убил козу. Её козлёнок побежал за мной и проводил меня до самого дома, но вскоре пришлось убить и его – он был так мал, что ещё не умел есть траву.

1 ноября. Разбил на новом месте, у самой горы, большую палатку и повесил в ней на кольях гамак.

4 ноября. Распределил своё время, назначив определённые часы для охоты за дичью, для работы, для сна и для развлечений. С утра, если нет дождя, часа два – три брожу по острову с ружьём, затем до одиннадцати работаю, в одиннадцать завтракаю, с двенадцати до двух отдыхаю (так как это самая жаркая пора дня), с двух опять принимаюсь за работу. В последние два дня я мастерил стол. В то время я был ещё плохим столяром. Но чему не научит нужда! Я становлюсь

мастером на все руки. Без сомнения, такого же мастерства достиг бы и всякий другой, если бы очутился в моём положении.

13 ноября. Шёл дождь. Земля и воздух заметно освежились, и стало легче дышать, но всё время гремел страшный гром и сверкала молния, так что я испугался, как бы не воспламенился мой порох. Когда гроза прошла, я решил весь мой запас пороха разделить на самые мелкие части и хранить в разных местах, чтобы он не взорвался весь разом.

14, 15 и 16 ноября. Все эти дни делал ящички для пороха; в каждый такой ящичек должно войти от одного до двух фунтов. Сегодня разложил весь порох по ящичкам и запрятал их в расселины горы, как можно дальше один от другого. Вчера убил большую птицу. Что это за птица, не знаю. Мясо у неё было вкусное <...>.

Вопросы и задания к тексту:

1. Какое место занимают данные главы в произведении?
2. О каких событиях своей жизни в этих отрывках повествует Робинзон?
3. Как характеризуют героя его действия?
4. Какие жанровые признаки отличают второй отрывок? Почему выбрана именно такая жанровая форма повествования?
5. Прочитайте краткое содержание «Путешествия Гулливера».

Дж. Свифт **Путешествия Гулливера (1727)** ***(краткое содержание)***

Отплывая из реально существующего на любой карте портового города, Гулливер неожиданно попадает в диковинную страну Лилипутию, где живут очень маленькие люди. Поначалу эти странные, невероятно маленькие по размеру люди (соответственно столь же миниатюрно и всё, что

их окружает) встречают Человека Горы (так называют они Гулливера) достаточно приветливо: ему предоставляют жильё, принимаются специальные законы, которые как-то упорядочивают его общение с местными жителями, с тем чтобы оно протекало гармонично и безопасно для обеих сторон, обеспечивают его питанием, что непросто, ибо рацион незваного гостя в сравнении с их собственным грандиозен (он равен рациону 1728 лилипутов). С ним приветливо беседует сам император, после оказанной Гулливером ему и всему его государству помощи (тот пешком выходит в пролив, отделяющий Лилипутию от соседнего и враждебного государства Блефуску, и приволакивает на веревке весь блефусканский флот), ему жалуют титул нардака, самый высокий титул в государстве. Гулливера знакомят с обычаями страны: например, показывают упражнения канатных плясунов, служащие способом получить освободившуюся должность при дворе. Далее Гулливера посвящают в политическую систему страны: оказывается, в Лилипутии существуют две «враждующие партии, известные под названием Тремексенов и Слемексенов», отличающиеся друг от друга лишь тем, что сторонники одной являются приверженцами низких каблуков, а другой – высоких, причём между ними происходят на этой, несомненно весьма значимой, почве «жесточайшие раздоры»: «утверждают, что высокие каблуки всего более согласуются с древним государственным укладом» Лилипутии, однако император «постановил, чтобы в правительственных учреждениях употреблялись только низкие каблуки». Ещё более существенные обстоятельства вызвали к жизни «ожесточённейшую войну», которую ведут между собой «две великие империи» (Лилипутия и Блефуску: с какой стороны разбивать яйца: с тупого конца или же совсем наоборот, с острого).

Не все советники императора разделяют его восторги относительно Человека Горы, многим возвышение совсем не по нраву. Обвинительный акт, который эти люди организуют, обращает все оказанные Гулливером благодеяния в преступления. «Враги» требуют смерти, причём способы

предлагаются один страшнее другого. И лишь главный секретарь по тайным делам Рельдресель, известный как «истинный друг» Гулливера, оказывается истинно гуманным: его предложение сводится к тому, что достаточно Гулливеру выколоть оба глаза; «такая мера, удовлетворив в некоторой степени правосудие, в то же время приведёт в восхищение весь мир, который будет приветствовать столько же кротость монарха, сколько благородство и великодушные лиц, имеющих честь быть его советниками». В действительности же «потеря глаз не нанесёт никакого ущерба физической силе Гулливера, благодаря которой он ещё сможет быть полезен его величеству».

После бегства в Блефуску Гулливер на выстроенной им лодке отплывает и, случайно встретив английское купеческое судно, благополучно возвращается в родные пенаты. С собой он привозит миниатюрных овечек, каковые через несколько лет расплодилось настолько, что, как говорит Гулливер, «я надеюсь, что они принесут значительную пользу суконной промышленности».

Вторым странным государством, куда попадает неугомонный Гулливер, оказывается Бробдинггет – государство великанов, где уже Гулливер оказывается своеобразным лилипутом. Гулливер и местное население, в сравнении с предыдущим сюжетом, словно меняются ролями, и обращение местных жителей с Гулливером на этот раз в точности соответствует тому, как вёл себя сам Гулливер с лилипутами, во всех подробностях и деталях.

В этой стране, где Гулливер оказывается даже больше (или, точнее, меньше), чем просто карлик, он претерпевает множество приключений, попадая в итоге снова к королевскому двору, становясь любимым собеседником самого короля. В одной из бесед с его величеством Гулливер рассказывает ему о своей стране. Для неискущённых его собеседников все рассказы Гулливера покажутся беспредельным абсурдом, бредом, подчас просто выдумкой, враньём.

В третьей книге Гулливер попадает сначала на летающий остров Лапуту. И вновь всё, что наблюдает и

описывает он, - верх абсурда. И всё узнаваемо: как мелочи житейского свойства, типа присущего лапутянам «пристрастия к новостям и политике», так и вечно живущий в их умах страх, вследствие которого «лапутяне постоянно находятся в такой тревоге, что не могут ни спокойно спать в своих кроватях, ни наслаждаться обыкновенными удовольствиями и радостями жизни». Зримое воплощение абсурда как основы жизни на острове – хлопальщики, назначение которых заставить слушателей (собеседников) сосредоточить свое внимание на том, о чём им в данный момент повествуют. Когда Гулливер с острова спустится на «континент» и попадет в его столицу город Лагадо, он будет потрясён сочетанием беспредельного разорения и нищеты, которые бросятся в глаза повсюду, и своеобразных оазисов порядка и процветания: оказывается, оазисы эти – всё, что осталось от прошлой, нормальной жизни. А потом появились некие «прожектёры», которые, побывав на острове и, «возвратившись на землю, прониклись презрением ко всем учреждениям и начали составлять проекты пересоздания науки, искусства, законов, языка и техники на новый лад». Сначала Академия прожектёров возникла в столице, а затем и во всех сколько-нибудь значительных городах страны.

Утомившись от всех этих чудес, Гулливер решил отплыть в Англию, однако на его пути домой оказался почему-то сначала остров Глаббдобдриб, а затем королевство Лаггнегг.

В четвёртой, заключительной части романа Гулливер попадает в страну гуигнгнмов. Гуигнгнмы – это кони, но именно в них наконец находит Гулливер вполне человеческие черты, то есть те черты, каковые хотелось бы, наверное, Свифту наблюдать у людей. А в услужении у гуигнгнмов живут злобные и мерзкие существа еху, как две капли воды похожие на человека, только лишённые покрова цивилизации, а потому представляющиеся отвратительными созданиями, настоящими дикарями рядом с благовоспитанными, высоконравственными, добропорядочными конями-гуигнгнмами, где живы и честь, и благородство, и достоинство, и скромность, и привычка к воздержанию.

Эти симпатичные и добропорядочные гуингнмы изгоняют из своего «стада» затесавшегося в него «чужака» Гулливера. Ведь он слишком похож на еху, и им дела нет до того, что сходство у Гулливера с этими существами только в строении тела и ни в чём более. Они решают, что если еху, то и жить ему должно рядом с еху, а не среди «приличных людей», т.е. коней. Утопия не получилась, и Гулливер напрасно мечтал остаток дней своих провести среди этих симпатичных ему добрых зверей. Идея терпимости оказывается чуждой даже и им. Герой завершает свои странствия, в очередной раз возвратясь домой, «удаляясь в свой садик в Редрифе наслаждаться размышлениями, осуществлять на практике превосходные уроки добродетели».

Вопросы и задания к тексту:

1. Перескажите сюжет романа. Сколько в нём частей?
2. В какие ситуации попадает Гулливер? Какие страны он посещает?
3. Охарактеризуйте главного героя.
4. Прочитайте отрывок романа Дж. Свифта.

(отрывки)

Часть первая.

Путешествие в Лилипутию

Глава 4

Описание мильдендо, столицы Лилипутии, и императорского дворца. Беседа автора с первым секретарем о государственных делах. Автор предлагает свои услуги императору в его войнах

Получив свободу, я прежде всего попросил разрешения осмотреть Мильдендо, столицу государства. Император без труда мне его дал, но строго наказал не причинять никакого вреда ни жителям, ни их домам. О моём намерении посетить город население было оповещено особой прокламацией. Столица окружена стеной вышиною в два с половиной фута и толщиной не менее одиннадцати дюймов, так что по ней

совершенно безопасно может проехать карета, запряжённая парой лошадей; стена эта прикрыта крепкими башнями, возвышающимися на расстоянии десяти футов одна от другой. Перешагнув через большие Западные Ворота, я очень медленно, боком, прошёл по двум главным улицам в одном жилете, из боязни повредить крыши и карнизы домов полами своего кафтана. Подвигался я крайне осмотрительно, чтобы не растоптать беспечных прохожих, оставшихся на улице вопреки отданному жителям столицы строгому приказу не выходить для безопасности из дому. Окна верхних этажей и крыши домов были покрыты таким множеством зрителей, что, я думаю, ни в одно из моих путешествий мне не случилось видеть более людного места. Город имеет форму правильного четырёхугольника, и каждая сторона городской стены равна пятистам футам. Две главные улицы, шириною в пять футов каждая, пересекаются под прямым углом и делят город на четыре квартала. Боковые улицы и переулки, куда я не мог войти и только видел их, имеют в ширину от двенадцати до восемнадцати дюймов. Город может вместить до пятисот тысяч душ. Дома трёх- и пятиэтажные. Лавки и рынки полны товаров.

Императорский дворец находится в центре города на пересечении двух главных улиц. Он окружён стеною в два фута вышины, отстоящей от построек на двадцать футов. Я имел позволение его величества перешагнуть через стену, и так как расстояние, отделявшее её от дворца, было достаточно велико, то легко мог осмотреть последний со всех сторон. Внешний двор представляет собою квадрат со стороною в сорок футов и вмещает два других двора, из которых во внутреннем расположены императорские покои. Мне очень хотелось их осмотреть, но осуществить это желание было трудно, потому что главные ворота, соединяющие один двор с другим, имели только восемнадцать дюймов в высоту и семь дюймов в ширину. С другой стороны здания внешнего двора достигают высоты не менее пяти футов, и потому я не мог перешагнуть через них, не нанеся значительных повреждений постройкам, несмотря на то, что стены у них прочные, из тесаного камня, и в толщину четыре дюйма. В то же время и император очень желал

показать мне великолепие своего дворца. Однако мне удалось осуществить наше общее желание только спустя три дня, которые я употребил на подготовительные работы. В императорском парке, в ста ярдах от города, я срезал своим перочинным ножом несколько самых крупных деревьев и сделал из них два табурета вышиною около трех футов и достаточно прочных, чтобы выдержать мою тяжесть. Затем после второго объявления, предостерегающего жителей, я снова прошёл ко дворцу через город с двумя табуретами в руках. Подойдя со стороны внешнего двора, я стал на один табурет, поднял другой над крышей и осторожно поставил его на площадку шириною в восемь футов, отделявшую первый двор от второго. Затем я свободно перешагнул через здания с одного табурета на другой и поднял к себе первый длинной палкой с крючком. При помощи таких ухищрений я достиг самого внутреннего двора; там я лёг на землю и приблизил лицо к окнам среднего этажа, которые нарочно бы ли оставлены открытыми: таким образом я получил возможность осмотреть роскошнейшие палаты, какие только можно себе представить. Я увидел императрицу и молодых принцев в их покоях, окруженных свитой. Её императорское величество милостиво соизволила улыбнуться мне и грациозно протянула через окно свою ручку, которую я поцеловал.

Однако я не буду останавливаться на дальнейших подробностях, потому что приберегаю их для почти готового уже к печати более обширного труда, который будет заключать в себе общее описание этой империи со времени ее основания, историю ее монархов в течение длинного ряда веков, наблюдения относительно их войн и политики, законов, науки и религии этой страны; её растений и животных; нравов и обычаев её обитателей и других весьма любопытных и поучительных материй. В настоящее же время моя главная цель заключается в изложении событий, которые произошли в этом государстве во время почти девятимесячного моего пребывания в нем.

Однажды утром, спустя две недели после моего освобождения, ко мне приехал, в сопровождении только одного

лакея, Рельдресель, главный секретарь (как его титулуют здесь) по тайным делам. Приказав кучеру ожидать в сторонке, он попросил меня уделить ему один час и выслушать его. Я охотно согласился на это из уважения к его сану и личным достоинствам, а также принимая во внимание многочисленные услуги, оказанные им мне при дворе. Я изъявил готовность лечь на землю, чтобы его слова могли легче достигать моего уха, но он предпочёл, чтобы во время нашего разговора я держал его в руке. Прежде всего он поздравил меня с освобождением, заметив, что в этом деле и ему принадлежит некоторая заслуга; он прибавил, однако, что если бы не теперешнее положение вещей при дворе, я, пожалуй, не получил бы так скоро свободы. Каким бы блестящим ни казалось иностранцу наше положение, сказал секретарь, однако над нами тяготееют два страшных зла: жесточайшие раздоры партий внутри страны и угроза нашествия могущественного внешнего врага. Что касается первого зла, то надо вам сказать, что около семидесяти лун тому назад в империи образовались две враждующие партии, известные под названием Тремексенов и Слемексенов, от высоких и низких каблуков на башмаках, при помощи которых они отличаются друг от друга. Утверждают, что высокие каблуки всего более согласуются с нашим древним государственным укладом, однако, как бы там ни было, его величество постановил, чтобы в правительственных должностях, а также во всех должностях, раздаваемых короной, употреблялись только низкие каблуки, на что вы, наверное, обратили внимание. Вы, должно быть, заметили также, что каблуки на башмаках его величества на один дрепп ниже, чем у всех придворных (дрепп равняется четырнадцатой части дюйма). Ненависть между этими двумя партиями доходит до того, что члены одной не станут ни есть, ни пить, ни разговаривать с членами другой. Мы считаем, что тремексены, или Высокие Каблуки, превосходят нас числом, хотя власть всецело принадлежит нам. Но мы опасаемся, что его императорское высочество, наследник престола, имеет некоторое расположение к Высоким Каблукам; по крайней мере, не трудно заметить, что один каблук у него выше другого,

вследствие чего походка его высочества прихрамывающая. И вот, среди этих междоусобиц, в настоящее время нам грозит нашествие с острова Блефуску – другой великой империи во вселенной, почти такой же обширной и могущественной, как империя его величества. И хотя вы утверждаете, что на свете существуют другие королевства и государства, населённые такими же громадными людьми, как вы, однако наши философы сильно сомневаются в этом: они скорее готовы допустить, что вы упали с луны или с какой-нибудь звезды, так как несомненно, что сто смертных вашего роста в самое короткое время могли бы истребить все плоды и весь скот владений его величества. Кроме того, наши летописи за шесть тысяч лун не упоминают ни о каких других странах, кроме двух великих империй – Лилипутии и Блефуску. Итак, эти две могущественные державы ведут между собой ожесточённейшую войну в продолжение тридцати шести лун. Поводом к войне послужили следующие обстоятельства. Всеми разделяется убеждение, что вареные яйца при употреблении их в пищу испокон веков разбивались с тупого конца; но дед нынешнего императора, будучи ребенком, порезал себе палец за завтраком, разбивая яйцо означенным древним способом. Тогда император, отец ребенка, обнародовал указ, предписывающий всем его подданным под страхом строгого наказания разбивать яйца с острого конца. Этот закон до такой степени озлобил население, что, по словам наших летописей, был причиной шести восстаний, во время которых один император потерял жизнь, а другой – корону. Мятежи эти постоянно разжигались монархами Блефуску, а после их подавления изгнанники всегда находили приют в этой империи. Насчитывают до одиннадцати тысяч фанатиков, которые в течение этого времени пошли на казнь, лишь бы не разбивать яйца с острого конца. Были напечатаны сотни огромных томов, посвящённых этой полемике, но книги Тупоконечников давно запрещены, и вся партия лишена законом права занимать государственные должности. В течение этих смут императоры Блефуску часто через своих посланников делали нам предостережения, обвиняя нас в церковном расколе путём нарушения основного догмата

великого нашего пророка Люстрога, изложенного в пятьдесят четвёртой главе Блундекраля (являющегося их Алькораном). Между тем это просто насильственное толкование текста, подлинные слова которого гласят: Все истинно верующие да разбивают яйца с того конца, с какого удобнее. Решение же вопроса: какой конец признать более удобным, по моему скромному суждению, должно быть предоставлено совести каждого или, в крайнем случае, власти верховного судьи империи. Изгнанные Тупоконечники возымели такую силу при дворе императора Блефуску и нашли такую поддержку и поощрение со стороны своих единомышленников внутри нашей страны, что в течение тридцати шести лун оба императора ведут кровавую войну с переменным успехом. За это время мы потеряли сорок линейных кораблей и огромное число мелких судов с тридцатью тысячами лучших моряков и солдат; полагают, что потери неприятеля ещё значительнее. Но, несмотря на это, неприятель снарядил новый многочисленный флот и готовится высадить десант на нашу территорию. Вот почему его императорское величество, вполне доверяясь вашей силе и храбрости, повелел мне сделать настоящее изложение наших государственных дел.

Я просил секретаря засвидетельствовать императору моё нижайшее почтение и довести до его сведения, что, хотя мне, как иностранцу, не следовало бы вмешиваться в раздоры партий, тем не менее я готов, не щадя своей жизни, защищать его особу и государство от всякого иноземного вторжения <...>

Часть вторая.

Путешествие в Броббингнег

Глава 4

Описание страны. Предлагаемое автором исправление географических карт. Королевский дворец и несколько слов о столице. Способ путешествия автора. Описание главного храма

Теперь я собираюсь дать читателю краткое описание страны, по крайней мере той её части, которую я объехал и которая простиралась не более чем на две тысячи миль вокруг

Лорбрульгруда, столицы королевства. Королева, возившая меня с собой, никогда не отъезжала от столицы дальше, сопровождая короля в его путешествиях; там она обыкновенно делала остановку и ожидала возвращения его величества с границ государства. Владения этого монарха простираются на шесть тысяч миль в длину и от трёх до пяти тысяч миль в ширину. Отсюда я заключаю, что наши европейские географы совершают большую ошибку, предполагая существование сплошного океана между Японией и Калифорнией; я был всегда того мнения, что здесь необходимо должна быть земля, служащая противовесом громадному материка Татарии; вследствие этого им необходимо исправить свои карты и планы, присоединив обширное пространство земли к северо-западным частям Америки, в чем я охотно окажу им помощь.

Описываемое королевство есть полуостров, ограниченный на северо-востоке горным хребтом высотой до тридцати миль; этот хребет совершенно непроходим по причине вулканов, венчающих его вершины. Величайшие учёные не знают, какого рода смертные живут по ту сторону гор и даже вообще обитаемы ли те места. С остальных трёх сторон полуостров окружён океаном. Во всем королевстве нет ни одного морского порта, и те побережья, где реки впадают в море, так густо усеяны острыми скалами и море там так бурно, что никто не отваживается проникнуть в него даже в самой маленькой лодке; таким образом, эти люди совершенно отрезаны от общения с остальным миром. Но их большие реки покрыты судами и изобилуют превосходной рыбой; морскую же рыбу они ловят редко, потому что она такой же величины, как и в Европе, и, следовательно, для них слишком мелка. Отсюда ясно, что природа, произведя растения и животных столь огромных размеров, ограничила их распространение только этим континентом; причины этого явления пусть определяют философы. Впрочем, иногда туземцы ловят китов, когда последних прибывает к скалам, и простой народ охотно употребляет их в пищу. Я видел там таких китов, что человек едва мог нести их на плечах. Иногда, как диковинку, их привозят в корзинах в Лорбрульгруд. Мне привелось видеть

кита редкой величины на блюде за королевским столом, но я не заметил, чтобы это кушанье понравилось королю; мне кажется даже, что он чувствовал отвращение к этой громаде, хотя в Гренландии я встречал китов ещё больших размеров.

Страна эта плотно населена, ибо она заключает в себе пятьдесят один большой город, около ста крепостей, обнесённых стенами, и большое число деревень. Для удовлетворения любопытства читателей достаточно будет описать Лорбрульгруд. Город этот расположен по обоим берегам реки, которая делит его на две почти равные части. В нём свыше восьмидесяти тысяч домов и около шестисот тысяч жителей. Он тянется в длину на три глонглюнга (что составляет около пятидесяти четырёх английских миль), а в ширину на два с половиной глонглюнга. Я сам произвёл эти измерения на карте, составленной по приказанию короля и нарочно для меня разложенной на земле, где она занимала пространство в сто футов. Разувшись, я прошёл несколько раз по диаметру и окружности карты, сосчитал число моих шагов и без труда определил по масштабу точное протяжение города.

Королевский дворец не представляет собой одного правильного здания: это скученная масса построек, занимающих семь миль в окружности; главные комнаты имеют обыкновенно двести сорок футов вышины и соответствующую длину и ширину. Для меня и Глюмдальклич была предоставлена карета, в которой она вместе с гувернанткой часто ездила осматривать город или делать покупки. В этих прогулках я всегда принимал участие, сидя в своем ящике; но по моей просьбе девочка вынимала меня оттуда и держала на руке, чтобы мне было удобнее рассматривать дома и людей, когда мы проезжали по улицам. Мне кажется, что наша карета была не меньше Вестминстер-Холла, но не такая высокая; впрочем, я не могу поручиться за точность моих сравнений. Однажды гувернантка приказала кучеру остановиться возле лавок; воспользовавшись этим случаем, по сторонам кареты столпились нищие, и тут для моего непривычного европейского глаза открылось самое ужасное зрелище. Среди них была женщина, поражённая раком; её грудь была чудовищно вздута, и на ней зияли раны такой

величины, что в две или три из них я легко мог забраться и скрыться там целиком. У другого нищего на шее висел зоб величиной в пять тюков шерсти; третий стоял на деревянных ногах, вышиною в двадцать футов каждая. Но омерзительнее всего было видеть вшей, ползавших по их одежде. Простым глазом я различал лапы этих паразитов гораздо лучше, чем мы видим в микроскоп лапки европейской вши; так же ясно я видел их рыла, которыми они копались, как свиньи. В первый раз в жизни я встретил подобных животных, и я бы с большим интересом анатомировал одно из них, несмотря на то что отвратительный их вид возбуждал во мне тошноту, если бы у меня были хирургические инструменты (которые, к несчастью, остались на корабле).

Кроме большого ящика, в котором меня обыкновенно носили, королева заказала специально для поездок другой, поменьше, около двенадцати футов в длину и ширину и около десяти футов в высоту, так как первый был слишком велик для колен Глюмдальклич и загромождал карету. Этот второй ящик был сделан по моим указаниям тем же самым мастером; он был совершенно квадратный, и в трёх его стенках было проделано по окну; каждое окно было защищено снаружи железной проволокой для ограждения от всяких случайностей во время далёких путешествий. К четвёртой, глухой, стороне были прикреплены две прочных скобы, в которые лицо, бравшее меня с собой, когда у меня являлось желание ехать на лошади, просовывало кожаный ремень и застегивало его у себя на поясе. Обязанность эта всегда поручалась какому-нибудь верному и опытному слуге, на которого я мог положиться, сопровождал ли я короля и королеву в их путешествиях, хотелось ли мне посмотреть сады или сделать визит придворной даме или министру в то время, когда Глюмдальклич чувствовала себя нездоровой; ибо я скоро познакомился с самыми высокими сановниками, которые стали оказывать мне величайшее почтение, хотя, вероятно, не столько вследствие моих личных достоинств, сколько потому, что я был в милости у их величеств. Если во время путешествия меня утомляла езда в карете, то слуга, ехавший верхом, пристегивал к себе мой ящик

и ставил его на подушку перед собой. Таким образом, я мог из окон осматривать окрестности с трёх сторон. В ящике у меня были походная постель, гамак, подвешенный к потолку, два стула и стол, крепко привинченные к полу, чтобы они не могли падать и опрокидываться во время движения лошади или кареты. Мне, как человеку, давно привыкшему к морю, эти движения, хотя по временам они были очень резкими, не причиняли большого беспокойства <...>.

Часть третья.
Путешествие в Лапугу, Бальнибарби, Лаггегг,
Глаббдобдриб и Японию

Глава 5

Автору дозволяют осмотреть Большую Академию в Лагадо. Подробное описание Академии. Искусства, изучением которых занимаются профессора

Эта Академия занимает не одно отдельное здание, а два ряда заброшенных домов по обеим сторонам улицы, которые были приобретены и приспособлены для её работ.

Я был благосклонно принят президентом и посещал Академию ежедневно в течение довольно продолжительного времени. Каждая комната заключала в себе одного или нескольких прожектёров, и я думаю, что побывал не менее чем в пятистах комнатах.

Первый учёный, которого я посетил, был тощий человек с закопчённым лицом и руками, с длинными всклокоченными и местами опалёнными волосами и бородой. Его платье, рубаха и кожа были такого же цвета. Восемь лет он разрабатывал проект извлечения из огурцов солнечных лучей, которые предполагал заключить в герметически закупоренные склянки, чтобы затем пользоваться ими для согревания воздуха в случае холодного и дождливого лета. Он выразил уверенность, что еще через восемь лет сможет поставлять солнечный свет для губернаторских садов по умеренной цене; но он жаловался, что запасы его невелики, и просил меня дать ему что-нибудь в поощрение его изобретательности, тем более что огурцы в то время года были очень дороги. Я сделал ему маленький подарок из денег,

которыми предусмотрительно снабдил меня мой хозяин, хорошо знавший привычку этих господ выпрашивать подачки у каждого, кто посещает их.

Войдя в другую комнату, я чуть было не выскочил из неё вон, потому что едва не задохся от ужасного зловония. Однако мой спутник удержал меня, шёпотом сказав, что необходимо войти, иначе мы нанесём большую обиду; таким образом, я не посмел даже заткнуть нос. Изобретатель, сидевший в этой комнате, был одним из старейших членов Академии. Лицо и борода его были бледно-жёлтые, а руки и платье все вымазаны нечистотами. Когда я был ему представлен, он крепко обнял меня (любезность, без которой я отлично мог бы обойтись). С самого своего вступления в Академию он занимался превращением человеческих экскрементов в те питательные вещества, из которых они образовались, путем отделения от них некоторых составных частей, удаления окраски, сообщаемой им желчью, выпаривания зловония и выделения слюны. Город еженедельно отпускал ему посудину, наполненную человеческими нечистотами, величиной с бристолевую бочку.

Там же я увидел другого учёного, занимавшегося пережиганием льда в порошок. Он показал мне написанное им исследование о ковкости пламени, которое он собирался опубликовать <...>

Я пожаловался в это время на лёгкие колики, и мой спутник привел меня в комнату знаменитого медика, особенно прославившегося лечением этой болезни путем двух противоположных операций, производимых одним и тем же инструментом. У него был большой раздувальный мех с длинным и тонким наконечником из слоновой кости. Доктор утверждал, что, вводя трубку на восемь дюймов в задний проход и втягивая ветры, он может привести кишки в такое состояние, что они станут похожи на высохший пузырь. Но, если болезнь более упорна и жестока, доктор вводит трубку, когда мехи наполнены воздухом, и вгоняет этот воздух в тело больного; затем он вынимает трубку, чтобы вновь наполнить мехи, плотно закрывая на это время большим пальцем заднепроходное отверстие. Эту операцию он повторяет три или четыре раза,

после чего введённый в желудок воздух быстро устремляется наружу, увлекая с собой все вредные вещества (как вода из насоса), и больной выздоравливает. Я видел, как он произвёл оба опыта над собакой, но не заметил, чтобы первый оказал какое-нибудь действие. После второго животное страшно раздулось и едва не лопнуло, затем так обильно опорожнилось, что мне и моему спутнику стало очень противно. Собака мгновенно околела, и мы покинули доктора, прилагавшего старание вернуть её к жизни при помощи той же операции.

Я посетил ещё много других комнат, но, забываясь о краткости, не стану утруждать читателя описанием всех диковин, которые я там видел.

До сих пор я познакомился только с одним отделением Академии; другое же отделение было предоставлено учёным, двигавшим вперед спекулятивные науки <...>

Первый профессор, которого я здесь увидел, помещался в огромной комнате, окружённый сорока учениками. После взаимных приветствий, заметив, что я внимательно рассматриваю раму, занимавшую большую часть комнаты, он сказал, что меня, быть может, удивит его работа над проектом усовершенствования умозрительного знания при помощи технических и механических операций. Но мир вскоре оценит всю полезность этого проекта; и он льстил себя уверенностью, что более возвышенная идея никогда еще не зарождалась ни в чьей голове. Каждому известно, как трудно изучать науки и искусства по общепринятой методе; между тем благодаря его изобретению самый невежественный человек с помощью умеренных затрат и небольших физических усилий может писать книги по философии, поэзии, политике, праву, математике и богословию при полном отсутствии эрудиции и таланта. Затем он подвёл меня к раме, по бокам которой рядами стояли все его ученики. Рама эта имела двадцать квадратных футов и помещалась посередине комнаты. Поверхность её состояла из множества деревянных дощечек, каждая величиною в игральную кость, одни побольше, другие поменьше. Все они были сцеплены между собой тонкими проволоками. Со всех сторон каждой дощечки приклеено было по кусочку бумаги, и

на этих бумажках были написаны все слова их языка в различных наклонениях, временах и падежах, но без всякого порядка. Профессор попросил меня быть внимательнее, так как он собирался пустить в ход свою машину. По его команде каждый ученик взялся за железную рукоятку, которые в числе сорока были вставлены по краям рамы, и быстро повернул её, после чего расположение слов совершенно изменилось. Тогда профессор приказал тридцати шести ученикам медленно читать образовавшиеся строки в том порядке, в каком они разместились в раме; если случалось, что три или четыре слова составляли часть фразы, её диктовали остальным четырём ученикам, исполнявшим роль писцов. Это упражнение было повторено три или четыре раза, и машина была так устроена, что после каждого оборота слова принимали всё новое расположение, по мере того как квадратики переворачивались с одной стороны на другую.

Ученики занимались этими упражнениями по шесть часов в день, и профессор показал мне множество фолиантов, составленных из подобных отрывочных фраз; он намеревался связать их вместе и от этого богатого материала дать миру полный компендий всех искусств и наук; его работа могла бы быть, однако, облегчена и значительно ускорена, если бы удалось собрать фонд для сооружения пятисот таких станков в Лагадо и обязать руководителей объединить полученные ими коллекции.

Он сообщил мне, что это изобретение с юных лет поглощало все его мысли, что теперь в его станок входит целый словарь и что им точнейшим образом высчитано соотношение числа частиц, имён, глаголов и других частей речи, употребляемых в наших книгах.

Я принёс глубочайшую благодарность этому почтенному мужу за его любезное посвящение меня в тайны своего великого изобретения и дал обещание, если мне удастся когда-нибудь вернуться на родину, воздать ему должное как единственному изобретателю этой изумительной машины, форму и устройство которой я попросил у него позволения срисовать на бумаге и прилагаю свой рисунок к настоящему изданию. Я сказал ему,

что в Европе хотя и существует между учеными обычай похищать друг у друга изобретения, имеющий, впрочем, ту положительную сторону, что возбуждает полемику для разрешения вопроса, кому принадлежит подлинное первенство, тем не менее я обещаю принять все меры, чтобы честь этого изобретения всецело осталась за ним и никем не оспаривалась.

После этого мы пошли в школу языкознания, где заседали три профессора на совещании, посвящённом вопросу об усовершенствовании родного языка. Первый проект предлагал сократить разговорную речь путём сведения многосложных слов к односложным и упразднения глаголов и причастий, так как в действительности все мыслимые вещи суть только имена. Второй проект требовал полного упразднения всех слов; автор этого проекта ссылался главным образом на его пользу для здоровья и сбережение времени. Ведь очевидно, что каждое произносимое нами слово сопряжено с некоторым изнашиванием лёгких и, следовательно, приводит к сокращению нашей жизни. А так как слова суть только названия вещей, то автор проекта высказывает предположение, что для нас будет гораздо удобнее носить при себе вещи, необходимые для выражения наших мыслей и желаний. Это изобретение благодаря его большим удобствам и пользе для здоровья, по всей вероятности, получило бы широкое распространение, если бы женщины, войдя в стачку с невежественной чернью, не пригрозили поднять восстание, требуя, чтобы языку их была предоставлена полная воля, согласно старому дедовскому обычаю: так простой народ постоянно оказывается непримиримым врагом науки! Тем не менее многие весьма учёные и мудрые люди пользуются этим новым способом выражения своих мыслей при помощи вещей. Единственным его неудобством является то обстоятельство, что, в случае необходимости вести пространный разговор на разнообразные темы, собеседникам приходится таскать на плечах большие узлы с вещами, если средства не позволяют нанять для этого одного или двух дюжих парней. Мне часто случалось видеть двух таких мудрецов, изнемогавших под тяжестью ноши, подобно нашим торговцам вразнос. При встрече на улице они

снимали с плеч мешки, открывали их и, достав оттуда необходимые вещи, вели таким образом беседу в продолжение часа; затем складывали свою утварь, помогали друг другу взваливать груз на плечи, прощались и расходились.

Впрочем, для коротких и несложных разговоров можно носить всё необходимое в кармане или под мышкой, а разговор, происходящий в домашней обстановке, не вызывает никаких затруднений. Поэтому комнаты, где собираются лица, применяющие этот метод, наполнены всевозможными предметами, пригодными служить материалом для таких искусственных разговоров.

Другим великим преимуществом этого изобретения является то, что им можно пользоваться как всемирным языком, понятным для всех цивилизованных наций, ибо мебель и домашняя утварь всюду одинакова или очень похожа, так что её употребление легко может быть понято. Таким образом, посланники без труда могут говорить с иностранными королями или министрами, язык которых им совершенно неизвестен.

Я посетил также математическую школу, где учитель преподаёт по такому методу, какой едва ли возможно представить себе у нас в Европе. Каждая теорема с доказательством тщательно переписывается на тоненькой облатке чернилами, составленными из микстуры против головной боли. Ученик глотает облатку натошак и в течение трёх следующих дней не ест ничего, кроме хлеба и воды. Когда облатка переваривается, микстура поднимается в его мозг, принося с собой туда же теорему. Однако до сих пор успех этого метода незначителен, что объясняется отчасти какой-то ошибкой в определении дозы или состава микстуры, а отчасти озорством мальчишек, которым эта пилюля так противна, что они обыкновенно отходят в сторону и выплёвывают её прежде, чем она успеет оказать свое действие; к тому же до сих пор их не удалось убедить соблюдать столь продолжительное воздержание, которое требуется для этой операции <...>.

Часть четвёртая.
Путешествие в страну Гуигнгнмов

Глава 8

Автор описывает некоторые особенности еху. Великие добродетели гуигнгнмов. Воспитание и упражнения их молодого поколения. Их генеральное собрание

Так как я понимал природу человеческую лучше, чем, по моим предположениям, мог понимать её мой хозяин, то мне было нетрудно приложить изображённый им характер еху к себе самому и к моим соотечественникам, и я полагал, что при помощи самостоятельных наблюдений мне удастся сделать дальнейшие открытия. Поэтому я часто просил его милость позволения посещать окрестные стада еху, на что он всегда любезно соглашался, будучи вполне уверен, что отвращение, питаемое мной к этим скотам, предохранит меня от всякого дурного влияния с их стороны; но его милость приказал одному из своих слуг, сильному гнедому лошаку, очень славному и добродушному созданию, сопровождать меня. Без его охраны я не отважился бы предпринимать такие экскурсии: я уже рассказал читателю, какой приём оказали мне эти противные животные по прибытии моём в страну. Впоследствии я три или четыре раза чуть было не попал в их лапы, когда удалялся на некоторое расстояние от дома, не захватив с собой тесака. У меня есть основание думать, что животные эти подозревали во мне одного из себе подобных, чему я сам часто содействовал, засучивая рукава и показывая им мои обнажённые руки и грудь, когда мой охранитель находился подле меня. В таких случаях они старались подойти как можно ближе и подражали моим движениям на манер обезьян, но всегда с выражением величайшей ненависти; так дикие галки преследуют приручённую, одетую в колпачок и чулочки, если она случайно залетает в их стаю.

Еху с детства отличаются удивительным проворством. Однако раз мне удалось поймать трёхлетнего самца; я всячески старался успокоить его ласками, но чертёнок начал так отчаянно орать, царапаться и кусаться, что я вынужден был отпустить его,

и хорошо сделал, потому что на шум сбежалось все стадо; но видя, что детёныш невредим (он в это время удрал), а мой гнедой подле меня, еху не посмели подойти к нам. Я заметил, что тело молодого еху издает резкий кислый запах, нечто среднее между запахом хорька и лисицы, но гораздо более неприятный. Я забыл упомянуть ещё об одной подробности (хотя, вероятно, читатель извинил бы меня, если бы я опустил её совсем): когда я держал этого паршивца в руках, он загадил мне всё платье своими жидкими жёлтыми испражнениями; к счастью, мы находились подле небольшого ручья, в котором я тщательно вымылся; однако же я не решился показаться на глаза своему хозяину до тех пор, пока платье совершенно не проветрилось.

По моим наблюдениям, еху являются самыми невосприимчивыми к обучению животными и не способны ни к чему больше, как только к тасканию тяжестей. Однако я думаю, что этот недостаток объясняется главным образом упрямым и недоверчивым характером этих животных. Ибо они хитры, злобны, вероломны и мстительны; они сильны и дерзки, но вместе с тем трусливы, что делает их наглými, низкими и жестокими. Замечено, что рыжеволосые обоих полов более похотливы и злобны, чем остальные, которых они значительно превосходят силой и ловкостью.

Гуигнгнмы держат еху, которыми они пользуются в качестве рабочего скота, в хлевах недалеко от дома; остальных же выгоняют на поля, где те роют коренья, едят различные травы, разыскивают падаль, а иногда ловят хорьков и люхимухс (вид полевой крысы), которых с жадностью пожирают. Природа научила этих животных рыть когтями глубокие норы на склонах холмов, в которых они живут поодиночке; только логовища самок побольше, так что в них могут поместиться ещё два или три детёныша.

Они с детства плавают, как лягушки, и могут долго держаться под водой, где часто ловят рыбу, которую самки носят своим детёнышам <...>

Так как благородные гуигнгнмы от природы одарены общим предрасположением ко всем добродетелям и не имеют

ни малейшего понятия о том, что такое зло в разумном существе, то основным правилом их жизни является совершенствование разума и полное подчинение его руководству. Для них разум не является, как для нас, инстанцией проблематической, снабжающей одинаково правдоподобными доводами за и против; наоборот, он действует на мысль с непосредственной убедительностью, как это и должно быть, когда он не осложнён, не затемнён и не обесцвечен страстью и интересом. Я помню, какого труда стоило мне растолковать моему хозяину значение слова мнение или каким образом утверждение может быть спорным; ведь разум учит нас утверждать или отрицать только то, в чём мы уверены, а чего не знаем, того не вправе ни утверждать, ни отрицать. Таким образом, споры, пререкания, прения и упорное отстаивание ложных или сомнительных положений суть пороки, неизвестные гуигнгнмам. Равным образом, когда я попытался разъяснить ему наши различные системы естественной философии, он засмеялся и выразил недоумение, каким образом существо, притязующее на разумность, может вменять себе в заслугу знание домыслов других существ, притом относительно вещей, где это знание, даже если бы оно было достоверно, не могло бы иметь никакого практического значения. В этом отношении мысли его вполне согласовались с изречениями Сократа, как они переданы Платоном, и мне кажется, что, упоминая об этом, я оказываю величайшую честь царю философов. С тех пор я часто думал, какие опустошения произвела бы эта доктрина в библиотеках Европы и сколько путей к славе было бы закрыто для учёного мира.

Дружба и доброжелательство являются двумя главными добродетелями гуигнгнмов, и они не ограничиваются отдельными особями, но простираются на всю расу. Таким образом, чужестранец из самых далёких мест встречает здесь такой же приём, как и самый близкий сосед, и, куда бы он ни пришёл, везде чувствует себя как дома. Гуигнгнмы строго соблюдают приличия и учтивость, но они совершенно незнакомы с тем, что мы называем этикетом. Они не балуют своих жеребят, но заботы, проявляемые родителями по

отношению к воспитанию детей, диктуются исключительно разумом. И я заметил, что мой хозяин так же ласково относится к детям соседа, как и к своим собственным. Гуигнгнмы думают, что природа учит их одинаково любить всех подобных им и один только разум устанавливает различие между индивидуумами соответственно высоте их добродетели.

Мать семейства гуигнгнмов, произведя на свет по одному ребенку обоего пола, прекращает супружеские отношения, – кроме тех случаев, когда почему-либо теряет одного из своих питомцев, что бывает очень редко; но в подобных случаях супруги возобновляют отношения, или, если супруга больше не способна к деторождению, другая пара даёт осиротелым родителям одного из своих жеребят, а сама снова сходится, пока мать не забеременеет. Такая предосторожность является необходимою, чтобы предохранить страну от перенаселения. Но гуигнгнмы низшей породы не так строго ограничены в этом отношении; им разрешается производить по три детёныша обоего пола, которые становятся потом слугами в благородных семьях.

При заключении браков гуигнгнмы тщательно заботятся о таком подборе мастей супругов, чтобы были предотвращены неприятные сочетания красок у потомства. У самца ценится по преимуществу сила, а у самки миловидность – ценится не в интересах любви, а ради предохранения расы от вырождения; поэтому, если случится, что самка отличается силой, то при выборе ей супруга обращают внимание прежде всего на красоту. Волокитство, любовь, подарки, приданое, вдовьи доли совершенно неизвестны гуигнгнмам, и на языке вовсе не существует слов для выражения этих понятий. Молодая пара встречается и сочетается браком просто для исполнения воли родителей и друзей; подобные браки совершаются на её глазах ежедневно, и молодые смотрят на них как на необходимое действие всякого разумного существа. Такие вещи, как развод или прелюбодеяние, там неслыханны, и супружеская чета проходит свой жизненный путь с теми же дружескими чувствами и взаимным доброжелательством, какие она питает ко всем представителям своего племени, встречающимся на её

пути; им неизвестны ревность, припадки нежности, ссоры и досада друг на друга.

Их система воспитания юношества обоого пола поистине удивительна и вполне заслуживает нашего подражания. Молодым гуингнмам не дают ни зёрнышка овса, кроме некоторых дней, пока они не достигнут восемнадцати лет; им позволяют пить молоко только в самых редких случаях. Летом они пасутся два часа утром и два часа вечером, подобно своим родителям; но слугам разрешается пастись только половину этого времени, и большая часть корма приносится им домой, где они и поедают его в свободные от работы часы.

Умеренность, трудолюбие, физические упражнения и опрятность суть вещи, равно обязательные для молодёжи обоого пола; и мой хозяин находил уродливым наш обычай давать самкам воспитание, отличное от воспитания самцов, исключая только ведение домашнего хозяйства; вследствие этого, по его справедливому замечанию, половина нашего населения годна только на то, чтобы рожать детей; доверять же заботу о наших детях таким никчемным животным, значит, прибавил он, давать лишнее свидетельство нашей дикости.

Гуингнмы развивают в молодёжи силу, прыткость и смелость, упражняя жеребят в бегании по крутым подъёмам и твёрдой каменистой почве; затем, когда они бывают в мыле, их заставляют окунуться с головой в пруду или в реке. Четыре раза в год молодёжь определённого округа собирается, чтобы показать свои успехи в беганье, прыганье и других упражнениях, требующих силы и ловкости. Победитель или победительница награждаются сочинённым в честь их гимном. В день такого праздника слуги пригоняют на арену стадо еху, нагружённых сеном, овсом и молоком для угощения гуингнммов, после чего эти животные немедленно прогоняются, чтобы вид их не вызывал отвращения у собрания.

Через каждые четыре года в весеннее равноденствие здесь происходит совет представителей всей нации, собирающийся на равнине в двадцати милях от дома моего хозяина и продолжающийся пять или шесть дней. На этом совете обсуждается положение различных округов: достаточно

ли они снабжены сеном, овсом, коровами и еху. И если в этом отношении оказывается недостаток (что случается очень редко), он тотчас пополняется общими взносами, которые всегда принимаются единодушно. На этом же совете производится распределение детей. Например, если у какого-нибудь гуигнгнма два самца, то он меняется с другим, у которого две самки; и если какая-нибудь семья лишилась ребенка, а мать его не может больше рожать детей, то собрание решает, какая другая семья в округе должна произвести на свет нового ребёнка, чтобы восполнить потерю <...>

Вопросы к тексту:

1. Какое место занимают данные главы в произведении?
2. О каких событиях своей жизни в этих отрывках повествует Гулливер? В какие страны он попадет?
3. Как он представляет каждую страну? Какие стороны действительности подвергаются в романе сатирическому осмеянию?

Практическое занятие № 2 Просвещение во Франции. Философские повести Вольтера и Д. Дидро

Задание:

1. Прочитайте краткое содержание «Кандида» Вольтера.

Вольтер Кандид, или Оптимизм (1745) (краткое содержание)

Кандид, чистый и искренний юноша, воспитывается в замке нищего, но тщеславного вестфальского барона вместе с его сыном и дочерью. Их домашний учитель, доктор Панглосс, доморощенный философ-метафизик, учил детей, что они живут

в лучшем из миров, где всё имеет причину и следствие, а события стремятся к счастливому концу.

Несчастья Кандида и его невероятные путешествия начинаются, когда его изгоняют из замка за увлечение прекрасной дочерью барона Кунигундой.

Чтобы не умереть с голоду, Кандид вербуются в болгарскую армию, где его секут до полусмерти. Он едва избегает гибели в ужасном сражении и спасается бегством в Голландию. Там он встречает своего учителя философии, умирающего от сифилиса. Его лечат из милосердия, и он передаёт Кандиду страшную новость об истреблении семьи барона болгарями. Кандид впервые подвергает сомнению оптимистическую философию своего учителя, настолько потрясают его пережитое и ужасное известие.

Друзья плывут в Португалию, и, едва они ступают на берег, начинается страшное землетрясение. Израненные, они попадают в руки инквизиции за проповедь о необходимости свободной воли для человека, и философа должны сжечь на костре, чтобы это помогло усмирить землетрясение. Кандида хлещут розгами и бросают умирать на улице. Незнакомая старуха подбирает его, выхаживает и приглашает в роскошный дворец, где его встречает возлюбленная Кунигунда. Оказалось, что она чудом выжила и была перепродана болгарями богатому португальскому еврею, который был вынужден делить её с самим Великим Инквизитором.

Вдруг в дверях показывается еврей, хозяин Кунигунды. Кандид убивает сначала его, а затем и Великого Инквизитора. Все трое решают бежать, но по дороге какой-то монах крадёт у Кунигунды драгоценности, подаренные ей Великим Инквизитором. Они с трудом добираются до порта и там садятся на корабль, плывущий в Буэнос-Айрес. Там они первым делом ищут губернатора, чтобы обвенчаться, но губернатор решает, что такая красивая девушка должна принадлежать ему самому, и делает ей предложение, которое она не прочь принять. В ту же минуту старуха видит в окно, как с подошедшего в гавань корабля сходит обокравший их монах и пытается продать украшения ювелиру, но тот узнаёт в них собственность

Великого Инквизитора. Уже на виселице вор признаётся в краже и подробно описывает наших героев. Слуга Кандида Какамбо уговаривает его немедленно бежать, не без основания полагая, что женщины как-нибудь выкрутятся. Они направляются во владения иезуитов в Парагвае, которые в Европе исповедуют христианских королей, а здесь отвоёвывают у них землю. В так называемом отце полковнике Кандид узнаёт барона, брата Кунигунды. Он также чудом остался жив после побоища в замке и капризом судьбы оказался среди иезуитов. Узнав о желании Кандида жениться на его сестре, барон пытается убить низкородного наглеца, но сам падает раненый. Кандид и Какамбо бегут и оказываются в плену у диких орейлонов, которые, думая, что друзья – слуги иезуитов, собираются их съесть. Кандид доказывает, что только что он убил отца полковника, и вновь избегает смерти. Так жизнь вновь подтвердила правоту Какамбо, считавшего, что преступление в одном мире может пойти на пользу в другом.

На пути от орейлонов Кандид и Какамбо, сбившись с дороги, попадают в легендарную землю Эльдорадо, о которой в Европе ходили чудесные небылицы, что золото там ценится не дороже песка. Эльдорадо была окружена неприступными скалами, поэтому никто не мог проникнуть туда, а сами жители никогда не покидали своей страны. Так они сохранили изначальную нравственную чистоту и блаженство. Все жили, казалось, в довольстве и весёлости; люди мирно трудились, в стране не было ни тюрем, ни преступлений. В молитвах никто не выпрашивал благ у Всевышнего, но лишь благодарил Его за то, что уже имел. Никто не действовал по принуждению: склонность к тирании отсутствовала и в государстве, и в характерах людей. При встрече с монархом страны гости обычно целовали его в обе щеки. Король уговаривает Кандида остаться в его стране, поскольку лучше жить там, где тебе по душе. Но друзьям очень хотелось показаться на родине богатыми людьми, а также соединиться с Кунигундой. Король по их просьбе дарит друзьям сто овец, гружённых золотом и самоцветами. Удивительная машина переносит их через горы, и

они покидают благословенный край, где на самом деле всё происходит к лучшему, и о котором они всегда будут сожалеть.

Пока они движутся от границ Эльдорадо к городу Суринаму, все овцы, кроме двух, гибнут. В Суринаме они узнают, что в Буэнос-Айресе их по-прежнему разыскивают за убийство Великого Инквизитора, а Кунигунда стала любимой наложницей губернатора. Решено, что выкупать красавицу туда отправится один Какамбо, а Кандид поедет в свободную республику Венецию и там будет их ждать. Почти все его сокровища крадёт мошенник купец, а судья ещё наказывает его штрафом. После этих происшествий низость человеческой души в очередной раз повергает в ужас Кандида. Поэтому в попутчики юноша решает выбрать самого несчастного, обиженного судьбой человека. Таковым он счёл Мартина, который после пережитых бед стал глубоким пессимистом. Они вместе плывут во Францию, и по дороге Мартин убеждает Кандида, что в природе человека лгать, убивать и предавать своего ближнего, и везде люди одинаково несчастны и страдают от несправедливостей.

В Париже Кандид знакомится с местными нравами и обычаями. И то и другое весьма его разочаровывает, а Мартин только больше укрепляется в философии пессимизма. Кандида сразу окружают мошенники, лестью и обманом они вытягивают из него деньги. Все при этом пользуются невероятной доверчивостью юноши, которую он сохранил, несмотря на все несчастья. Одному проходимцу он рассказывает о любви к прекрасной Кунигунде и своём плане встретить её в Венеции. В ответ на его милую откровенность Кандиду подстраивают ловушку, ему грозит тюрьма, но, подкупив стражей, друзья спасаются на корабле, плывущем в Англию. На английском берегу они наблюдают совершенно бессмысленную казнь ни в чём не повинного адмирала. Из Англии Кандид попадает наконец в Венецию, помышляя лишь о встрече с ненаглядной Кунигундой. Но там он находит не её, а новый образец человеческих горестей – служанку из его родного замка. Её жизнь доводит до проституции, и Кандид желает помочь ей

деньгами, хотя философ Мартин предсказывает, что ничего из этого не получится.

В итоге они встречаются её в ещё более бедственном состоянии. Сознание того, что страдания для всех неизбежны, заставляет Кандида искать человека, чуждого печали. Таковым считался один знатный венецианец. Но, посетив этого человека, Кандид убеждается, что счастье для него в критике и недовольстве окружающим, а также в отрицании любой красоты. Наконец он обнаруживает своего Какамбо в самом жалком положении. Тот рассказывает, что, заплатив огромный выкуп за Кунигунду, они подверглись нападению пиратов, и те продали Кунигунду в услужение в Константинополь. Что ещё хуже, она лишилась всей своей красоты. Кандид решает, что, как человек чести, он всё равно должен обрести возлюбленную, и едет в Константинополь. Но на корабле он среди рабов узнаёт доктора Панглосса и собственноручно заколотого барона. Они чудесным образом избежали смерти, и судьба сложными путями свела их рабами на корабле. Кандид немедленно их выкупает и отдаёт оставшиеся деньги за Кунигунду, старуху и маленькую ферму.

Хотя Кунигунда стала очень уродливой, она настояла на браке с Кандидом. Маленькому обществу ничего не оставалось как жить и работать на ферме. Жизнь была поистине мучительной. Работать никто не хотел, скука была ужасна, и только оставалось, что без конца философствовать. Они спорили, что предпочтительнее: подвергнуть себя стольким страшным испытаниям и превратностям судьбы, как те, что они пережили, или обречь себя на ужасную скуку бездеятельной жизни. Достойного ответа никто не знал. Панглосс потерял веру в оптимизм, Мартин же, напротив, убедился, что людям повсюду одинаково плохо, и переносил трудности со смирением. Но вот они встречаются человека, живущего замкнутой жизнью на своей ферме и вполне довольного своей участью. Он говорит, что любое честолюбие и гордыня губельны и греховны, и что только труд, для которого были созданы все люди, может спасти от величайшего зла: скуки, порока и нужды. Работать в своём саду, не пустословя, так

Кандид принимает спасительное решение. Община упорно трудится, и земля вознаграждает их сторицей. «Нужно возделывать свой сад», - не устаёт напоминать им Кандид.

Вопросы и задания к тексту:

1. Перескажите сюжет повести. Укажите завязку, развитие действия, кульминацию и развязку.
2. В какие ситуации попадает Кандид? Как он реагирует на жизненные испытания? Что говорят об этом другие герои?
3. Назовите и охарактеризуйте персонажей произведения.
4. Прочитайте отрывок повести Вольтера.

(отрывок)

<...> Естественно было ожидать, что после стольких бедствий Кандид, женившись на своей возлюбленной и живя с философом Панглосом, философом Мартеном, благоразумным Какамбо и со старухой, имея сверх того так много брильянтов, вывезенных из отечества древних инков, должен был бы вести приятнейшее в мире существование. Но он столько раз был обманут евреями, что у него осталась только маленькая ферма; его жена, делаясь с каждым днем всё более уродливой, стала сварливой и несносной; старуха одряхла, и характер у нее был ещё хуже, чем у Кунигунды. Какамбо, который работал в саду и ходил продавать овощи в Константинополь, изнемогал под бременем работ и проклинал судьбу. Панглос был в отчаянии, что не блещет в каком-нибудь немецком университете. Что касается Мартена, он был твёрдо убеждён, что везде одинаково плохо, и терпеливо переносил тяготы жизни. Кандид, Мартен и Панглос спорили иногда о метафизике и нравственности. Они частенько видели проплывающие мимо их фермы корабли, набитые пашами, эфенди и кадиями, которых ссылали на Лемнос, на Митилену, в Эрзерум; другие кади, другие паши, другие эфенди занимали места изгнанных и в свой черёд отправлялись в изгнание; видели они иногда и аккуратно набитые соломой человеческие головы, – их везли в подарок могучему султану. Эти зрелища рождали новые споры; а когда

они не спорили, воцарялась такая невыносимая скука, что как-то раз старуха осмелилась сказать:

– Хотела бы я знать, что хуже: быть похищенной и сто раз изнасилованной неграми-пиратами, лишиться половины зада, пройти сквозь строй у болгар, быть высеченным и повешенным во время аутодафе, быть разрезанным, грести на галерах – словом, испытать те несчастья, через которые все мы прошли, или прозябать здесь, ничего не делая?

– Это большой вопрос, – сказал Кандид.

Речь старухи породила новые споры. Мартен доказывал, что человек рождается, дабы жить в судорогах беспокойства или в летаргии скуки. Кандид ни с чем не соглашался, но ничего и не утверждал. Панглос признался, что всю жизнь терпел страшные муки, но, однажды усвоив, будто всё идёт на диво хорошо, будет всегда придерживаться этого взгляда, отвергая все прочие точки зрения.

Новые события окончательно утвердили Мартена в его отвратительных принципах, поколебали Кандида и смутили Панглоса. Однажды к ним на ферму явилась Пакета и брат Жирофле в самом бедственном состоянии. Они очень быстро проели свои три тысячи пиастров, расстались, потом помирились, снова поссорились, попали в тюрьму, убежали оттуда, и, наконец, брат Жирофле сделался турком. Пакета продолжала заниматься своим ремеслом, но уже почти ничего им не зарабатывала.

– Я ведь предвидел, – сказал Мартен Кандиду, – что они быстро промотают ваши дары и тогда станут ещё несчастнее, чем были. Вы и Какамбо растранижили миллионы пиастров и не более счастливы, чем брат Жирофле и Пакета. – Само небо привело вас сюда к нам, моё бедное дитя, – сказал Панглос Пакете. – Знаете ли вы, что стоили мне кончика носа, одного глаза и уха? Да и вы в каком сейчас виде! О, что это за мир, в котором мы живём!

Это происшествие дало им новую пищу для философствования.

По соседству с ними жил очень известный дервиш, который считался лучшим философом в Турции. Они пошли посоветоваться с ним. Панглос сказал так:

– Учитель, мы пришли спросить у вас, для чего создано столь странное животное, как человек?

– А тебе-то что до этого? – сказал дервиш. – Твоё ли это дело?

– Но, преподобный отец, – сказал Кандид, – на земле ужасно много зла.

– Ну и что же? – сказал дервиш. – Какое имеет значение, царит на земле зло или добро? Когда султан посылает корабль в Египет, разве он заботится о том, хорошо или худо корабельным крысам?

– Что же нам делать? – спросил Панглос.

– Молчать, – ответил дервиш.

– Я льстил себя надеждой, – сказал Панглос, – что смогу побеседовать с вами о следствиях и причинах, о лучшем из возможных миров, о происхождении зла, о природе души и о предустановленной гармонии.

В ответ на эти слова дервиш захлопнул дверь у них перед носом.

Во время этой беседы распространилась весть, что в Константинополе удавили двух визирей и муфтия и посадили на кол нескольких их друзей. Это событие наделало много шума на несколько часов. Панглос, Кандид и Мартен, возвращаясь к себе на ферму, увидели почтенного старика, который наслаждался прохладой у порога своей двери под тенью апельсинного дерева. Панглос, который был не только любитель рассуждать, но и человек любопытный, спросил у старца, как звали муфтия, которого удавили.

– Вот уж не знаю, – отвечал тот, – да и, признаться, никогда не знал имён никаких визирей и муфтиев. И о происшествии, о котором вы мне говорите, не имею понятия. Я полагаю, что вообще люди, которые вмешиваются в общественные дела, погибают иной раз самым жалким образом и что они этого заслуживают. Но я-то нисколько не интересуюсь

тем, что делается в Константинополе; хватит с меня и того, что я посылаю туда на продажу плоды из сада, который возделываю.

Сказав это, он предложил чужеземцам войти в его дом; две его дочери и два сына поднесли им несколько сортов домашнего шербета, каймак, приправленный лимонной коркой, варенной в сахаре, апельсины, лимоны, ананасы, финики, фисташки, моккский кофе, который не был смешан с плохим кофе из Батавии и с Американских островов. Потом дочери этого доброго мусульманина надушили Кандиду, Панглосу и Мартену бороды.

– Должно быть, у вас обширное и великолепное поместье? – спросил Кандид у турка.

– У меня всего только двадцать арпанов, – отвечал турок. – Я их возделываю сам с моими детьми; работа отгоняет от нас три великих зла: скуку, порок и нужду.

Кандид, возвращаясь на ферму, глубокомысленно рассуждал по поводу речей этого турка. Он сказал Панглосу и Мартену:

– Судьба доброго старика, на мой взгляд, завиднее судьбы шести королей, с которыми мы имели честь ужинать.

– Высокий сан, – сказал Панглос, – связан с большими опасностями; об этом свидетельствуют все философы. Судите сами¹⁵: Еглон, царь моавитский, был убит Аодом; Авессалом повис на своих собственных волосах и был пронзен тремя стрелами; царь Нават, сын Иеровоама, был убит Ваасою; царь Эла – Замврием; Охозия – Иеговой; Гофолия – Иодаем; цари Иоаким, Иехония и Седекия попали в рабство. Знаете вы, как погибли Крез, Астиаг, Дарий, Дионисий Сиракузский, Пирр, Персей, Ганнибал, Югурта, Ариовист, Цезарь, Помпей, Нерон, Оттон, Вителлий, Домициан, Ричард II английский, Эдуард II, Генрих VI, Ричард III, Мария Стюарт, Карл I, три Генриха французских¹⁶, император Генрих IV? Знаете вы...

---

¹⁵ Далее Панглос перечисляет умерших насильственной смертью упоминаемых в Библии правителей и царей, политических деятелей древности и Средневековья.

¹⁶ Три Генриха французских... – то есть французские короли Генрих II (1547 – 1559), Генрих III (1574 – 1589) и Генрих IV (1589 – 1610).

– Я знаю также, – сказал Кандид, – что надо возделывать наш сад.

– Вы правы, – сказал Панглос. – Когда человек был поселён в саду Эдема, это было *ut operaretur eum*, – дабы и он работал¹⁷. Вот вам доказательство того, что человек родился не для покоя.

– Будем работать без рассуждений, – сказал Мартен, – это единственное средство сделать жизнь сносною.

Всё маленькое общество прониклось этим похвальным намерением; каждый начал изоощрять свои способности. Небольшой участок земли приносил много плодов. Кунигунда, правда, была очень некрасива, но зато превосходно пекла пироги; Пакета вышивала; старуха заботилась о белье. Даже брат Жирофле пригодился: он стал очень недурным столяром, более того – честным человеком, и Панглос иногда говорил Кандиду:

– Все события неразрывно связаны в лучшем из возможных миров. Если бы вы не были изгнаны из прекрасного замка здоровым пинком в зад за любовь к Кунигунде, если бы не были взяты инквизицией, если бы не обошли пешком всю Америку, если бы не проткнули шпагой барона, если бы не потеряли всех ваших баранов из славной страны Эльдорадо, – не есть бы вам сейчас ни лимонной корки в сахаре, ни фисташек.

– Это вы хорошо сказали, – отвечал Кандид, – но надо возделывать наш сад. <...>

Вопросы и задания к тексту:

1. Какое место занимает отрывок в произведении?
2. Как вы можете охарактеризовать героев и их мировоззренческие позиции?
3. Изменилась ли прекрасная Кунигунда и как относятся к ней герои?

---

¹⁷ Цитата из Библии (Бытие, II, 15).

4. В каких словах Мартена и Кандида заключается идея произведения?
5. Прочитайте краткое содержание повести Д. Дидро.

Д. Дидро
Племянник Рамо
(краткое содержание)

Рассказчик (подразумевается сам Д. Дидро) ведёт диалог с племянником Жана-Филиппа Рамо, крупнейшего представителя классицизма во французской музыке. Рассказчик вначале даёт характеристику племяннику Рамо: аттестует его как одного «из самых причудливых и странных существ в здешних краях»; он не кичится своими хорошими качествами и не стыдится дурных; он ведёт беспорядочную жизнь: сегодня в лохмотьях, завтра – в роскоши. Но, по словам рассказчика, когда такой человек появляется в обществе, он заставляет людей сбросить светскую маску и обнаружить свою истинную сущность.

Племянник Рамо и рассказчик случайно встречаются в кафе и заводят беседу. Возникает тема гения. Племянник Рамо считает, что гении не нужны, так как зло появляется в мире всегда через какого-нибудь гения; кроме того, гении разоблачают заблуждения, а для народов нет ничего вреднее правды. Рассказчик возражает, что если ложь и полезна на краткий срок, то с течением времени оказывается вредна, а правда полезна, и есть два рода законов: одни – вечные, другие – преходящие, появляющиеся лишь благодаря слепоте людей; гений может стать жертвой этого закона, но бесчестие со временем падёт на его судей (пример Сократа). Племянник Рамо рассуждает, что лучше быть честным торговцем и славным малым, чем гением с дурным характером, таким образом в первом случае человек может накопить большое состояние и тратить его на удовольствия свои и ближних. Рассказчик возражает, что от дурного характера гения страдают лишь люди,

живущие возле него, зато в веках его произведения заставляют людей быть лучше, воспитывать в себе высокие добродетели: конечно, лучше было бы, если бы гений был столь же добродетелен, сколь и велик, но согласимся принять вещи такими, какие они есть.

Племянник Рамо говорит, что хотел бы быть великим человеком, известным композитором; тогда у него были бы все жизненные блага и он наслаждался бы своей славой. Потом он рассказывает, как его покровители прогнали его, потому что он один раз в жизни попробовал говорить как здравомыслящий человек, а не как шут и сумасброд. Рассказчик советует ему вернуться к своим благодетелям и попросить прощения, но в племяннике Рамо разыгрывает гордость, и он говорит, что не может этого сделать. Рассказчик предлагает ему тогда вести жизнь нищего; племянник Рамо отвечает, что он презирает сам себя, так как мог бы жить роскошно, будучи прихлебателем у богачей, выполняя их щекотливые поручения, а он не использует свои таланты. При этом он с большим искусством разыгрывает перед своим собеседником целую сценку, самому себе отводя роль сводника.

Рассказчик, возмущённый циничностью своего собеседника, предлагает сменить тему. Но, прежде чем сделать это, Рамо успевает разыграть ещё две сценки: сначала он изображает скрипача, а затем пианиста; ведь он не только племянник композитора Рамо, но ещё и его ученик и неплохой музыкант. Они заговаривают о воспитании дочери рассказчика: рассказчик говорит, что танцам, пению и музыке будет учить её по минимуму, а основное место отведёт грамматике, мифологии, истории, географии, морали, будет также немного рисования. Племянник Рамо считает, что невозможно будет найти хороших учителей, ведь изучению этих предметов им пришлось бы посвятить всю свою жизнь; по его мнению, самый искусный из нынешних учителей тот, у кого больше практика; поэтому он, Рамо, приходя на урок, делает вид, что у него уроков больше, чем часов в сутках. Но сейчас, по его словам, он даёт уроки неплохо, а раньше ему платили ни за что, но он не чувствовал угрызений совести, так как брал деньги не честно

заработанные, а награбленные; ведь в обществе все сословия пожирают друг друга (танцовщица выманивает деньги у того, кто её содержит, а у неё выманивают деньги модистки, булочник и пр.). И здесь не подходят общие правила морали, ведь всеобщая совесть, как и всеобщая грамматика, допускает исключения из правил, так называемые «моральные идиотизмы».

Племянник Рамо говорит, что если бы разбогател, то вёл бы жизнь, полную чувственных удовольствий, и заботился бы лишь о себе; при этом он замечает, что его точку зрения разделяют все состоятельные люди. Рассказчик возражает, что гораздо приятнее помочь несчастному, прочесть хорошую книгу и тому подобное; чтобы быть счастливым, нужно быть честным. Рамо отвечает, что, на его взгляд, все так называемые добродетели не более, чем суета. К чему защищать отечество – его нет больше, а есть только тираны и рабы; помогать друзьям – значит делать из них неблагодарных людей; а занимать положение в обществе стоит только для того, чтобы обогащаться. Добродетель скучна, она леденит, это очень неудобная вещь; а добродетельные люди на поверку оказываются ханжами, лелеющими тайные пороки. Лучше пусть он составит своё счастье свойственными ему пороками, чем будет коверкать себя и лицемерить, чтобы казаться добродетельным, когда это отвратит от него его покровителей. Рассказывает, как он унижался перед ними, как в угоду своим «хозяевам» он и компания других прихлебателей поносили замечательных учёных, философов, писателей, в том числе и Д. Дидро. Он демонстрирует своё умение принимать нужные позы и говорить нужные слова. Говорит, что читает Теофраста, Лабрюйера и Мольера, и делает такой вывод: «Сохраняй свои пороки, которые тебе полезны, но избегай свойственного им тона и внешнего вида, которые могут сделать тебя смешным». Чтобы избежать такого поведения, надо его знать, а эти авторы очень хорошо описали его. Он бывает смешны, лишь когда хочет; нет лучшей роли при сильных мира сего, чем роль шута. Следует быть таким, каким выгодно; если бы добродетель могла

привести к богатству, он был бы добродетельным или притворялся им.

Племянник Рамо злословит о своих благодетелях и говорит при этом: «Когда решаешься жить с людьми вроде нас, надо ждать бесчисленных пакостей». Однако люди, берущие к себе в дом корыстных, низких и вероломных шутов, прекрасно знают, на что идут; всё это предусмотрено молчаливым соглашением. Бесполезно пытаться исправить врождённую порочность; наказывать такого рода заблуждения должен не человеческий закон, а сама природа; в доказательство Рамо рассказывает скабрёзную историю. Собеседник Рамо недоумевает, почему племянник Рамо так откровенно, не стесняясь, обнаруживает свою низость. Рамо отвечает, что лучше быть большим преступником, чем мелким мерзавцем, так как первый вызывает известное уважение масштабами своего злодейства. Рассказывает историю про человека, который донёс инквизиции на своего благодетеля, еврея, бесконечно доверявшего ему, и к тому же обокрал этого еврея. Рассказчик, удручённый таким разговором, снова меняет тему. Речь заходит о музыке. Рамо высказывает суждения о превосходстве итальянской музыки (Дуни, Перголесе) и итальянской комической оперы-буфф над французским музыкальным классицизмом (Люлли, Рамо): в итальянской опере, по его словам, музыка соответствует смысловому и эмоциональному движению речи, речь великолепно ложится на музыку; а французские арии неуклюжи, тяжелы, однообразны, неестественны. Племянник Рамо очень ловко изображает целый оперный театр (инструменты, танцоров, певцов), удачно воспроизводит оперные роли (у него вообще большие способности к пантомиме). Он высказывает суждения о недостатках французской лирической поэзии: она холодна, неподатлива, в ней отсутствует то, что могло бы служить основой для пения, порядок слов слишком жёсткий, поэтому композитор не имеет возможности располагать целым и каждой его частью. Племянник Рамо говорит также о том, что итальянцы (Дуни) учат французов, как делать музыку выразительной, как подчинить пение ритму, правилам

декламации. Рассказчик спрашивает, как он, Рамо, будучи так чувствителен к красотам музыки, так бесчувствен к красотам добродетели; Рамо говорит, что это врождённое («отцовская молекула была жесткая и грубая»).

Разговор переходит на сына Рамо: рассказчик спрашивает, не хочет ли Рамо попытаться пресечь влияние этой молекулы; Рамо отвечает, что это бесполезно. Он не хочет учить сына музыке, так как это ни к чему не ведёт; он внушает ребенку, что деньги – всё, и хочет научить сына самым лёгким путям, ведущим к тому, чтобы он был уважаем, богат и влиятелен. Рассказчик про себя замечает, что Рамо не лицемерит, сознаваясь в пороках, свойственных ему и другим; он более откровенен и более последователен в своей испорченности, чем другие. Племянник Рамо говорит, что самое главное не в том, чтобы развить в ребнке пороки, которые его обогатят, а в том, чтобы внушить ему чувство меры, искусство ускользать от позора; по мнению Рамо, все живущее ищет благополучия за счёт того, от кого зависит. Но его собеседник хочет перейти от темы нравственности к музыке и спрашивает Рамо, почему при его чутье к хорошей музыке он не создал ничего значительного. Тот отвечает, что так распорядилась природа; кроме того, трудно глубоко чувствовать и возвышаться духом, когда вращаешься среди пустых людей и дешёвых сплетен.

Племянник Рамо рассказывает о некоторых превратностях своей жизни и делает вывод, что нами распоряжаются «проклятые случайности». Говорит о том, что во всём королевстве ходит только монарх, остальные лишь принимают позы. Повествователь возражает, что и «король принимает позу перед своей любовницей и пред Богом», и в мире каждый, кто нуждается в помощи другого, вынужден бывает «заняться пантомимой», то есть изображать разные восторженные чувства. Не прибегает к пантомиме лишь философ, так как ему ничего не нужно (в качестве примера приводит Диогена и киников), Рамо отвечает, что ему необходимы разные жизненные блага, и пусть он лучше будет обязан ими благодетелям, чем добудет их трудом. Потом он

спохватывается, что ему пора в оперу, и диалог завершается его пожеланием себе жить ещё лет сорок.

Вопросы и задания к тексту:

1. Перескажите сюжет повести.
2. Какую форму выбрал автор?
3. Охарактеризуйте главных героев.
4. Прочитайте отрывок повести Д. Дидро.

(отрывок)

Какова бы ни была погода – хороша или дурна, – я привык в пять часов вечера идти гулять в Пале-Рояль. Всегда один, я сижу там в задумчивости на скамье д'Аржансона. Я рассуждаю сам с собой о политике, о любви, о философии, о правилах вкуса; мой ум волен тогда предаваться полному разгулу; я предоставляю ему следить за течением первой пришедшей в голову мысли, правильной или безрассудной, подобно тому как наша распущенная молодёжь в аллее Фуа следует по пятам за какой-нибудь куртизанкой легкомысленного вида, пленившись её улыбкой, живым взглядом, вздёрнутым носиком, потом покидает её ради другой, не пропуская ни одной девицы и ни на одной не останавливая свой выбор. Мои мысли – это для меня те же распутницы.

Если день выдался слишком холодный или слишком дождливый, я укрываюсь в кофейне «Регентство». Там я развлекаюсь, наблюдая за игрою в шахматы. Париж – это то место в мире, а кофейня «Регентство» – то место в Париже, где лучше всего играют в эту игру; у Рея вступают в схватку глубокомысленный Легаль, тонкий Филидор, основательный Майо, там видишь самые изумительные ходы и слышишь замечания самые пошлые, ибо если можно быть умным человеком и великим шахматистом, как Легаль, то можно быть столь же великим шахматистом и вместе с тем глупцом, как Фубер или Майо. Однажды вечером, когда я находился там, стараясь побольше смотреть, мало говорить и как можно меньше слушать, ко мне подошёл некий человек – одно из

самых причудливых и удивительных созданий в здешних краях, где, по милости божией, в них отнюдь нет недостатка. Это – смесь высокого и низкого, здравого смысла и безрассудства; в его голове, должно быть, странным образом переплелись понятия о честном и бесчестном, ибо он не кичится добрыми качествами, которыми наделила его природа, и не стыдится дурных свойств, полученных от неё и дар. Отличается он репким сложением, пылкостью воображения и на редкость мощными лёгкими. Коли вы когда-нибудь встретитесь с ним и его своеобразный облик не остановит ваше внимание, то вы либо заткнёте себе пальцами уши, либо убежите. Боги! Какие чудовищные лёгкие! Никто не бывает так сам на себя непохож, как он. Иногда он худ и бледен, как больной, дошедший до крайней степени истощения: можно сквозь кожу щёк сосчитать его зубы, и, пожалуй, скажешь, что он несколько дней вовсе ничего не ел или только что вышел из монастыря траппистов. На следующий месяц он жирен и дороден, словно всё это время так и не вставал из-за стола какого-нибудь финансиста или был заперт в монастыре бернардинцев. Сегодня он в грязном белье, в разорванных штанах, весь в лохмотьях, почти без башмаков, идёт понуриив голову, скрывается от взглядов: так и хочется подозвать его, чтобы подать милостыню. А завтра он, напудренный, обутый, завитой, хорошо одетый, выступает, высоко подняв голову, выставляет себя напоказ, и вы могли бы его принять чуть ли не за порядочного человека. Живёт он со дня на день, грустный или весёлый – смотря по обстоятельствам. Утром, когда он встал, первая его забота – сообразить, где бы ему пообедать; после обеда он думает о том, где будет ужинать. Ночь также приносит некоторое беспокойство: он либо возвращается пешком к себе на чердак, если только хозяйка, которой наскучило ждать от него денег за помещение, не отобрала у него ключ, либо устраивается в какой-то харчевне предместья, где с куском хлеба и кружкой пива ожидает утра. Когда в кармане у него не находится шести су, – а это порою бывает, – он прибегает к помощи либо возницы своего приятеля, либо кучера какого-нибудь вельможи, предоставляющего ему ночлег на соломе рядом с лошадьми.

Утром часть его матраца ещё застряла у него в волосах. Если погода стоит мягкая, он всю ночь шагает вдоль Сены по Елисейским полям. Когда рассветет, он снова появляется в городе, одетый сегодня ещё со вчерашнего дня, а то и до конца недели не переодеваясь вовсе. Такие оригиналы у меня не в чести. Другие заводят с ними близкое знакомство, вступают даже в дружбу: моё же внимание они при встрече останавливают раз в год, ежели своим характером достаточно резко выделяются среди остальных людей и нарушают то скучное однообразие, к которому приводят наше воспитание, наши светские условности, наши правила приличия. Если в каком-либо обществе появляется один из них, он, точно дрожжи, вызывает брожение и возвращает каждому долю его природной своеобразности. Он расшевеливает, он возбуждает, требует одобрения или порицания; он заставляет выступить правду, позволяет оценить людей достойных, срывает маски с негодяев; и тогда человек здравомыслящий прислушивается и распознаёт тех, с кем имеет дело.

Этого человека я знал давно. Он бывал в одном доме, двери которого ему открыл его талант. Там была единственная дочь; он клялся её отцу и матери, что женится на дочери. Те пожимали плечами, смеялись ему в лицо, говорили, что он сошёл с ума, и вот пришёл час, когда я понял: дело слажено.

Я давал ему те несколько экю, что он просил в долг. Он, не знаю каким образом, получил доступ в некоторые порядочные дома, где для него ставили прибор, но лишь под тем условием, что говорить он будет не иначе, как получив на то разрешение. Он молчал и ел, полный ярости; он был бесподобен, принуждённый терпеть такое насилие. Если же ему приходила охота нарушить договор и он раскрывал рот, при первом же его слове все сотрапезники восклицали: «О, Рамо!» Тогда в глазах его искрилось бешенство, и он вновь с ещё большей яростью принимался за еду. Вам было любопытно узнать имя этого человека, вот вы его и узнали: это Рамо, племянник того знаменитого Рамо, что освободил нас от одноголосия музыки Люлли, господствовавшего у нас более ста лет, создал столько смутных видений и апокалипсических истин

из области теории музыки, в которых ни он сам, ни кто бы то ни было другой никогда не мог разобраться, оставил нам ряд опер, где есть гармония, обрывки мелодий, не связанные друг с другом мысли, грохот, полеты, триумфы, звон копий, ореолы, шепоты, победы, нескончаемые танцевальные мотивы, доводящие до изнеможения, – композитора, который, похоронив флорентийца, сам будет погребён итальянскими виртуозами, что он и предчувствовал и что делало его мрачным, печальным, сварливым, ибо никто, даже и красавица, проснувшаяся с прыщиком на губе, не раз раздражается так, как автор, стоящий: перед угрозой пережить свою славу. Примеры тому – Мариво и Кребийон – сын.

Он подходит ко мне:

– Ах, вот как, и вы тут, господин философ! Что же вы ищете в этой толпе бездельников? Или вы тоже теряете время на то, чтобы передвигать деревяшки?.. (Так из пренебрежения называют игру в шахматы или в шашки.)

Я. Нет; но когда у меня не оказывается лучшего занятия, я развлекаюсь, глядя некоторое время на тех, кто хорошо умеет их передвигать.

Он. В таком случае вы редко развлекаетесь; за исключением Легалья и Филидора, никто не знает в этом толку.

Я. А господин де Бисси?

Он. В этой игре он то же, что мадемуазель Клерон на сцене: и он и она знают только то, чему можно выучиться.

Я. На вас трудно угодить, и вы, я вижу, согласны щадить лишь великих людей.

Он. Да, в шахматах, в шашках, в поэзии, в красноречии, в музыке и тому подобном вздоре. Что проку от посредственности в этих искусствах?

Я. Мало проку, согласен. Но множеству людей необходимо искать в них приложение своим силам, чтобы мог народиться гений; он – один из толпы. Но оставим это. Я целую вечность вас не видел. Я не вспоминаю о вас, когда вас не вижу, но мне всегда приятно встретить вас вновь. Что вы подельвали?

Он. То, что обычно делают люди, и вы, и я, и все прочие, – хорошее, плохое и вовсе ничего. Кроме того, я бывал

голоден и ел, когда к тому представлялся случай; поев, испытывал жажду и пил иной раз. А тем временем у меня росла борода, и, когда она выростала, я её брил.

Я. Это вы напрасно делали: борода – единственное, чего вам недостаёт, чтобы принять облик мудреца.

Он. Да, конечно, – лоб у меня высокий и в морщинах, взгляд жгучий, нос острый, щёки широкие, брови чёрные и густые, рот правильно очерченный, выпяченные губы, лицо квадратное. И если бы этот объёмистый подбородок был покрыт густой бородой, то, знаете ли, в мраморе или в бронзе это имело бы превосходный вид.

Я. Рядом с Цезарем, Марком Аврелием, Сократом.

Он. Нет. Я бы лучше чувствовал себя подле Диогена и Фрины. Я бесстыдник, как первый из них, и с удовольствием бываю в обществе особ вроде второй.

Я. Хорошо ли вы чувствуете себя?

Он. Обычно – да, но сегодня не особенно.

Я. Что вы! Да у вас брюхо, как у Силена, а лицо...

Он. Лицо, которое можно принять за противоположную часть тела. Что ж, от печали, которая сушит моего дорогого дядюшку, его милый племянник, очевидно, жиреет.

Я. Кстати, видите ли вы иногда с этим дорогим дядюшкой?

Он. Да, на улице, мимоходом.

Я. Разве он не помогает вам?

Он. Если он кому и помог когда-нибудь, то сам того не подозревая. Он философ в своём роде; думает он только о себе, весь прочий мир не стоит для него ломаного гроша. Дочь его и жена могут умереть, когда им заблагорассудится, только бы колокола приходской церкви, которые будут звонить по ним, звучали дуодецимой и септдецимой, – и всё будет в порядке. Так для него лучше, и эту-то черту я особенно ценю в гениях. Они годны лишь на что-нибудь одно, а более – ни на что; они не знают, что значит быть гражданином, отцом, матерью, родственником, другом. Между нами говоря, на них во всём следует походить, но не следует желать, чтобы эта порода распространялась. Нужны люди, а что до гениев – не надо их;

нет, право же, не нужны они. Это они изменяют лицо земли, а глупость даже и в самых мелочах столь распространена и столь могущественна, что без шума не обойтись, если захочешь преобразовать и её. Частично входит в жизнь то, что они измыслили, частично же остается то, что было; отсюда – два Евангелия, пёстрый наряд арлекина. Мудрость монаха, описанного Рабле, – истинная мудрость, нужная для его спокойствия и для спокойствия других: она – в том, чтобы кое-как исполнять свой долг, всегда хорошо отзываться о настоятеле и не мешать людям жить так, как им вздумается. Раз большинство довольно такой жизнью – значит, живётся им хорошо. Если б я знал историю, я показал бы вам, что зло появлялось в этом мире всегда из-за какого-нибудь гения, но я истории не знаю, потому что я ничего не знаю. Чёрт меня побери, если я когда-нибудь чему бы то ни было научился и если мне хоть сколько-нибудь хуже оттого, что я никогда ничему не научался. Однажды я обедал у одного министра Франции, у которого ума хватит на четвёртых, и вот он доказал нам как дважды два четыре, что нет ничего более полезного для народа, чем ложь, и ничего более вредного, чем правда. Я хорошо не помню его доказательств, но из них с очевидностью вытекало, что гений есть нечто отвратительное и что, если бы чело новорождённого отмечено было печатью этого опасного дара природы, ребёнка следовало бы задушить или выбросить вон.

Я. Однако же все подобные лица, столь сильно ненавидящие гениев, самих себя считают гениальными.

Он. Полагаю, что в глубине души они такого мнения, но не думаю, чтобы они решились признаться в этом.

Я. Да, из скромности. А вы так страшно возненавидели гениев.

Он. Бесповоротно.

Я. Но я помню время, когда вы приходили в отчаяние оттого, что вы только обыкновенный человек. Вы никогда не будете счастливы, если доводы «за» и «против» одинаково будут вас удручать; вам следовало бы прийти к определённом мнению и уже в дальнейшем придерживаться его. Даже

согласившись с вами, что люди гениальные обычно бывают странны, или, как говорится, нет великого ума без капельки безумия, мы не отречёмся от них; мы будем презирать те века, которые не создали ни одного гения. Гении составляют гордость народов, к которым принадлежат; рано или поздно им воздвигаются статуи и в них видят благодетелей человеческого рода. Да не прогневаётся премудрый министр, на которого вы ссылаетесь, но я думаю, что если ложь на краткий срок и может быть полезна, то с течением времени она неизбежно оказывается вредна, что, напротив того, правда с течением времени оказывается полезной, хотя и может статься, что сейчас она принесёт вред. А тем самым я готов прийти к выводу, что гений, описывающий какое-нибудь всеобщее заблуждение или открывающий доступ к некоей великой истине, есть существо, всегда достойное нашего почитания. Может случиться, что это существо делается жертвой предрассудка или же законов; но есть два рода законов: одни – безусловной справедливости и всеобщего значения, другие же – нелепые, обязанные своим признанием лишь слепоте людей или силе обстоятельств. Того, кто повинен в их нарушении, они покрывают лишь мимолётным бесчестьем – бесчестьем, которое со временем падает на судей и на народы, и падает навсегда. Кто ныне опозорен – Сократ или судья, заставивший его выпить цикуту?

Он. Большой ему от этого прок! Или он тем самым не был осуждён на смерть? Не был казнён? Не являлся беспокойным гражданином? Своим презрением к несправедливому закону не поощрял сумасбродов презирать и справедливые? Не был человеком дерзким и странным? Вы вот сами только что были готовы произнести суждение, мало благоприятное для людей гениальных.

Я. Послушайте, мой дорогой. В обществе вообще не должно было бы быть дурных законов, а если бы законы в нём были только хорошие, ему никогда бы не пришлось преследовать человека гениального. Я ведь не сказал вам, что гений неразрывно связан со злонравием или злонравие – с гением. Глупец чаще, чем умный человек, оказывается злым. Если бы гений, как правило, был неприятен в обхождении,

привередлив, обидчив, невыносим, если бы даже он был злой человек, то какой бы из этого, по-вашему, был вывод?

Он. Что его следует утопить.

Я. Не торопитесь, дорогой. Вы вот послушайте: ну, вашего дядюшку Рамо я не возьму в пример – он человек чёрствый, грубый, он бессердечен, он скуп, он плохой отец, плохой муж, плохой дядя; но ведь не сказано, что это – высокий ум, что в своём искусстве он пошёл далеко вперёд и что лет через десять о его творениях ещё будет речь. Возьмём Расина. Он, несомненно, был гениален, однако не считался человеком особенно хорошим. Или Вольтер!..

Он. Не забрасывайте меня доводами: я люблю последовательность.

Я. Что бы вы предпочли: чтобы он был добрым малым, составляя одно целое со своим прилавком, подобно Бриассону, или со своим аршином, подобно Варбье, каждый год приживая с женой законное дитя, – хороший муж, хороший отец, хороший дядя... хороший сосед, честный торговец, но ничего более, – или же чтобы он был обманщиком, предателем, честолюбцем, завистником, злым человеком, но автором «Андромахи», «Британника», «Ифигении», «Федры», «Аталии»?

Он. Право же, для него, пожалуй, лучше было бы быть первым из двух.

Я. А ведь это куда более верно, чем вы сами предполагаете.

Он. Ах, вот вы все какие! Если мы и скажем что-нибудь правильное, то разве что как безумцы или одержимые, случайно. Только ваш брат и знает, что говорит. Нет, господин философ, то, что я говорю, я знаю так же хорошо, как вы знаете то, что говорите сами.

Я. Положим, что так. Ну так почему же первым из двух?

Он. Потому, что все те превосходные вещи, которые он создал, не принесли ему и двадцати тысяч франков, а если бы он был честным торговцем шёлком с улицы Сен-Дени или Сент-Оноре, аптекарем с хорошей клиентурой, вёл бакалейную торговлю оптом, он накопил бы огромное состояние и, пока он его накапливал, он бы наслаждался всеми на свете

удовольствиями, потому что время от времени он жертвовал бы пистоль бедному забуддыге – шуту вроде меня, который его смешил бы, а порой доставлял бы ему и милых девиц, а те развлекали бы его среди скуки постоянного сожительства с женой; мы чудесно бы обедали у него, играли бы по большой, пили бы чудесные вина, чудесные ликёры, чудесный кофе, совершали бы загородные поездки. Вот видите – я знаю, что говорю. Вы смеётесь? Но позвольте мне сказать: так было бы лучше для его ближних.

Я. Не спорю, лишь бы он не употреблял во зло богатство, приобретённое честной торговлей, лишь бы он удалил из своего дома всех этих игроков, всех этих паразитов, всех этих пошлых любезников, всех этих бездельников и велел бы приказчикам из своей лавки до смерти избить палками того угодливого человека, что под предлогом разнообразия помогает мужьям легче переносить отвращение, которое вызывается постоянным сожительством с жёнами.

Он. Да что вы, сударь! Избить палками, избить палками! В городе благоустроенном никого не избивают палками. Да это ведь честное занятие; многие люди, даже титулованные, ему не чужды. Да и как, по-вашему на что, чёрт возьми, употреблять богачу свои деньги, если не на отменный стол, отменное общество, отменные вина, отменных женщин – наслаждения всех видов, забавы всех родов? Я предпочёл бы быть бродягой, чем обладать большим состоянием, не имея ни одного из этих удовольствий. Но вернёмся к Расину. От этого человека прок был только людям, не знавшим его, и в такое время, когда его уже не было в живых.

Я. Согласен. Но взвесьте и вред и благо.

Он и через тысячу лет будет исторгать слезы; он будет вызывать восхищение во всех частях земного шара; он будет учить человечности, состраданию, нежности. Спросят, кто он был, из какой страны, и позавидуют Франции. Он заставил страдать нескольких людей, которых больше нет, которые почти и не вызывают в нас участия; нам нечего опасаться ни его пороков, ни его недостатков. Конечно, лучше было бы, если бы вместе с талантами великого человека природа наделила его

добродетелями. Он – дерево, из-за которого засохло несколько других деревьев, посаженных в его соседстве, и погибли растения, гнездившиеся у его подножия; но свою вершину он вознёс к облакам, ветви свои простёр вдалё; он уделял и уделяет свою тень тем, что приходили, приходят и будут приходить отдыхать вокруг его величественного ствола; он приносил плоды, чудесные на вкус, которые обновляются непрерывно. Можно было бы пожелать, чтобы Вольтер отличался кротостью Дюкло, простодушием аббата Трюбле, прямоотой аббата д'Оливе, но, раз это невозможно, взглянём на вещи с точки зрения подлинной их ценности. Забудем на минуту о месте, которое мы занимаем во времени и в пространстве, и окинем взглядом будущие века, отдаленнейшие области и грядущие поколения. Подумаем о благо рода людского; если мы недостаточно великодушны, то, но крайней мере, простим природе, оказавшейся более мудрой, чем мы. Если вы голову Греза обдадите холодной водой, то, быть может, вместе с тщеславием угасите и его талант. Если вы Вольтера сделаете менее чувствительным к критике, он уже не в силах будет проникнуть в душу Меровы. Он больше не будет трогать вас.

Он. Но если природа так же могущественна, как и мудра, почему она не создала гениев столь же добродетельными, как и великими?

Я. Да разве вы не видите, что подобным рассуждением вы опрокидываете весь мировой порядок и что если бы всё на земле было превосходно, то и не было бы ничего превосходного<...>.

Вопросы к тексту:

1. Какое место занимает отрывок в произведении?
2. Как вы можете охарактеризовать героев и их мировоззренческие позиции?
3. В каком жанре создано произведение?
4. Какие просветительские идеи провозглашает автор?

Практическое занятие № 3
Идеи Просвещения в Германии.
Драматургия Ф. Шиллера. Драма
«Коварство и любовь»

Задание:

1. Прочитайте краткое содержание драмы Ф. Шиллера.

Ф. Шиллер
Коварство и любовь (1783)
(краткое содержание)

Действие происходит в Германии XVIII в., при дворе одного из немецких герцогов.

Сын президента фон Вальтера влюблён в дочь простого музыканта Луизу Миллер. Её отец относится к этому с недоверием, так как брак аристократа с мещанкой невозможен. На руку Луизы претендует и секретарь президента Вурм, он уже давно посещает дом Миллеров, но девушка не испытывает к нему никаких чувств. Сам музыкант понимает, что Вурм более подходящая партия для Луизы, хотя он Миллеру и не по сердцу, но последнее слово здесь за самой дочерью, отец не собирается принуждать её ни за кого выходить замуж, Вурм сообщает президенту об увлечении его сына дочерью мещанина Миллера. Фон Вальтер не воспринимает это всерьёз. Мимолётное чувство, возможно, даже появление на свет здорового побочного внука – всё это не новость в дворянском мире. Для своего сына г-н президент уготовил другую судьбу. Он хочет женить его на леди Мильфорд, фаворитке герцога, чтобы иметь возможность через неё овладеть доверием герцога. Известие секретаря заставляет фон Вальтера ускорить ход событий: о своей предстоящей женитьбе сын должен узнать немедленно.

Фердинанд возвращается домой. Отец пытается поговорить с ним о его будущем. Сейчас ему двадцать лет, а он уже в чине майора. Если и дальше он будет слушаться отца, то

ему уготовано место в соседстве с тронем. Сейчас сын должен жениться на леди Мильфорд, что окончательно упрочит его положение при дворе. Майор фон Вальтер отказывается от предложения отца взять в жёны «привилегированную прелестницу», ему противны делишки президента и то, как он их «обделывает» при дворе герцога. Место возле трона его не прельщает. Тогда президент предлагает Фердинанду жениться на графине Остгейм, которая из их круга, но в то же время не опорочила себя дурной репутацией. Молодой человек опять не согласен, оказывается, он не любит графиню. Пытаясь сломить упрямство сына, фон Вальтер приказывает ему посетить леди Мильфорд, известие о его предстоящем браке с которой уже разнесено по всему городу.

Фердинанд врывается в дом леди Мильфорд. Он обвиняет её, что она хочет своим замужеством с ним обесчестить его. Тогда Эмилия, которая тайно влюблена в майора, рассказывает ему историю своей жизни. Потомственная герцогиня Норфолк, она вынуждена была бежать из Англии, оставив там всё своё состояние. Родных у неё не осталось. Герцог воспользовался молодостью и неопытностью и превратил в свою дорогую игрушку. Фердинанд раскаивается в своей грубости, но сообщает ей, что не в силах жениться на ней, так как любит дочь музыканта Луизу Миллер. Рушатся все планы Эмилии на личное счастье. «Вы губите себя, меня и ещё третье лицо», - говорит она майору. Леди Мильфорд не может отказаться от брака с Фердинандом, так как ей «не смуть позора», если подданный герцога отвергнет её, поэтому вся тяжесть борьбы ложится на плечи майора.

Президент фон Вальтер является в дом музыканта. Он пытается унижить Луизу, называя её продажной девкой, которая ловко завлекла в свои сети сына дворянина. Однако, справившись с первым волнением, музыкант и его дочь держатся с достоинством, они не стыдятся своего происхождения. Миллер в ответ на запугивания фон Вальтера даже указывает ему на дверь. Тогда президент хочет арестовать Луизу и её мать и приковать их к позорному столбу, а самого музыканта бросить в острог. Подоспевший вовремя Фердинанд

шпагой защищает свою возлюбленную, он ранит полицейских, но это не помогает. Ему ничего не остаётся, как прибегнуть к «дьявольскому средству», он шепчет на ухо отцу, что расскажет всей столице, как он убрал своего предшественника. Президент в ужасе покидает дом Миллера.

Выход из сложившейся ситуации ему подсказывает коварный секретарь Вурм. Он предлагает сыграть на чувстве ревности Фердинанда, подбросив ему записку, написанную Луизой к вымышленному возлюбленному. Это должно склонить сына к женитьбе на леди Мильфорд. Подставным возлюбленным Луизы президент уговорил стать гофмаршала фон Кальба, который вместе с ним составлял фальшивые письма и отчёты, чтобы убрать с поста его предшественника.

Вурм отправляется к Луизе. Он сообщает ей, что её отец в остроге и ему грозит криминальный процесс, а мать в рабочем доме. Послушная дочь может освободить их, если напишет под диктовку Вурма письмо, а также примет присягу признавать это письмо добровольным. Луиза соглашается. Письмо, «потерянное» фон Кальбом, попадает в руки к Фердинанду, тот вызывает гофмаршала на дуэль. Трусливый фон Кальб пытается всё объяснить майору, но страсть мешает тому услышать откровенное признание.

Тем временем леди Мильфорд устраивает в своём доме встречу с Луизой. Она хотела унижить девушку, предложив ей у себя место камеристки. Но дочь музыканта проявляет такое благородство по отношению к сопернице, что униженная Эмилия покидает город. Она бежит в Англию, раздав всё своё имущество слугам.

Пережившая так много за последние дни Луиза хочет покончить с жизнью, но домой возвращается её старик отец. Слезами ему удается отговорить дочь от страшного поступка. Появляется Фердинанд. Он показывает Луизе письмо. Дочь Миллера не отрицает, что оно написано её рукой. Майор вне себя, он просит Луизу принести ему лимонаду, музыканта же посылает к президенту фон Вальтеру с просьбой передать от него письмо и сказать, что он не придёт к ужину. Оставшись наедине со своей возлюбленной, Фердинанд незаметно

добавляет в лимонад яд, пьёт сам и даёт страшное зелье Луизе. Предстоящая смерть снимает печать клятвы с уст Луизы, и она сознаётся, что написала записку по приказу президента, чтобы спасти своего отца от тюрьмы. Фердинанд в ужасе, Луиза умирает.

В комнату вбегают фон Вальтер и старик Миллер. Фердинанд обвиняет своего отца в смерти невинной девушки, тот указывает на Вурма. Появляется полиция, Вурма арестовывают, но он не намерен всю вину брать на себя. Фердинанд умирает, перед смертью он прощает отца.

Вопросы и задания к тексту:

1. Перескажите сюжет драмы. Укажите завязку, развитие действия, кульминацию и развязку.
2. Каковы интрига и конфликт в пьесе?
3. Назовите и охарактеризуйте главных героев.
4. Прочитайте отрывок пьесы Ф. Шиллера.

(отрывок)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Президент фон Вальтер при дворе немецкого герцога.

Фердинанд, его сын, майор.

Гофмаршал фон Кальб.

Леди Мильфорд, фаворитка герцога.

Вурм, личный секретарь президента.

Миллер, учитель музыки.

Его жена.

Луиза, его дочь.

Софи, камеристка леди.

Камердинер герцога.

Разные второстепенные лица.

АКТ ПЕРВЫЙ
СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната в доме музыканта. Миллер. Жена Миллера.

Луиза Миллер с книгой в руке.

Луиза (*кладёт книгу, подходит к Миллеру и пожимает ему руку*).

С добрым утром, папенька!

Миллер (*ласково*).

Умница, Луиза! Меня радует, что ты так усердно молишься богу. Будь всегда такой, и господь тебя не оставит.

Луиза.

Ах, отец, я великая грешница!.. Мама, он не приходил?

Жена Миллера.

Кто, дочка?

Луиза.

Да, я и забыла, что, кроме него, ещё есть на свете люди! Я стала такая рассеянная... Так Вальтер у нас не был?

Миллер (*печально и строго*).

Я думал, моя Луиза оставила это имя там, в церкви.

Луиза (*пристально посмотрев на него*).

Я понимаю вас, отец, чувствую, как вы вонзаете нож в мою совесть, но уже поздно... Прежнего благочестия нет во мне больше, отец. Небо и Фердинанд раздирают на части моё израненное сердце, и я боюсь... боюсь... (*После некоторого молчания.*) Нет, нет, папа! Когда мы, любуясь картиной, забываем о художнике, то для него это лучшая похвала. Когда от восторга перед совершеннейшим творением создателя я перестаю думать о нём самом, то разве это не приятно богу, отец?

Миллер (*в негодовании опускается в кресло*).

Дожили! Вот они, плоды безбожных книжек!

Луиза (*в беспокойстве подходит к окну*).

Где-то он теперь? Знатные барышни, те видят, слышат его. А я – простая, покинутая девушка. (*Пугается собственных слов и бросается к отцу.*) Нет, нет, простите меня! Я на судьбу не ропщу, я ничего не хочу, только... только думать о нём... А это

такое скромное желание! Моя короткая земная жизнь... Как бы я была счастлива, если бы она излетела из моих уст и лёгким, ласкающим ветерком освежила ему лицо! Цвет моей младости... Будь то фиалка и он бы на неё наступил, - как покорно умерла бы она под его стопой!.. Больше мне ничего не надо, отец! Если мошка хочет, чтобы солнечный луч согрел её, то станет ли её за это наказывать гордое, царственное солнце?

Миллер (*растроганный, откидывается на спинку кресла и закрывает лицо руками*).

Послушай, Луиза: весь жалкий остаток дней моих я отдал бы за то, чтобы ты никогда не видала майора.

Луиза (*испуганно*).

Что такое? Что вы говорите?.. Не то вы, верно, хотели сказать, милый папенька! Вы не знаете, что Фердинанд – мой, что он создан для меня, что он послан мне на радость отцом всех любящих. (*Задумчиво*). Когда я увидела его впервые... (*оживившись*) я вся вспыхнула, кровь заиграла веселее, и биение каждой жилки говорило мне, каждый мой вздох шептал мне: «Это он!..» И сердце мое, узнав вечно желанного, согласилось: «Это он!» И как же дружно повторил за ним эти слова весь мир, радовавшийся вместе со мной! Тогда... о, тогда в моей душе настало утро! Множество юных чувств распустилось у меня в сердце, подобно тому как весной из земли вырастают цветы. Я не замечала окружающего мира, и всё же я припоминаю, что никогда ещё не был он так прекрасен. Я совсем не думала о боге, и всё же никогда ещё так не любила его.

Миллер (*бросается к ней и прижимает к своей груди*).

Луиза, милое, любимое дитя моё! Возьми мою старую, дряхлую голову... всё возьми... всё!.. Но... бог свидетель... майора... я тебе дать не властен. (*Уходит.*)

Луиза.

Здесь он мне и не нужен, отец! Эту частицу времени, крохотную, будто капля росы... да её с жадностью поглотит самая мечта о Фердинанде! В этой жизни я на него не посягаю. Но потом, мама, потом, когда перегородки земных различий рухнут, когда с нас спадёт ненавистная шелуха сословий и люди

станут только людьми... я из этого мира не принесу с собой ничего, кроме моей невинности. Но ведь отец говорил много раз, что, когда придёт господь, драгоценности и пышные титулы подешевеют, а сердца вздорожают. Тогда я буду богата, мама! Там слёзы зачтутся за подвиги, а благие помыслы за славных предков. Тогда я стану знатной, мама! Чем же он тогда будет выше своей любимой?

Жена Миллера *(вскочив)*.

Луиза! Майор! Вон он, перескочил через ограду. Куда бы мне деться?

Луиза *(дрожа)*.

Останьтесь, мама!

Жена Миллера.

Господи! На что я похожа! Мне совестно. Я не могу в таком виде показаться его милости. *(Уходит.)*

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Фердинанд фон Вальтер, Луиза. Фердинанд подбегает к вей; Луиза, побледнев, в изнеможении опускается в кресло; Фердинанд останавливается перед ней.

Некоторое время они молча смотрят друг на друга.

Пауза.

Фердинанд.

Как ты бледна, Луиза!

Луиза *(бросается к нему в объятия)*.

Ничего! Ничего! Ты со мной. Всё прошло.

Фердинанд *(подносит ее руку к губам)*.

Моя Луиза всё ещё меня любит? Моё сердце – такое же, как и вчера, а твоё? Я лечу к тебе, хочу посмотреть, весела ли ты, и уйти от тебя повеселевшим, а ты грустишь.

Луиза.

Да нет же, нет, мой любимый!

Фердинанд.

Говори правду. Ты грустишь. Я вижу насквозь твою душу, как вот этот чистой воды бриллиант. *(Показывает на свое кольцо.)*

На нём не может появиться ни одного пузырька, которого бы я

не заметил, ни одна мысль не мелькнёт в твоих глазах, которую бы я не уловил. Что с тобой? Признайся! Когда это зеркало ничем не замутнено, то весь мир для меня безоблачен. Что тебя печалит?

Луиза (*некоторое время смотрит на него молча и многозначительно; с грустью*).

Фердинанд! Фердинанд! Если бы ты знал, какой прекрасной кажется в твоём изображении бедная девушка, простая мещанка!

Фердинанд.

Что ты сказала? (*В изумлении.*) Девочка моя! Послушай! Как могло это прийти тебе в голову? Ты – моя Луиза. Кто тебе внушил, что этого недостаточно? Вот видишь, неверная, как ты ко мне холодна! Если б ты вся была охвачена любовью, стала бы ты думать о различиях? Когда я с тобой, рассудок мой весь уходит в зрение; когда же я вдали от тебя, он переплавляется в мечту о тебе. А ты и в любви способна сохранять благоразумие? Стыдись! Мгновенья, которые ты провела в тоске, – это мгновенья, похищенные у твоего любимого <...>.

Пер. Н. Любимова.

Вопросы к тексту:

1. Какое место в пьесе занимают приведённые отрывки?
2. Как в нём отражается конфликт трагедии?
3. Какими качествами наделены герои? Как они проявляются в их речи?

Практическое занятие № 4
Немецкая просветительская литература.
«Фауст» Й.-В. Гёте

Задание:

1. Прочитайте краткое содержание «Фауста».

Й.-В. Гёте Фауст (1831)
(краткое содержание)

Трагедия открывается тремя предисловиями. Первый – это лирическое посвящение друзьям молодости – тем, с кем автор был связан в начале работы над «Фаустом» и кто уже умер или находится вдали. «Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный, опять припоминаю благодарно».

Затем следует «Театральное вступление». В беседе Директора театра, Поэта и Комического актёра обсуждаются проблемы художественного творчества. Должно ли искусство служить праздной толпе или быть верным своему высокому и вечному назначению? Как соединить истинную поэзию и успех? Здесь, так же как и в Посвящении, звучит мотив быстротечности времени и безвозвратно утраченной юности, питающей творческое вдохновение. В заключение Директор даёт совет решительнее приступить к делу и добавляет, что в распоряжении Поэта и Актера все достижения его театра. «В дощатом этом балагане вы можете, как в мирозданье, пройти все рысы подряд, сойти с небес сквозь землю в ад».

Обозначенная в одной строке проблематика «небес, земли и ада» развивается в «Прологе на небе», действуют Господь, архангелы и Мефистофель. Архангелы, поющие славу деяниям Бога, умолкают при появлении Мефистофеля, который с первой же реплики («К тебе попал я, Боже, на приём...») завораживает своим скептическим обаянием. В разговоре впервые звучит имя Фауста, которого Бог приводит в пример как своего верного и усердного раба. Мефистофель соглашается, что «этот эскулап» «и рвётся в бой, и любит брать преграды, и

видит цель, манящую вдаль, и требует у неба звёзд в награду и лучших наслаждений у земли», - отмечая противоречивую двойственную натуру учёного. Бог разрешает Мефистофелю подвергнуть Фауста любым искушениям, низвести его в любую бездну, веря, что чёрт выведет Фауста из тупика. Мефистофель, как истинный дух отрицания, принимает спор, обещая заставить Фауста пресмыкаться и «жрать прах от башмака». Грандиозная по масштабу борьба добра и зла, великого и ничтожного, возвышенного и низменного начинается.

Тот, о ком заключён этот спор, проводит ночь без сна в тесной готической комнате со сводчатым потолком. В этой рабочей келье за долгие годы упорного труда Фауст постиг всю земную премудрость. Затем он дерзнул посягнуть на тайны сверхъестественных явлений, обратился к магии и алхимии. Однако вместо удовлетворения на склоне лет он чувствует лишь душевную пустоту и боль от тщеты содеянного. «Я богословьем овладел, над философией корпел, юриспруденцию долбил и медицину изучил. Однако я при этом всё́м был и остался дураком», - так начинает он свой первый монолог. Необыкновенный по силе и глубине ум Фауста отмечен бесстрашием перед истиной. Он не обольщается иллюзиями и потому с беспощадностью видит, сколь ограничены возможности знания, как несоизмеримы загадки мироздания и природы с плодами научного опыта. Ему смешны похвалы помощника Вагнера. Этот педант готов прилежно грызть гранит науки и корпеть над пергаменами, не задумываясь над краеугольными проблемами, мучающими Фауста. «Всю прелесть чар рассеет этот скучный, несносный, ограниченный школяр!» - в сердцах говорит о Вагнере учёный. Когда Вагнер в самонадеянной глупости изрекает, что человек дорос до того, чтоб знать ответ на все свои загадки, раздражённый Фауст прекращает беседу. Оставшись один, учёный вновь погружается в состояние мрачной безысходности. Горечь от осознания того, что жизнь прошла в прахе пустых занятий, среди книжных полок, склянок и реторт, приводит Фауста к страшному решению: он готовится выпить яд, чтобы покончить с земной долей и слиться со вселенной. Но в тот миг, когда он подносит к

губам отравленный бокал, раздаются колокольный звон и хоровое пение. Идёт ночь Святой Пасхи, Благовест спасает Фауста от самоубийства. «Я возвращён земле, благодаренье за это вам, святые песнопенья!»

Наутро вдвоём с Вагнером они вливаются в толпу праздничного народа. Все окрестные жители почитают Фауста: и он сам, и его отец без устали лечили людей, спасая их от тяжких болезней. Врача не пугала ни моровая язва, ни чума, он, не дрогнув, входил в заражённый барак. Теперь простые горожане и крестьяне кланяются ему и уступают дорогу. Но и это искреннее признание не радует героя. Он не переоценивает собственных заслуг. На прогулке к ним прибивается чёрный пудель, которого Фауст затем приводит к себе домой. Стремясь побороть безволие и упадок духа, овладевшие им, герой принимается за перевод Нового Завета. Отвергая несколько вариантов начальной строки, он останавливается на толковании греческого «логос» как «дело», а не «слово», убеждаясь: «В начале было дело», - стих гласит. Однако собака отвлекает его от занятий. И наконец она оборачивается Мефистофелем, который в первый раз предстаёт Фаусту в одежде странствующего студента.

На настороженный вопрос хозяина об имени гость отвечает, что он «часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла». Новый собеседник, в отличие от унылого Вагнера, ровня Фаусту по уму и силе прозрения. Гость снисходительно и едко посмеивается над слабостями человеческой природы, над людским уделом, словно проникая в самую сердцевину терзаний Фауста. Заинтриговав учёного и воспользовавшись его дремотой, Мефистофель исчезает. В следующий раз он появляется нарядно одетым и сразу предлагает Фаусту рассеять тоску. Он уговаривает старого отшельника облачиться в яркое платье и в этой «одежде, свойственной повесам, изведать после долгого поста, что означает жизни полнота». Если предложенное наслаждение захватит Фауста настолько, что он попросит остановить мгновенье, то он станет добычей Мефистофеля, его рабом. Они

скрепляют сделку кровью и отправляются в странствия – прямо по воздуху, на широком плаще Мефистофеля.

Фауст становится молодым, красивым, полным сил и желаний. Он отведал зелья, сваренного ведьмой, после чего кровь его закипела. Он не знает более колебаний в своей решимости постичь все тайны жизни и стремлении к высшему счастью.

Маргарита, или Гретхен (пятнадцатый год) чиста и невинна, как дитя. Она выросла в убогом городке, где у колодца кумушки судачат обо всех. Они с матерью похоронили отца. Брат служит в армии, а младшая сестрёнка, которую Гретхен вынянчила, недавно умерла. В доме нет служанки, поэтому все домашние и садовые дела на её плечах. «Зато как сладок съеденный кусок, как дорог отдых и как сон глубок!» Эту бесхитростную душу суждено было смутить премудрому Фаусту. Встретив девушку на улице, он вспыхнул к ней безумной страстью. Сводник-дьявол немедленно предложил свои услуги. И вот уже Маргарита отвечает Фаусту столь же пламенной любовью. Мефистофель подначивает Фауста довести дело до конца, и тот не может противиться этому. Он встречается с Маргаритой в саду. Можно лишь догадываться, какой вихрь бушует в её груди, как безмерно её чувство, если она (до того сама праведность, кротость и послушание) не просто отдаётся Фаусту, но и усыпляет строгую мать по его совету, чтобы та не помешала свиданиям.

Любовь дарит им ослепительное блаженство, но она же вызывает цепь несчастий. Случайно брат Маргариты Валентин, проходя мимо её окна, столкнулся с парой «ухажёров» и немедленно бросился драться с ними. Мефистофель не отступил и обнажил шпагу. По знаку дьявола Фауст тоже ввязался в этот бой и заколол брата возлюбленной. Умирая, Валентин проклял сестру-гуляку, предав её всеобщему позору. Фауст не сразу узнал о дальнейших её бедах. Он бежал от расплаты за убийство, поспешив из города вслед за своим вожатым. А что же Маргарита? Оказывается, она своими руками невольно умертвила мать, потому что та однажды не проснулась после сонного зелья. Позже она родила дочку и утопила её в реке,

спасаясь от гнева соседей. Кара не миновала её: брошенная возлюбленная, заклеянная как блудница и убийца, она заточена в тюрьму и в колодках ожидает казни.

Её любимый далеко. Сейчас вместе с Мефистофелем он мчится на Брокен – на этой горе в Вальпургиеву ночь начинается шабаш ведьм. Вокруг героя царит истинная вакханалия: мимо проносятся ведьмы, перекликаются бесы, кикиморы и черти, всё объято разгулом, дразнящей стихией порока и блуда. Фауст не испытывает страха перед кишасцей повсюду нечистью, которая являет себя во всём многоголосом откровении бесстыдства. Это бал сатаны. И вот уже Фауст выбирает здесь красотку помоложе, с которой пускается в пляс. Он оставляет её лишь тогда, когда из её рта неожиданно выпрыгивает розовая мышь. «Благодари, что мышка не сера, и не горюй об этом так глубоко», - снисходительно замечает на его жалобу Мефистофель.

Однако Фауст не слушает его. В одной из теней он угадывает Маргариту. Он видит её заточённой в темнице, со страшным кровавым рубцом на шее, и холодеет. Бросаясь к дьяволу, он требует спасти девушку. Тот возражает: разве не сам Фауст явился её соблазнителем и палачом? Герой не желает медлить. Мефистофель обещает ему наконец усыпить стражников и проникнуть в тюрьму. Вскочив на коней, двое заговорщиков несутся назад в город. Их сопровождают ведьмы, чующие скорую смерть на эшафоте.

Испившая всё беспредельное унижение публичного позора и страдания от совершённых ею грехов, Маргарита лишилась рассудка. Простоволосая, босая, она поёт в заточении детские песенки и вздрагивает от каждого шороха. При появлении Фауста она не узнаёт его и съёживается на подстилке. Он в отчаянье слушает её безумные речи. Она лепечет что-то о загубленном младенце, умоляет не вести её под топор. Фауст бросается перед девушкой на колени, зовёт её по имени, разбивает её цепи. Наконец она сознаёт, что перед нею Друг. «Ушам поверить я не смею, где он? Скорей к нему на шею! Скорей, скорей к нему на грудь! Сквозь мрак темницы

неутешный, сквозь пламя адской тьмы крошечной, и улюлюканье и вой...»

Она не верит своему счастью, тому, что спасена. Фауст лихорадочно торопит её покинуть темницу и бежать. Но Маргарита медлит, жалобно просит приласкать её, упрекает, что он отвык от неё, «разучился целоваться». Фауст снова теребит её и закликает поспешить. Тогда девушка вдруг начинает вспоминать о своих смертных грехах: безыскусная простота её слов заставляет Фауста холодеть от ужасного предчувствия. «Усыпила я до смерти мать, дочь свою утопила в пруду. Бог думал её нам на счастье дать, а дал на беду». Прерывая возражения Фауста, Маргарита переходит к последнему завету. Он должен обязательно остаться в живых, чтобы выкопать «лопатой три ямы на склоне дня: для матери, для брата и третью для меня. Мою копай сторонкой, недалеко клади и приложи ребёнка тесней к моей груди». Маргариту опять начинают преследовать образы погибших по её вине, ей мерещится дрожащий младенец, которого она утопила, сонная мать на пригорке. Она говорит Фаусту, что нет хуже участи, чем «шататься с совестью больной», и отказывается покинуть темницу. Фауст порывается остаться с нею, но девушка гонит его. Появившийся в дверях Мефистофель торопит Фауста. Они покидают тюрьму, оставляя Маргариту одну. Перед уходом Мефистофель говорит, что Маргарита осуждена на муки как грешница. Однако голос свыше поправляет его: «Спасена». Предпочтя мученическую смерть, Божий суд и искреннее раскаяние побегу, девушка спасла свою душу. Она отказалась от услуг дьявола.

В начале второй части мы застаём Фауста, забывшегося на зелёном лугу в тревожном сне. Летучие лесные духи дарят покой и забвение его истерзанной угрызениями совести душе. Через некоторое время он просыпается исцелённый, наблюдая восход солнца. Теперь Фауст понимает, что несоразмерность цели возможностям человека может уничтожить, как солнце, если смотреть на него в упор. Ему милей образ радуги, «которая игрою семицветную изменчивость возводит в постоянство».

На этот раз Мефистофель приводит Фауста к императорскому двору. В государстве, куда они попали, царит разлад по причине оскудения казны. Никто не знает, как поправить дело, кроме Мефистофеля, выдавшего себя за шута. Искуситель развивает план пополнения денежных запасов, который вскоре блестяще реализует. Он пускает в обращение ценные бумаги, залогом которых объявлено содержание земных недр. Дьявол уверяет, что в земле множество золота, которое рано или поздно будет найдено, и это покроет стоимость бумаг. Одураченное население охотно покупает акции, «и деньги потекли из кошелька к виноторговцу, в лавку мясника. Полмира запило, и у портного другая половина шьёт обнови». Понятно, что горькие плоды аферы рано или поздно скажутся, но пока при дворе царит эйфория, устраивается бал, а Фауст как один из чародеев пользуется невиданным почётом.

Мефистофель вручает ему волшебный ключ, дающий возможность проникнуть в мир языческих богов и героев. Фауст приводит на бал к императору Париса и Елену, олицетворяющих мужскую и женскую красоту. Когда Елена появляется в зале, некоторые из присутствующих дам делают в её адрес критические замечания. «Стройна, крупна. А голова – мала... Нога несоразмерно тяжела...» Однако Фауст всем существом чувствует, что перед ним заветный в своём совершенстве духовный и эстетический идеал. Слепящую красоту Елены он сравнивает с хлынувшим потоком сиянья. «Как мир мне дорог, как впервые полон, влекущ, доподлинен, неизглаголан!» Однако его стремление удержать Елену не даёт результата. Образ расплывается и исчезает, раздаётся взрыв, Фауст падает наземь.

Теперь герой одержим идеей найти прекрасную Елену. Его ждёт долгий путь через толщи эпох. Этот путь пролегает через его бывшую рабочую мастерскую, куда перенесёт его в забытии Мефистофель. Учёный педант Вагнер занят созданием в колбе искусственного человека, твёрдо полагая, что «прежнее детей прижитье – для нас нелепость, сданная в архив». На глазах усмехающегося Мефистофеля из колбы рождается

Гомункул, страдающий от двойственности собственной природы.

Когда наконец Фауст разыщет прекрасную Елену и соединится с нею и у них родится ребёнок, отмеченный гениальностью, контраст между этим прекрасным плодом живой любви и несчастным Гомункулом выявится с особой силой. Однако прекрасный Эвфорион, сын Фауста и Елены, недолго проживёт на земле. Его манят борьба и вызов стихиям. «Я не зритель посторонний, а участник битв земных», - заявляет он родителям. Он уносится ввысь и исчезает, оставляя в воздухе светящийся след. Елена обнимает на прощанье Фауста и замечает: «На мне сбывается реченье старое, что счастье с красотой не уживается...» В руках у Фауста остаются лишь её одежды.

Мефистофель в семимильных сапогах возвращает героя из гармоничной языческой античности в родное средневековье. Он предлагает Фаусту различные варианты того, как добиться славы и признания, однако тот отвергает их и рассказывает о собственном плане. С воздуха он заметил большой кусок суши, которую ежегодно затопляет морской прилив, лишая землю плодородия, Фаустом владеет идея построить плотину, чтобы «любой ценою у пучины кусок земли отвоевать». Мефистофель, однако, возражает, что пока надо помочь их знакомому императору, который после обмана с ценными бумагами, пожив немного власть, оказался перед угрозой потери трона. Фауст и Мефистофель возглавляют военную операцию против врагов императора и одерживают блестящую победу.

Теперь Фауст хочет приступить к осуществлению своего заветного замысла, однако на месте будущей плотины стоит хижина старых бедняков – Филемона и Бавкиды. Упрямые старики не желают поменять своё жилище, хотя Фауст и предложил им другой кров. Он в раздражённом нетерпении просит дьявола помочь справиться с упрямыми. В результате несчастную чету постигает безжалостная расправа. Мефистофель со стражниками убивают гостя, старики умирают от потрясения, а хижина занимается пламенем от случайной искры. Испытывая в очередной раз горечь от непоправимости

случившегося, Фауст восклицает: «Я мену предлагал со мной, а не насилье, не разбой. За глухоту к моим словам проклятье вам, проклятье вам!»

Он испытывает усталость. Он снова стар и чувствует, что жизнь опять подходит к концу. Все его стремленья сосредоточены теперь в достижении мечты о плотине. Его ждёт ещё один удар – Фауст слепнет. Однако он различает стук лопат, движение, голоса. Им овладевает радость и энергия: он понимает, что заветная цель уже брезжит. Герой начинает отдавать лихорадочные команды: «Вставайте на работу дружным скопом! Рассыпьте цепью, где я укажу. Кирки, лопаты, тачки землекопам! Выравнивайте вал по чертежу!»

Незрячему Фаусту невдомёк, что Мефистофель сыграл с ним коварную штуку. Вокруг Фауста копошатся в земле не строители, а лемуры, злые духи. По указке дьявола они роют Фаусту могилу. Герой между тем исполнен счастья. В душевном порыве он произносит последний свой монолог. Теперь он понимает, что не власть, не богатство, не слава, даже не обладание самой прекрасной на земле женщиной дарует подлинно высший миг существования. Только общее деяние, одинаково нужное всем и осознанное каждым, может придать жизни высшую полноту. Он понимает, «лишь тот, кем бой за жизнь изведен, жизнь и свободу заслужил». Фауст произносит сокровенные слова о том, что он переживает свой высший миг и что «народ свободный на земле свободной» представляется ему такой грандиозной картиной, что он мог бы остановить это мгновение. Немедленно жизнь его прекращается. Он падает навзничь. Мефистофель предвкушает момент, когда по праву завладеет его душой. Но в последнюю минуту ангелы уносят душу Фауста прямо перед носом дьявола. Впервые Мефистофелю изменяет самообладание, он неистовствует и проклиная сам себя.

Душа Фауста спасена, а значит, его жизнь в конечном счёте оправдана. За гранью земного существования душа героя встречается с душой Гретхен, которая становится проводником в ином мире.

Вопросы и задания к тексту:

1. Перескажите сюжет драмы. Укажите завязку, развитие действия, кульминацию и развязку.
2. Каковы интрига и конфликт в пьесе?
3. Назовите и охарактеризуйте главных героев.
4. Прочитайте отрывки пьесы «Фауст».

(отрывки)

Пролог на небе

Мефистофель.

К тебе попал я, боже, на приём,
Чтоб доложить о нашем положении.
Вот почему я в обществе твоём
И всех, кто состоит тут в услуженье,
Но если б я произносил тирады,
Как ангелов высокопарный лик,
Тебя бы насмешил я до упаду,
Когда бы ты смеяться не отвык.
Я о планетах говорить стесняюсь,
Я расскажу, как люди бьются, маясь.
Божок вселенной, человек таков,
Каким и был он испокон веков.
Он лучше б жил чуть-чуть, не озари
Его ты божьей искрой изнутри.
Он эту искру разумом зовет
И с этой искрой скот скотом живет
Прошу простить, но по своим приемам
Он кажется каким-то насекомым.
Полулетя, полускача,
Он свиритит, как саранча,
О, если б он сидел в траве покоса
И во все дрязги не совал бы носа!

Господь.

И это всё? Опять ты за своё?

Лишь жалобы да вечное нытьё?
Так на земле всё для тебя не так?

Мефистофель.

Да, господи, там беспросветный мрак
И человеку бедному так худо,
Что даже я щажу его покуда.

Господь.

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель.

Он доктор?

Господь.

Он мой раб.

Мефистофель.

Да, странно этот эскулап
Справляет вам повинность божью,
И чем он сыт, никто не знает тоже.
Он рвется в бой, и любит брать преграды,
И видит цель, манящую вдали,
И требует у неба звезд в награду
И лучших наслаждений у земли,
И век ему с душой не будет сладу,
К чему бы поиски ни привели.

Господь.

Он служит мне, и это налицо,
И выбьется из мрака мне в угоду.
Когда садовник садит деревцо,
Плод наперёд известен садоводу.

Мефистофель.

Поспоримте! Увидите воочью,
У вас я сумасброда отобью,
Немного взявши в выучку свою.
Но дайте мне на это полномочья.

Господь.

Они тебе даны. Ты можешь гнать,
Пока он жив, его по всем уступам.
Кто ищет – вынужден блуждать.

Мефистофель.

Пристрастья не питаю к трупам,
Спасибо должен вам сказать.
Мне ближе жизненные соки,
Румянец, розовые щёки.
Котам нужна живая мышь,
Их мёртвыми не соблазнишь.

Господь.

Он отдан под твою опеку!
И, если можешь, низведи
В такую бездну человека,
Чтоб он тащился позади.
Ты проиграл наверняка.
Чутьём, по собственной охоте
... Он вырвется из тупика.

Мефистофель.

Поспорим. Вот моя рука.
И скоро будем мы в расчете.
Вы торжество мое поймете,
Когда он, ползая в помете,
Жрать будет прах от башмака,
Как пресмыкается века
Змея, моя родная тётя.

Господь.

Тогда ко мне являйся без стеснения.
Таким, как ты, я никогда не враг.
Из духов отрицания ты всех менее
Бывал мне в тягость, плут и весельчак.
Из лени человек впадает в спячку.
Ступай, расшевели его застой,
Вертись пред ним, томи, и беспокой,
И раздражай его своей горячкой.
(Обращаясь к ангелам).
Вы ж, дети мудрости и милосердия,
Любуйтесь красотой предвечной тверди,
Что борется, страдает и живет,
Пусть в вас любовь рождает и участие,

Но эти превращения в свой черед
Немеркнувшими мыслями украсьте.
Небо закрывается. Архангелы расступаются.

Мефистофель (*один*).

Как речь его спокойна и мягка!
Мы ладим, отношений с ним не портя.
Прекрасная черта у старика
Так человечно думать и о чёрте.

БОЛЬШОЙ ДВОР ПЕРЕД ДВОРЦОМ

Факелы.

Впереди Мефистофель в качестве смотрителя работ.

Мефистофель.

Эй, эй, сюда, сюда скорей,
Сюда, народ понурый,
Из жил, и связок, и костей
Скроённые лемуры!

Лемуры (*хором*).

Куда нас хочешь посылай,
Но, в некотором роде,
Слыхали мы, что целый край
Нам отдан под угодыя.
Мы взяли колышки для вех
И цепи для промера,
Но для чего ты звал нас всех,
Забыли землемеры.

Мефистофель.

Я вам работу дам одну;
Меж вами рослый самый
Пускай растянется в длину,
По нём и ройте яму.
Как рыл отец ваш для отца
Кладбищенскую глину,
Переселенцу из дворца
Копайте домовину.

Один из лемуrow (*копая землю, с ужимками*).

В дни молодости и проказ

На всё хватало силы.

Где можно, я пускался в пляс,

И всё мне с рук сходило.

Дала мне старость по горбу,

И в яму я свалился.

И вылетело всё в трубу,

В гробу я очутился.

Фауст (*выходит ошупью из дворца, хватаясь за дверные косяки*).

Как мне приятен этот стук лопат!

Рабочие, их разобрав, толпою

Кладут границу бешенству прибоя

И, как бы землю примирив с собою,

Возводят, вал и насыпи крепят.

Мефистофель (*в сторону*).

На мельницу мою ты воду льёшь.

Плотиной думая сковать буруны,

Морскому черту, старику Нептуну,

Заранее готовишь ты кутёж.

В союзе с нами против вас стихии,

И ты узнаешь силы роковые,

И в разрушение сам, как все, придёшь.

Фауст.

Надсмотрщик!

Мефистофель.

Здесь!

Фауст.

Усилий не жалей!

Задатками и всевозможной льготой

Вербуй сюда работников без счёту

И доноси мне каждый день с работы,

Как подвигается рытьё траншей.

Мефистофель (*вполголоса*).

На этот раз, насколько разумею,

Тебе могилу роют, – не траншею.

Фауст.

Болото тянется вдоль гор,
Губя работы наши вчуже.
Но чтоб очистить весь простор,
Я воду отведу из лужи.
Мильоны я стяну сюда
На девственную землю нашу.
Я жизнь их не обезопасу,
Но благодатностью труда
И вольной волею украшу.
Стада и люди, нивы, села
Раскинутся на целине,
К которой дедов труд тяжёлый
Подвёл высокий вал извне.
Внутри по-райски заживётся.
Пусть точит вал морской прилив,
Народ, умеющий бороться,
Всегда заделает прорыв.
Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопил.
Лишь тот, кем бой за жизнь изведан,
Жизнь и свободу заслужил.
Так именно, вседневно, ежегодно,
Трудясь, борясь, опасностью шутя,
Пускай живут муж, старец и дитя.
Народ свободный на земле свободной
Увидеть я б хотел в такие дни.
Тогда бы мог воскликнуть я: «Мгновенье!
О как прекрасно ты, повремени!
Воплощены следы моих борений,
И не сотрутся никогда они».
И это торжество предвосхищая,
Я высший миг сейчас переживаю.
*Фауст падает навзничь. Лемуры подхватывают его и
кладут на землю.*

Мефистофель.

В борьбе со всем, ничем ненасытим,

Преследуя изменчивые тени,
Последний миг, пустейшее мгновенье
Хотел он удержать, пленившись им.
Кто так сопротивлялся мне, бывало,
Простёрт в песке, с ним время совладало,
Часы стоят.

Хор .

Стоят. Молчат, как ночь.
Упала стрелка. Делу не помочь.

Мефистофель.

Упала стрелка. Сделано. Свершилось.

Хор.

Конец.

Мефистофель.

Конец? Нелепое словцо!

Чему конец? Что, собственно, случилось?

Раз нечто и ничто отожествилось,
То было ль вправду что-то налицо?

Зачем же созидать? Один ответ;

Чтоб созданное всё сводить на нет.

«Всё кончено». А было ли начало?

Могло ли быть? Лишь видимость мелькала,

Зато в понятие вечной пустоты

Двусмысленности нет и темноты.

(Пер. Б. Пастернака).

Вопросы к тексту:

1. Какое место занимает данный эпизод в произведении?
2. В чём состоит суть спора Господа и Мефистофеля?
3. Как относятся оба персонажа к людям?
4. Что мы узнаём из первого отрывка о докторе Фаусте?
5. Как относятся друг к другу Бог и Чёрт?
6. Как содержание первого отрывка обуславливает развитие действия в драме?
7. Как вы понимаете финал произведения? Кто же одержал победу в споре – Бог или Мефистофель?

Анотація

Історія російської та зарубіжної літератури XVII – XVIII ст. : хрестоматія для іноземних студентів спеціальності «Мова (російська та англійська) та зарубіжна література» / уклад. Н.Л. Юган.

Хрестоматію з історії російської та зарубіжної літератури XVII – XVIII ст. адресовано іноземним студентам 1 та 2 курсів спеціальності «Мова (російська – англійська) та зарубіжна література», що здобувають знання з історії російської та зарубіжної літератури.

Хрестоматія включає до себе матеріали з історії російської та зарубіжної літератури XVII – XVIII ст.: перекази художніх творів, тексти та уривки з текстів, що входять до навчальної програми (практичні заняття) курсів «Історія російської літератури XVIII ст.» та «Історія зарубіжної літератури XVII – XVIII ст.». Студенти вивчають творчість А. Кантемира, М. Ломоносова, Д. Фонвізіна, Г. Державіна, О. Радіщева, М. Карамзіна; П. Корнеля, Ж. Расіна, Ж.-Б. Мольєра, Вольтєра, Д. Дідро, Д. Дефо, Дж. Свіфта, Ф. Шиллера, Й.-В. Гете та ін.

Текстуальний матеріал супроводжується питаннями та завданнями, що їх направлено на перевірку засвоєння змісту твору та цілісний аналіз тексту. В окремих випадках завдання орієнтують студентів на проведення компаративних зіставлень твору, що вивчається, та близьких йому творів інших епох та національних культур.

Хрестоматія сприяє організації аудиторної та самостійної роботи студентів стаціонару факультету іноземних мов, може бути цікава студентам заочного відділення та вчителям.

Ключові слова: хрестоматія, російська та зарубіжна література, переказ художнього твору, текст, уривок з тексту, питання, завдання.

Аннотация

История русской и зарубежной литературы XVII – XVIII вв. : хрестоматия для иностранных студентов специальности «Язык (русский и английский) и зарубежная литература» / сост. Н.Л. Юган.

Хрестоматия по истории русской и зарубежной литературы XVII – XVIII вв. адресована иностранным студентам 1 и 2 курсов специальности «Язык (русский – английский) и зарубежная литература», которые овладевают знаниями по истории русской и зарубежной литературы.

Хрестоматия включает в себя материалы по истории русской и зарубежной литературы XVII – XVIII вв.: пересказы художественных произведений, тексты и отрывки из текстов, которые входят в учебную программу (практические занятия) курсов «История русской литературы XVIII в.» и «История зарубежной литературы XVII – XVIII вв.». Студенты изучают творчество А. Кантемира, М. Ломоносова, Д. Фонвизина, Г. Державина, А. Радищева, Н. Карамзина; П. Корнеля, Ж. Расина, Ж.-Б. Мольера, Вольтера, Д. Дидро, Д. Дефо, Дж. Свифта, Ф. Шиллера, Й.-В. Гёте и др.

Текстуальный материал сопровождается вопросами и заданиями, направленными на проверку усвоения содержания произведения и целостный анализ текста. В отдельных случаях задания ориентируют студентов на проведение компаративных сопоставлений изучаемого произведения и близких ему произведений других эпох и национальных культур.

Хрестоматия способствует организации аудиторной и самостоятельной работы студентов стационара факультета иностранных языков, может быть интересна студентам заочного отделения и учителям.

Ключевые слова: хрестоматия, русская и зарубежная литература, пересказ художественного произведения, текст, отрывок из текста, вопросы, задания.

Summary

History of Russian and foreign literature XVII – XVIII centuries. : Reader for foreign students of specialty «Languages (Russian and English) and foreign literature» / comp. N.L. Johan.

Readings on the history of Russian and foreign literature of XVII – XVIII centuries. addressed to foreign students 1 and 2 specialty courses «Language (Russian – English) and foreign literature» that acquire knowledge on the history of Russian and world literature.

Anthology includes material on the history of Russian and foreign literature of XVII – XVIII centuries.: Retelling of works of art, texts and excerpts from texts that are part of the curriculum (eg training) courses «History of Russian literature of the XVIII century». «History of Foreign Literature XVII – XVIII centuries». Students study the work of A. Cantemir Lomonosov, D. Fonvizin, Derzhavin, A. Radishchev N. Karamzin, Corneille, Jean Racine, Jean-Baptiste Moliere, Voltaire, Diderot, D. Defoe, J. Swift, Schiller, Y.-V. Goethe, etc.

Textual material is accompanied by questions and tasks aimed at proving to mastering the content of the work and complete analysis of the text. In some cases, the job orient students to conduct comparative mapping to study the work and the people close to him the works of other eras and national cultures.

A Reader helps to organize the classroom and self-study hospital department of foreign languages, may be of interest to students and teachers of the correspondence department.

Key words: reader, Russian and foreign literature, retelling the artwork, text, an excerpt from the text, questions, tasks.

Навчальне видання

Історія російської та зарубіжної літератури XVII – XVIII ст.

*Хрестоматія для іноземних студентів
спеціальності «Мова (російська та англійська)
та зарубіжна література»*

Російською мовою

Хрестоматія включає до себе матеріали з історії російської та зарубіжної літератури XVII – XVIII ст.: перекази художніх творів, тексти та уривки з текстів, що входять до навчальної програми (практичні заняття) курсів «Історія російської літератури XVIII ст.» та «Історія зарубіжної літератури XVII – XVIII ст.». Текстуальний матеріал супроводжується питаннями та завданнями, що їх направлено на перевірку засвоєння змісту твору та цілісний аналіз тексту.

Хрестоматія сприяє організації аудиторної та самостійної роботи студентів стаціонару факультету іноземних мов, може бути цікава студентам заочного відділення та вчителям.

Укладач – Н. Л. Юган

Здано до склад. 13.05.2013 р. Підп. до друку 05.06.2013 р.
Формат 60x84 1/16. Папір офсет. Гарнітура Times New Roman.
Друк ризографічний. Ум. друк. арк. 17,61. Наклад 300 прим. Зам. № 132.

Видавець і виготовлювач
Видавництво Державного закладу
«Луганський національний університет імені Тараса Шевченка»
вул. Оборонна, 2, м. Луганськ, 91011. т/ф: (0642) 58-03-20
e-mail: alma-mater@list.ru

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3459 від 09.04.2009 р.